

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
(ИНИОН РАН)**

**ПРАВО, ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ**

Сборник статей

**МОСКВА
2021**

УДК 342, 349
ББК 67.412.1
П 68

Серия
«Правоведение»

Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел правоведения

Редакционная коллегия:

Е.В. Алферова – канд. юрид. наук, отв. ред.;
Е.В. Бурдина – д-р юрид. наук, доцент; *Д.В. Ефременко*,
д-р политических наук;
Д.В. Красилов – канд. юрид. наук, доцент;
И.А. Умнова-Конюхова – д-р юрид. наук, профессор

Право, цифровые технологии и искусственный интеллект : сб. ст. / отв. ред. Е.В. Алферова. – Москва : ИНИОН РАН, 2021. – 267 с.
ISBN 978-5-248-01002-8

Исследуются проблемы, специфика и опыт отечественного и зарубежного правового регулирования, разработки, использования и развития систем искусственного интеллекта в государственном управлении, коммерческой и частной жизни. Выявляются основные риски и неопределенности, связанные с развитием цифровых инноваций и имеющие существенное значение для принятия законодательства в этой области, обеспечения безопасности и защиты прав и интересов личности, общества и государства.

Адресуется научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов, сотрудникам органов государственной власти, законодателям.

УДК 342, 349
ББК 67.412.1

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

И.А. Умнова-Конюхова. Право будущего в условиях цифровизации и использования искусственного интеллекта 7

Раздел I

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ, ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ, ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И ОБОРОТА НЕДВИЖИМОСТИ

<i>Т.Я. Четвернина, А.В. Четвернина.</i> Цифровая экономика и социально-трудовые правоотношения: новые возможности и вызовы	27
<i>С.И. Коданева.</i> Цифровая трансформация государственного управления	50
<i>Е.В. Скурко.</i> «Электронное правительство», «цифровой гражданин», «цифровая личность» искусственного интеллекта: новые подходы в цифровой государственной политике и юридической науке	69
<i>А.П. Иванова.</i> Здравоохранение в эпоху COVID-19: телемедицина, роботы и искусственный интеллект	87
<i>А.П. Иванова.</i> Правовые и этические проблемы использования искусственного интеллекта в сфере здравоохранения	106
<i>А.Н. Лужина.</i> Цифровые технологии в сфере оборота недвижимости.....	117

Раздел II
ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Е.В. Бурдина.</i> Концепция электронного (цифрового) правосудия как основа теоретико-правового моделирования судебной системы	129
<i>Н.В. Кравчук.</i> Искусственный интеллект в разрешении семейных споров: перспективы и пределы использования	159
<i>Д.В. Красиков.</i> Проблемы использования технологий искусственного интеллекта для разрешения международных споров	171

Раздел III
ПРАВОВОЙ СТАТУС И ЭТИКА ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

<i>И.А. Алешкова.</i> Цифровой статус личности и правовой статус искусственного интеллекта: новое в юридических конструкциях	186
<i>Г.Д. Власов.</i> Правовые вызовы искусственного интеллекта: европейский ответ	203
<i>Н.В. Крысанова.</i> Правосубъектность искусственного интеллекта: дискуссии в отечественных и зарубежных исследованиях	218
<i>Е.В. Скурко.</i> Этика искусственного интеллекта и проблемы правового регулирования	231
<i>Т.В. Захаров.</i> Право на неприкосновенность частной жизни: новая реальность эмоциональной сферы человека	251

CONTENT

Introductory article

<i>I.A. Umnova-Koniukhova.</i> The law of the future in the conditions of digitalization and the use of artificial intelligence	7
---	---

Chapter I

Digital transformation of the economy, public administration, healthcare and real estate turnover

<i>T.Ya. Chetvernina, A.V. Chetvernina.</i> Digital economy and social and labor relations: new opportunities and challenges.....	27
<i>S.I. Kodaneva.</i> Digital transformation of public administration	50
<i>E.V. Skurko.</i> «Electronic government», «digital citizen» and «digital personality» of artificial intelligence: new approaches in digital state policy and legal science	69
<i>A.P. Ivanova.</i> Healthcare in the age of COVID-19: telemedicine, robots, and artificial intelligence	87
<i>A.P. Ivanova.</i> Legal and ethical problems of the use of artificial intelligence in the field of healthcare	106
<i>A.N. Luzhina.</i> Digital technologies in the sphere of real estate turnover	117

Chapter II

Digital technologies in judicial activity

<i>E.V. Burdina</i> The concept of electronic (digital) justice as a basis of theoretical and legal modeling of the judicial system	129
---	-----

<i>N.V. Kravchuk.</i> Artificial intelligence in adjudication of family disputes: limits of use.....	159
<i>D.V. Krasikov.</i> Problems of using artificial intelligence technologies to resolve international disputes.....	171

Chapter III
Legal status and ethics
of artificial intelligence and human rights

<i>I.A. Aleshkova.</i> The digital status of the individual and the legal status of artificial intelligence: new developments in legal constructions	186
<i>G.D. Vlasov.</i> Legal challenges of artificial intelligence: european response.....	203
<i>N.V. Krysanova.</i> The legal personality of artificial intelligence: discussions in domestic and foreign studies	218
<i>E.V. Skurko</i> Development of legal regulation and ethics of artificial intelligence.....	231
<i>T.V. Zaharov.</i> The right to privacy: a new reality of the emotional sphere of a person	251

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

И.А. Умнова-Кониухова¹

ПРАВО БУДУЩЕГО В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

УДК 340, 349

DOI: 10.31249/pctii/2021.00.01

Аннотация. Рассматриваются тенденции и перспективы трансформации современного права и дается прогноз его преобразования в будущем; затрагиваются проблемы сохранения гуманистической сущности права, конвергенции права с другими регуляторами с позиции соотношения реального и виртуального; подчеркивается специфика цифрового права как отрасли права нового поколения; выявляются особенности взаимоотношений человека и машины как нового объекта правового регулирования; определяются преимущества и риски злоупотребления искусственным интеллектом при реализации институтов демократии, прав и свобод человека; поднимаются актуальные вопросы развития юридической технологии в условиях цифровизации и использования искусственного интеллекта.

Ключевые слова: право будущего; трансформация права; цифровизация; искусственный интеллект; цифровое право; гуманизм; трансгуманизм; злоупотребление искусственным интеллектом; робототехника; институты демократии; права и свободы; новые юридические технологии.

I.A. Umnova-Koniukhova

The law of the future in the conditions of digitalization and the use of artificial intelligence

Abstract. The trends and prospects of the transformation of modern law are considered and a forecast of its transformation in the future is given; the problems of preserving the humanistic essence of law, the convergence of law with other regulators from the position of the ratio of real and virtual are touched upon; the specifics of digi-

¹ Умнова-Кониухова Ирина Анатольевна, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, доктор юридических наук, профессор (Irina Umnova-Koniukhova, leading researcher at the INION RAS, doctor of law, professor).

tal law as a branch of law of a new generation are emphasized; the peculiarities of the relationship between man and machine as a new object of legal regulation are identified; the advantages and risks of abuse of the use of artificial intelligence for the implementation of democratic institutions, human rights and freedoms are identified; topical aspects of the development of legal technology in the conditions of digitalization and the use of artificial intelligence are raised.

Keywords: law of the future, transformation of law; digitalization, artificial intelligence; digital law; humanism; transhumanism; abuse of artificial intelligence; robotics; institutions of democracy; rights and freedoms; new legal technologies.

За последние три десятилетия взаимосвязанные процессы глобализации и научно-технологического развития, в частности появление сетевых цифровых технологий, робототехники, искусственного интеллекта (ИИ) и стремительная их конвергенция, стали разрушать традиционные представления о государстве и праве, об обществе, политике и экономике. Как отмечают исследователи, новая экономическая и социальная реальность под влиянием технологических изменений затрагивает множество областей как публичного, так и частного права. Традиционные представления юридической науки все более устаревают, возникает необходимость в разработке альтернативных подходов к решению различных проблем правового регулирования¹.

Трансформация цивилизационных отношений в условиях научно-технологического прогресса XXI столетия заставляет задуматься о праве будущего, о его сущности и содержании, о субъектах и объектах права. Человечество получило прорывные технологии, но не изучило последствий их влияния на человеческую жизнь, не сформировало базисные категории правовой защиты. В итоге право, как средство защиты людей и упорядочения взаимоотношений между ними, оказалось слабым и в определенных случаях просто бессильным инструментом перед лицом новых технологических вызовов. Среди вызовов праву, предопределяющих его глубинные изменения, в особом осмыслении нуждаются процессы сетевой цифровизации и масштабного, всестороннего внедрения ИИ.

Преимущества и риски цифровизации не только поставили вопрос о правовом регулировании данного феномена. Научный интерес вызывают как развитие права в целом в условиях цифрови-

¹См.: Robotics, AI and the future of law / Ed.: Corrales M., Fenwick M., Forgó N. – 2018. – P. 17. – URL: <https://lib.education/book/3664569/d4fb43?id=3664569&secret=d4fb43> (дата обращения: 12.06.2021).

зации государства и общества, так и появление нового элемента в его системе – цифрового права¹.

Право в условиях новой реальности рассматривается не только как основной регулятор цифровизации государственной и общественной жизни, но и как объект модернизации и трансформации для адаптации к новым реалиям. В научной литературе резонно отмечается, что правовое регулирование вопросов цифровизации и юридической техники значительно отстает от развития технологий. В основном «вдогонку» принимаются нормативные правовые акты, многие из перечисленных законов – лишь точечные и ситуационные меры, которые будут еще неоднократно уточняться и приспособливаться к реальности².

Зарубежные и отечественные ученые обращают внимание на необходимость развития теории и методологии новых технологий права, конвергенции права с другими регуляторами с позиции соотношения реального и виртуального, человека и машин как носителей ИИ и др.³

Тенденции и перспективы развития права в условиях цифровизации и использования искусственного интеллекта. Учитывая контекст влияния цифровизации и ИИ на право в целом, можно было бы выделить следующие тенденции развития права: 1) формируются новые правовые понятия и дефиниции, составляющие основу будущих правовых институтов; 2) меняются образ, внутреннее строение и форма права, создаются новые правовые институты, подотрасли и отрасли права; 3) преобразуются некоторые формальные признаки источников права⁴; 4) расширяется ка-

¹ См.: Полякова Т.А. Актуальные проблемы развития системы правового обеспечения информационной безопасности в цифровую эпоху и юридическое образование // Вестник Ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М., 2019. – № 12. – С. 41; Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – М., 2018. – № 1. – С. 87 и др.

² Талапина Э.В. Государственный суверенитет в информационном пространстве: новые задачи права // Государство и право. – 2018. – № 5. – С. 60–67; Власенко Н.А. Модернизация Конституции России (К итогам обсуждения в связи с 25-летием) // Вестник РУДН. Сер. Юрид. науки. – 2019. – Т. 23, № 2. – С. 163–183; Петровская О.В. Критерии достоверности информации по российскому законодательству // Информационное право. – 2020. – № 2. – С. 17–19 и др.

³ См.: Corrales M., Fenwick M., Forgó N. Robotics, AI and the future of law. – 2018. – 245 p.; Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85, 101.

⁴ См.: Баранов В.М., Толстик В.А. Кодификационный процесс и результат // Кодификация законодательства: теория, практика, техника : материалы Между-

талог прав человека за счет появления их нового поколения – «цифровых прав»; 5) право настраивается на решение новых задач посредством «цифровой прививки» конституционному, гражданскому, трудовому, административному, уголовному и многим другим отраслям законодательства¹; 6) возникают новые виды и меняется характер объектов правового регулирования; 7) появляются новые правовые регуляторы технологического характера (алгоритмы, программные коды, операционные системы и пр.), возрастает роль технических нормативов и дескриптивных норм права; 8) расширяется круг субъектов права, появляются новые типы правоотношений (машина – человек, человек – операционная система и пр.); 9) меняются правила и процедуры юридической деятельности (цифровые выборы, электронное правосудие, цифровизация мелких юридических услуг и пр.)²; 10) изменяются квалификационные требования к компетенции и к подготовке юридических кадров; 11) обнаруживаются и другие заметные изменения в праве.

Рассматривая перспективы влияния цифровизации на право, В.Д. Зорькин видит несколько вариантов такого развития права: 1) право трансформируется в иной социальный регулятор, допуская появление программного кода или некой гибридной формы; 2) право сохранит свои субстанциональные признаки и будет мирно сосуществовать с программным кодом; 3) появится новая нормативная система, которая займет свое место в системе социальных норм наряду с правом, моралью, религией³. На мой взгляд, все три прогноза будут синтезировано проявлять себя в праве будущего, в ближайшем столетии мы будем наблюдать гибридизацию права с другими регуляторами и переход его в новое качественное состояние, отвечающее запросам выживания и развития цивилиза-

нар. науч.-практ. конф. (Н. Новгород, 25–26 сентября 2008 г.) // Журнал российского права. – 2009. – № 4. – С. 130–140.

¹См.: Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С. 12.; Николаев А.И. Вопросы цифровизации права в современной юридической доктрине // Вестник МГПУ. Сер. Юрид. науки. – М., 2019. – № 4 (36). – С. 45 и др.

²См.: Дорская А.А. Проблема цифровизации правовой сферы: основные направления исследований // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху. – 2019. – С. 19–24.

³См.: Зорькин В.Д. Право в цифровом мире: размышления на полях Петербургского международного юридического форума // Рос. газета. – 2018. – 18 мая, № 115.

ции. В праве будущего не только произойдет заметная дисперсия моделей и средств правового регулирования общественных отношений, но и возрастет конвергенция с иными социальными регуляторами – нормами этики, религиозными нормами, нормами общественных формирований, иными социальными нормами как ответ на новые вызовы принципам конституционализма, правам и свободам человека, целям и задачам устойчивого развития, обеспечения мира и безопасности, справедливости, свободы, достоинства и другим принципам гуманизма.

Прогноз права будущего затрагивает разные его аспекты. Представляются наиболее актуальными для научно-практического анализа следующие *направления развития права под влиянием цифровизации, внедрения ИИ и других современных научных технологий*:

- в контексте изменения сущности права необходимы оценка угроз трансформации права гуманизма в право трансгуманизма и поиск путей противодействия этим угрозам;

- с точки зрения развития системы и структуры права важно обратить внимание на появление отраслей права и отраслей законодательства нового поколения, в частности на выделение цифрового права из информационного права в качестве самостоятельной отрасли права;

- в структуре правовых регуляторов важно определиться с признанием таких новых инструментов, как алгоритм, программный код, операционная система и пр., и понять пределы их конвергенции с классическими регуляторами права – принципами и нормами;

- при выявлении тенденции к расширению перечня объектов правового регулирования важно оценить появление принципиально нового объекта правового регулирования – отношений между человеком и машиной, наделенной искусственным интеллектом;

- необходимо определить границы расширения субъектов права под влиянием процессов цифровизации и ИИ;

- предстоит определить правовой статус ИИ, внедряемого в систему общественных отношений и выполняющего политические, экономические, социальные, духовно-культурные, экологические и иные функции, ответственность за которые несут государство, органы государственной власти, физические и юридические лица, человек и другие традиционные субъекты права;

- важно определить круг задач по правовой нейтрализации отрицательного воздействия цифровизации и ИИ на ключевые ин-

ституты права: принципы гуманизма, права и свободы человека, справедливое правосудие, демократические институты публичной власти и т.п.

Рассмотрим подробнее некоторые наиболее актуальные аспекты развития права будущего в вышеуказанных направлениях.

Проблемы сохранения гуманистической сущности права будущего. Тенденция к деидеологизации и деполитизации права в условиях глобализации в конце XXI в., включая отказ от понятий «буржуазное» и «социалистическое государство» в отечественном правоведении, изменила сущностный подход к праву. К началу нового столетия право, по сути, стало характеризоваться как нейтральный регулятор общественных отношений, который с помощью принципов и норм права (правил поведения) на основе общих гуманистических, преимущественно либерально-демократических стандартов-ориентиров, воплощенных в международном праве в виде общепризнанных принципов и норм международного права, определял наднациональный и внутригосударственный правопорядки так называемых ведущих держав мира¹. Под влиянием Четвертой промышленной революции, новейшего научно-технологического прогресса, формирования платформ цифровизации государства и общества, в условиях широкого внедрения достижений ИИ в современное право «ворвались» новые регуляторы, такие как программные коды, алгоритмы, блокчейн-технологии, операционные системы и пр. Общая идея гуманистического развития человечества, признанная международным правом, стала подменяться новой концепцией человеческой цивилизации – трансгуманизмом, который постепенно пронизывает разные сферы правопорядка.

Гуманизм как синтезированная идея Нового времени определял вектор развития государства и права в XIX и XX вв., оказывал доминирующее влияние на содержание принципов и норм права, нравственности и религиозных норм (христианство, ислам, буддизм, иудаизм и др.) в соответствии с заповедями добра, любви, справедливости и достоинства. Идеи договора между государством и народом, всеобщих прав и свобод человека, концепция государства общего благоденствия, создаваемого в интересах народа и с заботой о нем (социальное государство), доктрины антикоррупционного государства, ответственного перед народом и отдельными людьми (механизм сдержек и противовесов в разделении властей, депутатский императивный мандат и др.), – все это были парадигмы,

¹ В частности, если иметь в виду объединение стран в G7 (G8).

обусловленные философией гуманизма, пускающей свои корни и при капиталистической, и при социалистической и при иных общественно-политических формациях. Человек, его права и свободы рассматривались как высшие ценности и не подвергались сомнению в контексте приоритетной правовой защиты.

Трансгуманизм несет за собой другую философию жизни: человек несовершенен и должен быть изменен. Изменение человека трансгуманисты видят с помощью двух основных вариантов: клоны и биороботы или биосущества как синтез человека и вкрапленного в него искусственного интеллекта. Такими существами управлять значительно легче, как и легче их «ремонтировать», «модифицировать», «обновлять» и пр. Предполагается, что они будут эффективнее работать, жить в новом интенсивном ритме ускорения, будут лишены человеческих слабостей (быстрая утомляемость, подверженность болезням, склонность к вредным привычкам, пределы физических возможностей и пр.). Для удовлетворения потребностей этих квазилюдей уже не потребуются набора затратных прав и свобод, государство не будет обременять себя дорогостоящей системой социального обеспечения и пр. Жизнь и развитие будут предопределяться технологиями поддержки и совершенствования человека, обеспечиваемых элитой, в руках которой окажутся эти инновации. Поэтому трансгуманизм – это идея, по сути, отрицающая современное представление о праве и правах человека и выводящая цивилизацию на новый тип технократической системы управления людьми и манипулирования их сознанием. Развитие этой идеи приведет в перспективе к уничтожению современного человека и народа как общности людей и замене их новой особью «постчеловеков» и управляемой биомассой.

В XXI в. трансгуманизм вышел на полноценную теоретическую институционализацию, его влияние глобализировалось, и он в реальности начал преобразовывать мир, что не может не вызывать опасений. В частности, трансгуманистический настрой виден в масштабных бизнес-проектах развития современных технологий. Так, проект «Геном человека» (Human Genome Project) – программа секвенирования и картирования всех генов человека как биологического вида – по своей сути был нацелен на формирование систем внешнего управления геномом человека. Главными целями этого международного научно-исследовательского проекта были определение последовательности нуклеотидов, которые со-

ставляют ДНК, и идентификация генов в человеческом геноме¹. В дополнение к этому проекту в марте 2016 г. американское правительство запустило новый масштабный проект искусственного мозга Apollo². Соединение исследовательских результатов проектов «Геном человека» и Apollo даст возможность выйти на финишную прямую в процессах биороботизации, о чем грезят трансгуманисты. Обратное проектирование мозга с использованием штрихкодирования ДНК позволит компьютерам думать лучше, чем человек. В итоге станет возможным считывание информации о человеке по крови. Симбиоз человека и электроники на таких условиях полностью уничтожит свободу воли человека, его сущность как личности и как высшую ценность в системе правовой защиты.

Представляется, что современные «проводники» трансгуманизма – это не просто амбициозные люди, одержимые идеей сверхчеловека, а идеологи и практики, активно использующие все имеющиеся рычаги цивилизации (власть, финансы, институциональные структуры, транснациональную экономику и пр.) для трансформации государства, права и общества в постчеловеческую реальность. Новая реальность имеет множество неизвестных данных и порождает целый круг духовных, нравственных и иных сущностных вопросов человеческого бытия. В связи с этим важное значение приобретает защита права будущего как права гуманизма.

Цифровое право – отрасль права нового поколения. Теоретические и научно-практические вопросы цифровизации и внедрения искусственного интеллекта выводят правоведов на необходимость решения еще одной ключевой задачи права будущего – определение образа цифрового права как отрасли права нового поколения. Прежде всего важно понимать, что цифровое право – это дочернее структурное подразделение более объемной по институционализации отрасли права нового поколения – информационного права³. О формировании цифрового права пишут многие ученые-правоведы. Так, по мнению А.А. Карцхия, есть объек-

¹ См.: Проект «Геном человека»: википедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 15.06.2021).

² См.: Цепелевич Дж. (Cepelewicz J.). США: 100 миллиардов на изучение мозга. – URL: <https://inosmi.ru/science/20160313/235697050.html> (дата обращения: 12.06.2021).

³ Подробнее об отраслях права нового поколения см.: Умнова (Конюхова) И.А. Конституционное право и международное публичное право: теория и практика взаимодействия. – М., 2016. – С. 71–90.

тивная потребность в «создании цифрового права в широком правовом смысле, не ограниченного классической частноправовой доктриной», а также об «адаптации (“форматировании”) в самой ближайшей перспективе классического гражданского права для применения новых цифровых технологий в правовом регулировании»¹. В.Д. Зорькин называет цифровое право «правом второго модерна», регулирующим экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, больших данных, роботов, искусственного интеллекта². П. Хлебников предлагает рассматривать цифровое право как новую отрасль российского права – систему общеобязательных, формально-определенных, гарантированных государством правил поведения, складывающуюся в области применения или с помощью применения цифровых технологий, в том числе посредством специального программного обеспечения³.

На данном этапе цифровое право, полагаю, еще не сформировалось как самостоятельная отрасль права, но может быть обосновано как подотрасль информационного права, тяготеющая к преобразованию в перспективе в новую отрасль права. Цифровое право, так же как информационное право, не является фундаментальным правом, подобно конституционному, закрепляющему ценности государства, общества и человека, базисные принципы государственного и общественного строя, цели и задачи дальнейшего развития. Цифровое право опирается на аксиологию, онтологию и таксономию как классических отраслей права (конституционное, гражданское, уголовное и др.), так и отраслей права нового поколения (экологическое право, право мира, право безопасности, право развития и др.), формирующих приоритеты и баланс публичных и частных интересов, определяющих статус государства, общества и человека, цели и задачи развития. Исходя из этого по своей природе цифровое право – это служебное, вспомогательное право, обслуживающее другие отрасли права, но выделяемое в самостоятельную подотрасль, а в перспективе – в полноценную отрасль права для определения условий и пределов цифровизации

¹ Карцхия А.А. Цифровая трансформация права // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 1. – С. 26.

² См.: Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Рос. газета. – 2018. – № 115 (7578).

³ См.: Хлебников П. Цифровизация права как следствие цифровизации // Жилищное право. – 2017. – № 9. – С. 93–94.

как средства внедрения технологий в целях улучшения и оптимизации человеческой жизнедеятельности.

По своей природе цифровое право, так же как и информационное, носит публично-правовой характер и представляет собой правовой комплекс межотраслевого значения. Цифровая информация как объект цифровых правоотношений может являться одновременно объектом публичных и частных правовых отношений.

Особенностью системы цифрового права в формально-нормативном измерении является то, что его первичные элементы – это не только традиционные принципы и нормы права, но и технические нормативы – алгоритмы и цифровые коды. Цифровые алгоритмы могут взять на себя как выполнение простых повторяющихся операций, так и решение сложных задач. Создатели таких нормативов – специалисты, владеющие цифровыми знаниями.

Цифровизация предполагает системное применение цифровых технологий в экономике, политике, социальной и духовно-культурной сфере, в том числе образовании и воспитании подрастающего поколения, и во взаимодействии между личностью, обществом и государством. Пересечение правовых, политических, социокультурных и технических правил функционирования и развития общественных отношений на цифровой основе требует систематизации и институционализации сфер правового регулирования – как предмета цифрового права. В самом общем понимании предметом цифрового права являются отношения, возникающие по поводу создания, передачи и использования цифровой информации. Особенностью данных сфер правового регулирования является то, что их основой выступают цифровые отношения и, соответственно, им присущ операционный характер. К таким видам отношений можно было бы отнести следующие операционные связи, процедуры или процессы, направленные на выполнение конкретных технологических задач: разработка цифровой модели; создание цифровых товаров и услуг; управление жизненным циклом продукта; автоматизированный сбор, хранение и обработка цифровой информации; внедрение цифрового проектирования; выполнение управленческих и административных функций на цифровой основе; автоматизация ручного труда посредством использования роботов и электронного документооборота; цифровизация инфраструктуры услуг (транспорт, туризм, услуги для инвалидов, дорожные карты и т.д.) и др.

Любая цифровизация как операционный процесс начинается с открытия и сбора данных. Для того чтобы система работала четко,

необходимо собрать как можно больше информации. Специальная программа анализирует полученные данные и выдает оптимальный результат. Информационные системы могут оперировать исключительно фактической информацией, а могут и строить предположения, используя искусственный интеллект.

Еще одной особенностью регулируемых цифровым правом отношений является сочетание материального и виртуального пространства. Виртуальные отношения – это связи, возникающие в системе моделирования виртуальной модели поведения, виртуального образа, так называемой виртуальной реальности. В современную эпоху появления сети Интернет, ставшей главным фактором глобализации всего человечества¹, термин «цифровизация» оказался напрямую связанным с виртуальной реальностью (*virtual reality, VR*), т.е. искусственной реальностью, созданной техническими средствами².

Особенность цифрового права проявляется и в его источниках. Помимо традиционных законов и иных нормативных правовых актов источниками цифрового права выступают стратегии, доктрины, платформы и программно-технические документы. Во многих странах в настоящее время приняты стратегии / программы развития цифровой экономики, которые выходят за ее пределы и, по сути, содержат задачи цифровизации государства и общества в целом.

Еще один актуальный аспект, свидетельствующий о специфике цифрового права, – субъекты цифрового права и особенности их статуса. Некоторые исследователи считают, что субъектами цифровых отношений оказываются не только идентифицированные личности, но и так называемые виртуальные или цифровые «личности»-роботы³. В реальной жизни уже возникли прецеденты формирования правового статуса так называемой «электронной личности». В 2016 г. в Европарламент был представлен свод пра-

¹ См.: Leavitt H.J., Whisler T.L. Management in the 1980's // Harvard business review. – 1958. – URL: file:///C:/Users/Администратор/Downloads/fv912 fw0448.pdf (дата обращения: 14.06.2021).

² См.: Рузавин Г.И. Виртуальность // Новая философская энциклопедия. – М., 2010. – С. 39.

³ См.: Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. – 2018. – № 2. – С. 17; Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С. 12; Зорькин В.Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. – 2020. – № 6. – С. 7–19.

вил, согласно которому роботы с искусственным интеллектом получают статус «электронной личности» и наделяются определенными правами и обязанностями. Саудовская Аравия стала первой в истории человечества страной, «предоставившей» в 2017 г. антропоморфному роботу «Софии» гражданство. Правда, скорее, это выглядело рекламой компании Hanson Robotics, создавшей данного робота и представившей «Софию» на панельной дискуссии во время конференции Future Investment Initiative. Эксперты тут же задались вопросом: будут ли у «Софии» те же права, что и у обычных граждан страны, или Саудовская Аравия разработает особую систему правил, касающихся роботов¹?

Сегодня предстоит четко обозначить пределы виртуальности лица для правовой среды. Полагаю, что, во-первых, не может быть субъектом права лицо, не связанное с юридически значимой идентификацией в цифровом виртуальном пространстве и потому не способное нести правовую ответственность. У государства не может быть отношений, обязательств с лицом, которое не идентифицировало себя как личность, оно не может гарантировать человеку права и свободы или привлечь к ответственности того, кто за «никнеймом» скрывает свои реальные персональные данные. Во-вторых, у государства не может быть правовых отношений с роботом или искусственным интеллектом. В реальности оно выстраивает правовые связи с тем лицом или лицами (коллективом), которые оперируют данным роботом (искусственным интеллектом) в виртуальном пространстве в определенных целях.

Субъекты цифрового права, реализуя свои права в виртуальном пространстве, оказываются носителями особых цифровых прав (право на доступ в Интернет, право на забвение, право на «цифровую смерть» и др.). Под воздействием цифровизации трансформируются и традиционные, основные личные, политические, социальные, культурные и иные права и свободы человека. Перевод на цифровую форму действий и операций позволяет осуществлять публичные функции, оказывать государственные и муниципальные услуги, обеспечивать электронное социальное обслуживание, электронное участие граждан в выборах и иных формах участия в управлении обществом и государством.

¹ См.: Кудрявцев Н. Человекоподобный робот получил гражданство Саудовской Аравии. – URL: <https://www.popmech.ru/technologies/news-393732-chelovekopodobnyy-robot-poluchil-grazhdanstvo-saudovskoy-aravii/> (дата обращения: 12.06.2021).

Основные субъекты цифрового права – это компании и фирмы, юридические и физические лица по внедрению и оказанию цифровых услуг. В праве появились такие новые понятия, как владелец информационного ресурса, владелец аудиовизуального сервиса, провайдер хостинга, оператор связи или оператор поисковой системы, посредник или организатор распространения информации в сети Интернет, правообладатель цифровой информации и др.

Статус указанных субъектов права носит публичный и частно-правовой характер одновременно. Даже если они являются частными предприятиями (предпринимателями), в информационной среде они оказывают услуги публичного характера. Более того, можно сказать, что публичный интерес доминирует над частным в цифровом праве, даже если речь идет о гражданско-правовых отношениях по оказанию оплачиваемых услуг со стороны владельцев информационного ресурса. Так, компания «Центр2М» – российский информационный оператор, разработчик платформенных решений в области М2М (платформы нового поколения для управления большими объемами смарт-карт) и промышленного Интернета вещей – разрабатывает и внедряет для бизнеса и производства платформенные решения на базе искусственного интеллекта, и ее разработками всё более интересуются государства. Существенное воздействие на формирование современного образа цифрового государства, права и общества оказывают, к примеру, такие компании, как Amazon, Apple, Microsoft, Volkswagen, BMW, «Ростелеком», «Мегафон», МТС, КамАЗ и т.д. Современное информационное общество уже немыслимо без социальных сетей (Facebook, «Инстаграм», «Одноклассники», «ВКонтакте» и др.), электронных сервисов, поисковых систем и мессенджеров (Google, Yandex, Yahoo, Telegram, WhatsApp, Viber, Uber и др.), электронной торговли (EBay, Amazon, Alibaba, Aliexpress) и т.д.

Таким образом, анализ процессов цифровизации и сфер правового регулирования цифровых отношений позволяет прийти к выводу о формировании нового правового комплекса – цифрового права. В рамках его институтов предстоит дать ответы на вопросы об объектах и субъектах правового цифрового пространства, о видах и режиме цифровых прав, о пределах цифровизации и процессах развития традиционных отраслей права, о недопустимости поглощения принципов и норм права цифровым двойником или скрытыми алгоритмами и другие вопросы. Для достижения задач совершенствования правового регулирования цифровых отношений необходимы не только создание особой нормативно-правовой и техни-

ко-юридической основы цифрового права, но и подготовка поколения правоведов, владеющих необходимыми знаниями о цифровых технологиях.

Человек и искусственный интеллект – новый тип отношений как объект правового регулирования. Современные исследователи резонно высказывают озабоченность по поводу того, что появление и распространение новых технологий уже не происходят в рамках традиционных организационных, этических и нормативных систем. К примеру, авторы и редакторы книги «Роботы: Искусственный интеллект и будущее права» – Марсело Корралес, Марк Фенвик и Николаус Форго – считают, что «мы достигли переломного момента, когда необходимо разработать новые нормативные рамки для поддержки этих быстро развивающихся технологий»¹.

Нуждается в четкой правовой объективации и новый объект правового регулирования – отношения между человеком и машинами. Развитие искусственного интеллекта и прорыв в биотехнологиях обнаружили проблему значительного возрастания роли машин и вытеснения человека не только из производства, но и из сфер умственной деятельности. В этом контексте символична запись в Конституции Бремена 1947 г. – субъекта федеративного государства Германии. В разделе 1 ст. 12 Конституции данной земли говорится: «Человек занимает более высокое положение, чем машины и технологии». В приведенном положении отражается опыт процесса индустриализации, в ходе которого машины, технологии и новые возможности производства начали обесценивать самого человека труда.

Среди индустриально-технологических инноваций наиболее серьезную конкуренцию человеку составляет ИИ. Сущностный вопрос состоит в том, стоит ли человечеству допускать тот факт, что искусственный интеллект превосходит интеллект человека, или ограничиться развитием так называемого слабого или подчиненного человеку искусственного интеллекта. Размышляя об этом, Кристиан Диеффал считает, что в настоящее время ИИ открыт для новых подходов и прорывов, а сами исследования искусственного интеллекта продолжают оставаться движущейся целью развития

¹ См.: Robotics, AI and the future of law / Ed.: Corrales M., Fenwick M., Forgó N. – 2018. – P. 3. – URL: <https://www.twirpx.org/file/3368731/> (дата обращения: 12.06.2021).

человеческой цивилизации¹. Проблема, однако, заключается в том, что понятие интеллекта недостаточно ясно определено в правовом измерении из-за конкуренции различных концепций интеллекта, в частности из-за споров вокруг понимания пределов рационального интеллекта и социального интеллекта. В правовом контексте важно понимать, какой именно интеллект является объектом правового регулирования и, соответственно, что вкладывает законодатель в понятие ИИ. Так, Говард Гарднер обратил внимание на множество интеллектов, распределив их, как минимум, на девять компонентов: натуралистический, экзистенциальный, музыкальный, логико-математический, телесно-эстетический, лингвистический, пространственный, межличностный и внутриличностный интеллект².

Еще в 1955 г. Дэвид Векслер сформулировал хорошо известное общее определение интеллекта: «Совокупная или глобальная способность индивида действовать целенаправленно, чтобы мыслить рационально и эффективно справляться со своим окружением»³. Современные исследователи по-прежнему преимущественно опираются на это определение при идентификации интеллекта, необходимого для участия индивида в жизни общества. В таком понимании в содержание интеллекта включается способность осознания последствий социальных действий, имеющих юридическую силу⁴.

Для квалификации интеллекта на «человеческом» уровне используется также тест Тьюринга, привязанный к праву. Тест Тьюринга, опубликованный Аланом Тьюрингом в 1950 г., был разработан для обеспечения удовлетворительного оперативного определения интеллекта. Тьюринг определил интеллектуальное поведение как способность выполнять задачи на уровне человека, достаточные для того, чтобы обмануть того, кто его исследует (опрашивает, изучает, интервьюирует)⁵. Оценивая потенциал ис-

¹ См.: Djeflal Ch. AI, democracy and the law. – 2020. – P. 273. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3535735 (дата обращения: 10.06.2021).

² См.: Gardner H. Multiple intelligences : the theory in practice : A reader / Howard Gardner. – New York : Basic books, Cop. 1993. – XVI, 304 p. – P. 27–28.

³ Weschler D. The range of human capacities. – Baltimore, 1955. – 190 p. – P. 3–7.

⁴ См.: Robotics, AI and the future of law. – P. 33.

⁵ См.: Turing A.M. Computing machinery and intelligence. – 1950. – P. 433–460. – URL: <file:///C:/Users/Администратор/Downloads/turing.pdf> (дата обращения: 12.06.2021).

кусственного интеллекта, ученые отмечают, что объекты ИИ, безусловно, будут способны сейчас или в ближайшем будущем соответствовать данному тесту – квалификации для интеллекта на «человеческом» уровне¹.

Таким образом, ИИ рассматривается сегодня как система, применяемая к передовой компьютерной технологии, которая направлена на имитацию разумного поведения человека, частично для понимания (человеческого) интеллекта, а также для создания разумных существ, которые могут автономно работать в сложных, меняющихся ситуациях. Наиболее яркий выразитель современного ИИ, приближаемого к функционалу человека, – робот. Робот является автономно функционирующим искусственным интеллектуальным и самообучающимся объектом. Исследователи задаются вопросом: «Будет ли такая система нуждаться в юридическом лице?» По их мнению, это будет зависеть от того, в каком измерении робот станет функционировать в обществе, в культуре, и от его предназначения. Например, применительно к роботам с многоцелевыми задачами, требующими интеллекта и социально адаптированного поведения, ученый считает возможным предположить определенную юридическую компетентность робота. Поскольку подобное сотрудничество между этими автономными роботами и физическими лицами будет весьма вероятным, необходимым условием является юридическое взаимное обязательство, основанное на доверии². Представляется важным при такой интерпретации статуса ИИ различать оказание юридических услуг посредством применения элементарных правовых знаний с использованием ИИ и юридическую компетенцию по осуществлению юридически значимых действий. Последняя может реализоваться только человеком или иерархически выстроенным коллективом людей (должностным лицом, органом государственной власти, юридической компанией). Кроме того, такое расширительное толкование роли ИИ не совсем корректно в контексте применения принципа правовой ответственности юридического лица. Полагаю, что в случае признания наличия юридической компетенции у робота имеет место подмена субъектов права объектами права. Ответственность должен нести не робот с многоцелевыми задачами, а создатели такого робота и те, кто им пользуется на основе инструкций, т.е. соответствующие юридические и физические лица.

¹ См.: Robotics, AI and the future of law. Op. cit. – P. 34.

² См.: Ibid. – P. 43.

Для целей права полагаю важным также разграничивать роботизированные объекты и роботов, имитирующих человека. Система роботизированных объектов зависит от управления ими со стороны человека. Например, полуавтономная система IBM Watson выполняет множество задач в области исследований ДНК, обучения, селекции семян и др. Эта система получает свои первоначальные инструкции от отдельного человека. Подобного рода системы применяются во многих сферах человеческой жизнедеятельности: промышленные, медицинские (например, молекулярные нанороботы химического или органического происхождения), военные роботы, роботы наблюдения, дроны и т.д. Система правового регулирования их использования опирается на правовой статус традиционных субъектов права: юридические и физические лица – разработчики и пользователи этих систем.

В настоящее время роботы пока не достигли сверхинтеллектуального уровня. Ник Бостром определил суперинтеллектуальные системы следующим образом: «Любой интеллект, который радикально превосходит лучшие человеческие умы во всех областях, включая научное творчество, общую мудрость и социальные навыки»¹. Для государства, права и общества станет вызовом создание искусственного интеллекта, функциональная активность, самообновление и саморазвитие которого выйдут за пределы человеческого понимания и сделают невозможным управление и контроль над ним со стороны человека, в том числе с помощью правового инструментария. Важно осознавать, что соединение цифровых технологий и биотехнологий дает основание говорить о роботах-полулюдях не только с точки зрения внешнего сходства. Развитие интеллекта искусственными средствами, в результате чего появились бы сверхразумные существа биоцифрового характера, – проявление, еще не известное человечеству. И несмотря на то что робот еще не является сверхинтеллектуальным, по мнению экспертов, его можно рассматривать как динамично развивающуюся концепцию, которая постоянно эволюционирует в сторону создания сложного автономно функционирующего робота и – возможно, на более поздней стадии – сверхразумной или полугуманоидной системы². Природа этой сущности – электронная или органико-химическая – может оказаться менее важной для ее пра-

¹ Bostrom N. Superintelligence: Paths, dangers, strategies. – Oxford, 2014. – xvi+324 p. – P. 6.

² См.: Robotics, AI and the future of law. Op. cit. – P. 43–44.

вовой характеристики. Состояние интеллектуальной автономии и ее функция в обществе могут стать предметами дискуссии и постановки задач определения ее правового статуса.

В условиях бурно развивающихся процессов цифровизации и роботизации общества перед правом встает целый ряд ключевых задач по правовой нейтрализации отрицательного воздействия этих процессов на базисные институты права: принципы гуманизма, права и свободы человека, справедливое правосудие, демократические институты публичной власти и т.п.

Анализируя возможности злоупотребления ИИ в системе институтов современной демократии, Кристиан Диеффал приводит примеры разных попыток повлиять на выборы с помощью автоматизированных систем ИИ. Фальшивые новости распространяются в контексте выборов, чтобы блокировать политический дискурс и препятствовать ему, а также нацеливаются на избирателей на детальном уровне, чтобы вовлечь или отстранить их от голосования. Одним из видов деятельности, подпитываемых искусственным интеллектом и другими цифровыми технологиями, является микротаргетинг. Микротаргетинг означает попытки повлиять на поведение людей на основе личных профилей и действий, которые основаны на конкретных особенностях этого профиля. Эти профили предоставляют конкретную информацию об определенных лицах; затем на людей можно воздействовать индивидуально с помощью рекламы в социальных сетях, а не как на часть группы с политическими плакатами или телевизионными рекламными роликами¹.

Цифровые системы ИИ значительно расширяют возможности микротаргетинга на различных уровнях реализации институтов демократии. Искусственный интеллект может помочь в извлечении информации путем обхода веб-страниц и анализа других источников неструктурированных данных. Системы ИИ также могут помочь профилировать людей вне их желания. Кроме того, они могут автоматически обращаться к людям на основе их профилей через различные каналы социальных сетей.

Наиболее актуальный блок научных вопросов связан с анализом состояния правового регулирования, развития и реализации прав и свобод человека в условиях цифровизации. Некоторые исследователи предпринимают попытки выделить и обобщить главные негативные факторы влияния цифровизации на правовое по-

¹ См.: Djeflal Ch. Op. cit. – P. 277.

ложение личности. Так, по мнению ряда экспертов, «три главных негативных фактора будут определять мировую ситуацию на фоне цифровизации. Первый – увеличение социального неравенства на фоне обогащения элит. И... преимущества будут иметь те, кто полностью вошел в цифровое общество. ...Другой фактор состоит в том, что усилятся миграционные процессы, которые могут вызвать конфликт культур, возможно, микровойны, где победят те, кто «владеет цифрой». Третий опасный фактор – явления массовой безработицы»¹. Думается, что ситуация с негативными факторами цифровизации для человека и общества намного сложнее и не ограничивается только тремя вышеназванными угрозами. Перемещение в цифровую среду подвергает права человека беспрецедентным и многоплановым рискам. Основными из таких прав являются личная конфиденциальность, автономия жизни, достоинство человека, общества и государства, демократия, равенство и справедливость. Цифровая эпоха не просто поменяла, а буквально перевернула многие социальные и правовые нормы и ценности, которые существовали и развивались на протяжении столетий. То же право на свободу выражения мнения в наши дни ограничивается фильтрацией контента или блокированием доступа к нему. Информационный механизм больших данных создает угрозы, связанные с защитой персональных данных и личной идентификацией. Наблюдается переоценка взаимосвязи между свободой человека и информационно-коммуникационными технологиями, устойчивости и эффективности институтов защиты прав человека в эпоху цифровизации.

Оценивая рост конвергенции робототехники и ИИ, Марк Фенвик и Николаус Форго отмечают, что ИИ, робототехника и связанные с ними технологии разрушают традиционный закон и юридическую профессию. В частности, технологические достижения в таких областях, как машинное обучение, интеллектуальный анализ данных и автоматизированное мышление, создают новые и ранее немислимые проблемы для регулирующих органов, а также новые задачи для юристов по повышению эффективности предоставления юридических услуг. Учитывая экспоненциальный рост

¹ См.: Соловых Н.Н. Цифровая экономика диктует необходимость квалифицированных кадров с новыми компетенциями // Российский следователь. – 2018. – № 5. – С. 64–68.

таких технологий, радикальное разрушение современного права, по-видимому, ускорится в ближайшем будущем¹, считают они.

Д. Дерванович, исследуя вопрос о том, как быстро развивающиеся технологии будут влиять на правовую профессию, предлагает обратить внимание на стремительное изменение юридических технологий и юристов, использующих эти технологии. Юридические технологии включают в себя цифровые правовые платформы, ИТ-услуги и программное обеспечение юридических фирм как необходимое условие для занятия современной юридической практикой. Автор справедливо обращает внимание на этические аспекты в этом векторе технологического правового развития, а именно на эволюцию юридических технологий от систем поддержки до полностью интегрированных и автоматизированных услуг для юристов, которые всё чаще нарушают юридическую практику².

Таким образом, повсеместная цифровизация и внедрение ИИ в жизнедеятельность человека и во взаимоотношения человека, общества и государства ставят перед современным правом актуальные задачи по адаптации к новым реалиям. Серьезность технологических угроз и вызовов сложившемуся правопорядку заставляет теоретиков-правоведов и юристов-практиков, с одной стороны, сформировать действенный инструментарий правовой защиты гуманистической сущности права, его основных институтов, принципов и ценностей демократии, прав и свобод, правосудия и др. С другой стороны, необходимо обратить внимание на возможность использования современных технологий для совершенствования и оптимизации правового регулирования человеческой жизнедеятельности, обеспечения гармоничного взаимодействия человека, общества и государства в условиях цифровизации и широкого внедрения искусственного интеллекта.

¹ Fenwick M., Forgó N. Op. cit. – P. 15.

² Dervanović D. I, inhuman lawyer: Developing Artificial Intelligence in the legal profession // Robotics, AI and the future of law. – 2018/ – P. 209–234. – URL: https://www.researchgate.net/publication/328706663_I_Inhuman_Lawyer_Developing_Artificial_Intelligence_in_the_Legal_Profession (дата обращения: 15.06.2021).

Раздел I ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ, ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ, ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И ОБОРОТА НЕДВИЖИМОСТИ

Т.Я. Четвернина, А.В. Четвернина¹

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ

УДК 331, 349

DOI: 10.31249/pctii/2021.00.02

Аннотация. В статье предпринята попытка осмысления механизмов влияния цифровых технологий на экономику компаний и социально-трудовую сферу. Цифровая экономика – это экономика, имеющая новую организационную логику с новой технологической парадигмой. Свидетельством тому является цифровые рабочие платформы, которые определяют свой бизнес не как производство продукта (товара) и не как предоставление услуг, а как предоставление технологий. Показано, что происходящие процессы неизбежно влияют на социально-трудовую сферу. Однако скорость изменений трудового законодательства пока явно отстает от реальной экономической жизни.

Ключевые слова: цифровая экономика; цифровые платформы; искусственный интеллект; большие данные; история информационных технологий; социально-трудовая сфера; трудовые отношения; трудовое право.

T.Ya. Chetvernina, A.V. Chetvernina
Digital economy and social and labor relations:
new opportunities and challenges

Abstract. The article attempts to understand the mechanisms of the influence of digital technologies on the economy of companies and the social and labor sphere. The digital economy is an economy that has a new organizational logic with a new techno-

¹ Четвернина Татьяна Яковлевна, доктор экономических наук, НИУ ВШЭ; Четвернина Александра Владимировна научный сотрудник ИНИОН РАН (Tatyana Chetvernina, doctor of economics, Higher School of Economics; Alexandra Chetvernina, research fellow at the INION RAS).

logical paradigm. The evidence of this is digital work platforms that define their business-not as the production of a product (product) and not as the provision of services, but as the provision of technologies. It is shown that the ongoing processes inevitably affect the social and labor sphere. However, the speed of changes in labor legislation is still clearly lagging behind real economic life.

Keywords: digital economy; digital platforms; artificial intelligence; big data; history of information technologies; social and labor sphere; labor relations; labor law.

Введение

Пока большинство населения (и не только в России) скорее интуитивно осознает, что новые технологии – мобильная связь, Интернет, цифровое телевидение и другие приятные новшества – уже вошли в нашу повседневную обыденную жизнь. Но понимание того, что происходящие технологические новшества меняют нашу трудовую и социальную жизнь кардинально, пока еще не очень воспринимается, за исключением ученых и практиков – провайдеров технологической революции, а также граждан, которые уже успели на себе испытать преимущества или шоки цифровой трансформации. Поскольку интересы большинства граждан связаны с текущими и будущими переменами в трудовой сфере, на рынке труда и в сфере социальной защиты, основное внимание в настоящей работе уделяется влиянию цифровой трансформации на социально-трудовую сферу и перспективам формирования правовых рамок ее дальнейшего развития.

Цифровизация экономики – явление уже не новое. Тем не менее, несмотря на то что она продолжается уже несколько десятилетий, сегодня существует консенсус в отношении того, что сочетание больших данных и роботизации знаменует собой новую экономику и, следовательно, «новый мир труда».

С новыми вызовами дальнейшего экономического и социального развития столкнулись все страны мира. Однако суть этих вызовов и ответ на них неодинаковы.

Для индустриально развитых стран речь идет о сохранении лидерских позиций в мировой экономике в условиях, когда потенциал дальнейшего роста в условиях прежнего экономического и технологического уклада близок к исчерпанию во всех секторах экономики. Замедление темпов роста производительности труда в странах «большой семерки» началось с 1950-х годов. Тем не менее в период 1972–1995 гг. производительность росла в большинстве стран этой группы. С 1995 по 2004 г. лидерами по произ-

водительности труда стали США, а в остальных странах G7 рост производительности существенно замедлился в сравнении с предыдущим периодом. Лидерство США в тот период было связано с достижениями благодаря распространению информационных технологий. С начала 2000-х годов рост производительности стал замедляться во всех странах «большой семерки»¹. Начиная с 2011 г. рост производительности колебался в границах, не превышающих 1% в год². Стало очевидным, что потенциал дальнейшего роста исчерпан или сильно ограничен. Ответом на данный вызов могла и может стать научно-технологическая политика индивидуально развитых стран, поддерживающая конкурентоспособность и стимулирующая разработку и внедрение передовых технологий, производительность которых существенно превышает традиционные.

Высокие темпы роста экономики России за последние 15 лет обеспечивались за счет расширения участия в мировых сырьевых и энергетических рынках. В настоящее время возможности экономического роста за счет этих факторов в основном исчерпаны. Перед Россией стоят задачи качественного обновления, которые диктуются как внешними «большими вызовами» глобального характера, так и внутренними процессами³.

Уже сегодня «взрывное» распространение новых технологий, а также скорость их проникновения во все сферы челове-

¹ См.: Transformative technologies and jobs for the future: background report for the Canadian G7 innovation Ministers' meeting. (Montreal, Canada, 27–28 March 2018) / OECD. – 2018. – P. 9–11. – URL: file:///C:/Users/Администратор/Downloads/transformative-technologies-and-jobs-of-the-future%20(1).pdf (дата обращения: 02.07.2021).

² См.: Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России : экспертно-аналитический доклад / Центр стратегических разработок. – М., 2017. – С. 20.

³ Универсальными «большими вызовами» для России признаются: исчерпание и снижение эффективности использования традиционных ресурсов; демографическое сжатие и старение населения; отставание в росте продолжительности жизни от других индустриально развитых стран; изменение климата; трудности адаптации общества и государства к распространению новых «прорывных» технологий. Наука и технологии выступают инструментами, вооружающими общество знаниями, необходимыми для ответа на данные вызовы, что предполагает воплощение знаний и технологий в инновации и требует расширения научно-технологической политики за счет тесной координации с инновационной политикой. (См.: Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. – С. 15.)

ческой деятельности приводят к быстрым и кардинальным структурным изменениям на глобальных рынках. Происходящие изменения настолько значительны, что мир вступает, возможно, в крупнейший за всю историю технологический переход, когда богатство природных ресурсов и дешевизна труда перестают быть основными факторами роста. Совокупно эти изменения оцениваются как «новая промышленная революция» или, в более узком смысле, как «технологическая революция». При этом «сквозными» технологическими процессами для всех видов производств становятся автоматизация и роботизация, а также интеллектуализация производственных процессов. Базой для перехода к новому типу социально-экономического роста становятся «прорывные» производственные технологии и «радикальные» инновации. Именно они позволяют существенно увеличить производительность труда, достичь нового качества производственно-технологических процессов (точнее – их скорость, точность, гибкость, сложность), недостижимых в традиционных производствах. А также перейти к выпуску продуктов, «закрывающих» старые и «открывающих» новые рынки. По прогнозам специалистов, пик новой промышленной революции придется на 2020–2030-е годы. В этот период в мире произойдут масштабирование «прорывных» технологий и смена архитектуры рынков.

По мнению экспертов Центра стратегических разработок (ЦСР), уникальной возможностью для России может стать продуктивное «включение» в новую технологическую революцию, а точнее – переход к новой модели развития, фундаментом которой станут высокотехнологичные индустрии, основанные на научных знаниях и инновационных технологиях. И это несмотря на то что на сегодняшний день «технологические» позиции России на фоне происходящих в мире изменений «не очень заметны». Тем не менее, считают эксперты ЦСР, «окно возможностей» сохраняется, если при выборе приоритетов ставка будет сделана на опережающее развитие принципиально новых высокотехнологичных секторов и рынков, а также на глубокую технологическую модернизацию традиционных отраслей и производств. Совмещение двух этих линий может обеспечить фронтальный запуск технологической революции уже в среднесрочной перспективе¹.

¹ Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. – С. 16–17.

В июле 2017 г. Председателем Правительства РФ было подписано распоряжение об утверждении среднесрочной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», включающей пять направлений: нормативное регулирование; образование и кадры; формирование исследовательских компетенций и технических заделов; инфраструктура ИКТ; кибербезопасность. Цель программы – организовать системное развитие и внедрение цифровых технологий в экономике и социальной сфере, в государственном управлении на федеральном, региональных и муниципальных уровнях.

Предполагается, что результатом реализации программы станет создание экосистемы цифровой экономики, которая позволит преодолевать внешние шоки благодаря своей эффективности, а важнейшим драйвером роста экономики и преобразования общества станет интеграция информационных технологий в политико-экономическую систему страны.

О понимании «цифровой экономики» в отечественной литературе

В настоящее время термин «цифровая экономика» используется в разных вариациях – «цифровая трансформация [экономики]», «цифровизация [экономики и общества]», «цифровое общество», «цифровое управление [экономикой]», и др. На бытовом, не профессиональном, уровне говорят – это перевод экономики «в цифру», что для большинства населения звучит угрожающе («нас всех опять пересчитают» или проконтролируют).

Одни авторы определяют «цифровую экономику» как «виртуальную среду, дополняющую нашу реальность»¹, другие – «как инструмент развития существующей экономической системы или как сегмент рынка, где добавленная стоимость создается с помощью информационных технологий»², третьи – «как всемирную сеть экономической деятельности, коммерческих операций и профессиональных взаимодействий, обеспечиваемых информацион-

¹ Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Цифровая экономика : мифы, реальность, перспектива. – М., 2017. – С. 12.

² Кузнецова С.Н., Кузнецов В.П. Вклад цифровой экономики в общую экономику России // Научное обозрение: теория и практика. – 2018. – № 6. – С. 177–184.

но-коммуникационными технологиями»¹. Иногда говорят об отсутствии цифровой экономики как таковой, а происходящие события в мире связывают с изменением технологической базы экономики, которая позволила автоматизировать рутинные операции и ускорить многие бизнес-процессы, не изменив при этом базовые основы экономики². Исследователи современных глобальных экономических процессов придерживаются позиции, что акцентировать внимание следует на тех существенных преобразованиях, которые цифровизация привносит в архитектуру современной экономики³.

К.Л. Томашевский приводит определение термина «цифровая экономика», содержащееся в ст. 1 решения Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12: «Цифровая экономика – это часть экономики, в которой процессы производства, распределения, обмена и потребления прошли цифровые преобразования с использованием информационно-коммуникационных технологий»⁴.

Большинство из указанных подходов, по сути, отражают все многообразие процессов, связанных с производством (разработкой) и использованием новых технологий, которые приводят к радикальной трансформации рынков. Со временем, по мере «поглощения» огромного спектра цифровых технологий, границы между цифровой и традиционной экономикой будут размываться. И уже не будет необходимости к традиционному термину «экономика» добавлять прилагательное «цифровая», так как это станет естественной составляющей жизни общества.

При всем разнообразии понимания ученые и специалисты сходятся во мнении, что цифровая экономика – это экономика, организация которой строится на принципиально иных основах, которые кардинальным образом меняют архитектуру экономического устройства общества, взаимодействия между людьми, а в конечном счете и во всем обществе.

¹ Левицкая Е.П., Коновалова П.А. Цифровая экономика // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – 2018. – № 12. – URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2018/12/16320> (дата обращения: 03.07.2021).

² См.: Малинецкий Г.Г. Цифровой экономики не существует? // Вопросы культурологии. – 2018. – № 8. – С. 17–21.

³ См.: Садовая Е.С. Цифровая экономика и новая парадигма рынка труда // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 12. – С. 36

⁴ Томашевский К.Л. Цифровизация и ее влияние на рынок труда и трудовые отношения (теоретический и сравнительно-правовой аспект) // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Право. – 2020. – Т. 11, вып. 2. – С. 402–403. – URL: <file:///C:/Users/Администратор/Downloads/398-413.pdf> (дата обращения: 03.07.2021).

Основная характеристика цифровой экономики – ее «дата-центричность», при которой данные и программные продукты становятся главным инструментом создания добавленной стоимости и ключевым механизмом управления всеми технологическими процессами¹.

Краткий экскурс в историю развития информационных технологий

События, происходившие на глобальном рынке на протяжении более чем полувека, свидетельствуют о том, что системообразующим фактором глобальных изменений в экономике являлись новые технологии, которые сейчас называют «информационные технологии», в расширенном современном варианте – «информационно-коммуникационные технологии» (ИКТ). В 2019 г. была опубликована монография «Политическая экономия информационно-коммуникационных технологий: место России на глобальном рынке»². Авторами этой фундаментальной работы являются российские ученые: А.Н. Терехов, доктор физико-математических наук, профессор СПбГУ, и С.Л. Ткаченко, доктор экономических наук, профессор СПбГУ. С нашей точки зрения, это стало знаковым событием в области фундаментальных исследований политико-экономических, технологических и социально-экономических процессов в глобальной экономике и экономике России.

Хронологию событий, а точнее – основные вехи (или знаковые события) почти полувековой истории формирования мирового рынка ИКТ и превращения индустрии в глобальную отрасль и основного драйвера роста глобальной экономики, вкратце можно изложить следующим образом³.

¹ См.: Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. – С. 26.

² См.: Терехов А.Н., Ткаченко С.Л. Политическая экономия информационно-коммуникационных технологий: место России на глобальном рынке. – М., 2019. – 312 с. В монографии подробно показано, вследствие каких причин сочетание технологических инноваций, экономических стратегий и политических решений позволило сначала США, а затем странам Западной Европы, а также Японии создать глобальную информационную экономику, имеющую сетевую структуру, которая регулируется системой децентрализованных транснациональных учреждений и организаций.

³ Подробнее см.: там же. – С. 33–79.

Развитие информационного-коммуникационных технологий началось в экономически развитых странах мира еще в прошлом столетии.

Основные вехи (или знаковые события) формирования мирового рынка информационно-коммуникационных технологий.

1960-е годы:

– начало выпуска самой знаменитой серии IBM/360, которая массово производится до сих пор с некоторыми модификациями, почти не затрагивающими систему команд;

– впервые использован (экспертами НАТО) термин «программная инженерия». Наука «программная инженерия», включающая в том числе организационные аспекты индустрии ИТ, стала развиваться спустя несколько лет.

1980-е годы:

– начинают использоваться микропроцессоры и другие устройства памяти – заложен фундамент информационной революции. Первоначально компьютер рассматривался как усовершенствованная пишущая машинка и калькулятор для младшего персонала крупных компаний, инвестировавших собственные средства в оптимизацию труда сотрудников;

– возникают новые направления информационных технологий; компьютерные технологии «проникают» в научные исследования (не связанные с информатикой), сферу управления, крупный и средний бизнес; начинается компьютеризация сбора, обработки и распространения информации редакциями печатных изданий и телерадиокомпаниями; развивается спутниковое / кабельное телевидение;

– в сферу информационно-коммуникационных технологий вовлекаются обычные потребители, получившие возможность фактически мгновенно передавать текстовую, звуковую и визуальную информацию.

– дается старт эре ИКТ благодаря дерегулированию экономики. Новое международное разделение труда создает особые условия для развития ИКТ в государствах ОЭСР, остальному миру достается роль «потребителя» новейших технологий.

1990-е годы:

– развитие Интернета и превращение его в глобальный феномен;

– появление Всемирной паутины (WWW, World Wide Web). С появлением первых браузеров Mosaic (1993), Netscape (1994)

спрос на использование Интернета приобретает лавинообразный характер:

1990 г. – 300 тыс. пользователей;

1995 – более 6 млн;

2013 – 160 млн;

2009 – более 1 млрд;

2017 г. – 4 млрд 157 млн пользователей¹;

– расширение географии использования информационных технологий, доступ к технологиям получают бедные страны «глобального Юга». К 2000 г. крупнейшим игроком на международном рынке software стала Индия (дешевая рабочая сила, налоговые льготы, активная политика государства по привлечению талантливой молодежи в сектор ИКТ, государственные инвестиции в создание инфраструктуры для роста технологий). Всего за одно поколение Индии удалось подготовить инженеров, знающих, как создавать конкурентную продукцию и как ее продавать.

К началу нового столетия:

– лидерами индустрии ИКТ становятся США и страны ОЭСР, в которых *формируется глобальный тренд* на приоритетное развитие отрасли, который поддерживается национальными органами законодательной и исполнительной власти;

– ИКТ развивались быстрее, чем технологии в других секторах промышленности;

– утверждается мнение о том, что для увеличения производительности в современной экономике государства могут использовать лишь два инструмента. Первый, традиционный инструмент состоит в замене базовых отраслей промышленности новыми отраслями. Второй, современный, – предполагает, с позиции С. Эзела и Р. Аткинсона, использование ИКТ во всех отраслях хозяйства²;

– глобальная информационная экономика приобретает свои нынешние характеристики.

2000-е годы:

– в сфере ИКТ происходит радикальное снижение стоимости всех видов электронных коммуникаций, включая международную

¹ См.: Терехов А.Н., Ткаченко С.Л. Политическая экономия информационно-коммуникационных технологий: место России на глобальном рынке. – М., 2019. – С. 76.

² См.: Ezell S., Atkinson R. Innovation economics. The race for global advantage. – New Haven : Yale Univ. Press, 2012. – С. 71.

телефонную связь, создается новая сфера общения для бизнеса и общества – социальные сети;

– увеличивается количество пользователей мобильных телефонов, появляются планшеты;

– появляются новые технологии: «облака» (облачные вычисления), большие данные (не просто хранилища огромного массива данных, но и средства поиска нужной информации), роботы (умные устройства) для управления высокотехнологичными процессами и военной техникой.

Все эти процессы поставили ИКТ в центр глобальной экономики, в которой ее основные характеристики (инновации, рост производительности труда и экономической эффективности, вовлечение новых рынков) базируются на быстрых и дешевых способах коммуникации, оперативном принятии решений по созданию новых технологий и их продвижению на рынок. Повышение информированности (и уровня знаний) о происходящих рыночных процессах приводит к быстрому принятию решений по созданию новых технологических продуктов и их продвижению на глобальный рынок.

По мнению экспертов и ученых, информационно-коммуникационные технологии уже сегодня являются мощным фактором экономического роста, а их прорывное влияние концентрируется в двух областях: в повышении эффективности работы правительственных структур, включая предоставление государственных услуг, и в повышении конкурентных преимуществ таких отраслей экономики, как промышленность, сельское хозяйство и сфера услуг.

Платформенные решения экономических проблем. При всем многообразии списка информационных технологий, которые меняют нашу жизнь, выделяются три, влияние которых особенно велико. Это – искусственный интеллект (ИИ), Интернет вещей и блокчейн. В контексте «работы» цифровых платформ ключевую роль играет ИИ.

«Искусственный интеллект», «машинное обучение» и «нейронные сети» – термины, используемые для описания мощных технологий, базирующихся на машинном обучении, способных решать множество задач из реального мира. Важнейшую роль в технологии ИИ играет увеличение количества доступных данных (Big Data) для машинного обучения. Технологии ИИ не ограничиваются программными решениями. В настоящее время активно разрабатываются электронные чипы, в которые поддержка ИИ

встроена на аппаратном уровне. Микропроцессоры такого типа называют нейронными процессорами. Они применяются в беспилотных автомобилях и летательных аппаратах (дронах), промышленных роботах, а также для решения специализированных задач – распознавания голоса или изображения, создания поисковых систем и машинных переводчиков.

Мировой рынок ИИ растет высокими темпами, по оценкам – на 30% ежегодно. Свой вклад в развитие ИИ вносят крупнейшие ИТ-компании (Google, IBM, Intel), а среди стран лидируют США, Китай и Великобритания. В России в 2017 г. насчитывалось только несколько десятков проектов с использованием ИИ, в 2018 – несколько сотен. Сектора экономики России, в которых активно используется ИИ, – финансовая сфера, телекоммуникации, ритейл, энергетика, цифровые платформы.

Мотивация развития технологии ИИ состоит в том, что задачи, зависящие от множества переменных факторов, требуют очень сложных решений, которые трудны в понимании и сложно алгоритмируются вручную. Современные технологии машинного обучения вместе с правильно подобранными данными могут научить компьютеры «думать» за нас – программировать, анализировать данные и на их основе принимать самостоятельные решения. Термин «искусственный интеллект» часто применяется к проекту развития систем, наделенных интеллектуальными процессами, характерными для человека. Например, способностью обобщать и учиться на прошлом опыте. К настоящему времени ни один ИИ не достиг уровня, достаточного для того, чтобы на равных конкурировать с человеком¹. Создавая искусственные нейронные сети, ученые ориентировались на устройство человеческого мозга. Поэтому можно предположить, что принципы поведения «рукотворных» нейронов не так уж сильно отличаются от «человеческих».

В последние годы были сделаны новые открытия в области технологии ИИ и связанных с ней алгоритмов. В 1980-х годах прошлого века философ Дж. Серлом ввел термины «сильный ИИ» и «слабый ИИ». «Сильный ИИ» может осознавать себя и мыслить подобно человеку, «слабый ИИ» на это не способен. На сегодняшний день существующие ИИ относятся к категории «слабых», поскольку ни у одного из них пока не зародилось самосознание. Они делают то, чему их научили.

¹ См.: Всё, что вам нужно знать об ИИ – за несколько минут. – URL: <https://habr.com/ru/post/416889/> (дата обращения: 03.07.2021).

Примеры использования ИИ

ИИ на транспорте. Применение искусственных нейросетей – беспилотные автомобили. В проект разработки машины, которая может самостоятельно передвигаться по дорогам, включились General Motors, Nissan, BMW, Honda, Volkswagen, Audi, Volvo, а также компании Google и Tesla. Компания Amazon с 2013 г. разрабатывала идею доставки товаров и почтовых отправок с помощью дронов; в 2016 г. первая посылка была доставлена летательным аппаратом. С помощью дронов доставляют продукты и лекарства.

ИИ в финансах – для прогнозирования рисков, выявления мошенничества.

ИИ в медицине – для диагностики заболеваний на ранних стадиях (онкология, пневмония и др.)

Основная проблема рынка ИИ – острый дефицит специалистов по машинному обучению.

Цифровые рабочие платформы. Если согласиться с утверждением, что цифровая экономика олицетворяет собой новую организационную логику с новой технологической парадигмой, то платформенные компании являются ярким тому свидетельством. В настоящее время в развитых экономиках легче перечислить сферы, где платформенные решения невозможны, чем сферы, где они используются и работают успешно.

Цифровые рабочие платформы меняют рынки труда во всем мире. Компании, которые владеют этими рабочими платформами, управляют ими и внедряют их, по-новому определяют свой бизнес – не как производство продукта (товара) и не как предоставление услуг, а как предоставление технологий. Отсюда вытекает интерес руководителей некоторых крупных промышленных предприятий к изменению профиля своей деятельности – переводу своей основной продукции из категории «товар» в категорию «услуга». Например, известная компания Rolls-Royce, которая планирует расширять услуги по сдаче производимых ею авиадвигателей в аренду вместо их продажи предприятиям по производству самолетов¹. Работники цифровых платформ – это уже независимые подрядчики, а не «контрактные сотрудники», с которыми заключены трудовые договоры с зафиксированными в них социальными гарантиями.

¹ См.: Бауэр В.П., Ерёмин В.В., Смирнов В.В. Цифровые платформы как инструмент трансформации мировой и российской экономики в 2021–2023 годах // Экономика. Налоги, Право. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 44. – URL: <https://orcid.org/0000-0003-0753-2520> (дата обращения: 03.07.2021).

В научной литературе разграничивают понятия «платформенная компания» и «цифровая платформа», а также наряду с ними вводят понятие «линейные компании»¹.

Цифровая платформа – это программное обеспечение, с помощью которого между пользователями устанавливаются связи, содействующие обмену товарами, а также социальные контакты, которые в дальнейшем могут использоваться компанией. Цифровая платформа – это «продукт» платформенных компаний, который представляет собой виртуальную площадку с установленными правилами пользования. Компания-владелец поддерживает комплекс автоматизированных процессов, обеспечивающих потребление типовых цифровых услуг значительным количеством пользователей платформы².

Владельцами цифровых платформ являются *платформенные компании* (юридические лица), которые чаще всего являются и разработчиками цифровых платформ. Платформенные компании используют цифровую платформу для международного взаимодействия покупателей и продавцов товаров и услуг, а также оказывают и посреднические услуги.

Линейные компании, в отличие от платформенных, включают предприятия, которые осуществляют свою деятельность на основе сетевого взаимодействия, а также на прямых (линейных) связях, встроенных в цепочки добавленной стоимости, от закупки или добычи сырья до его переработки (производства) и реализации готовой продукции. В настоящее время во многих странах владельцы линейных компаний, планирующие в ближайшее время или в среднесрочной перспективе трансформировать свой бизнес или изменить отдельные бизнес-процессы, тщательно изучают опыт платформенных компаний.

В качестве примера трансформации линейного бизнеса можно привести опыт ПАО «Сбербанк». До 2008 г. Сбербанк оказывал только услуги офлайн. В 2018 г. был запущен электронный сервис управления банковскими картами и счетами – «Сбербанк онлайн». К настоящему времени электронный бизнес Сбербанка трансформировался в «электронную экосистему», включающую: онлайн-сделки по приобретению и страхованию недвижимости; заказ и доставку продуктов питания (СберМаркет); запись на прием к вра-

¹ См.: Бауэр В.П., Ерёмин В.В., Смирнов В.В. Указ. соч.

² См.: Srnicek N. Platform capitalism. – Cambridge, 2017. (Цит. по: Бауэр В.П., Ерёмин В.В., Смирнов В.В. Указ. соч. – С. 42).

чам и онлайн-консультации (СберЗдоровье); доставку грузов и складскую логистику (СберЛогистика) и др.¹

Существуют принципиальные различия в ведении бизнеса линейных и цифровых компаний. Для линейных компаний снижение предложения товара, пользующегося спросом, повышало его спрос на рынке со стороны покупателей – чем дефицитнее товар, тем он дороже. Логика ведения бизнеса цифровых компаний принципиальна иная, поскольку строится на многосторонних сетевых эффектах: чем больше зарегистрировано на цифровой платформе (например, в базе посредника в сфере такси), тем ценнее она будет для потребителя (населения), так как сократит время ожидания такси. То есть рост предложения увеличивает ценность не только самой услуги, но и привлекательность самой платформы в глазах клиентов. Платформенная компания может повысить размер комиссионных выплат водителям, оставляя услуги бесплатными для пассажиров.

Примеры цифровых платформ

• Общественный транспорт

Компания Uber (вначале – в США, в настоящее время – во многих странах мира) – привлекла в сферу пассажирских перевозок водителей, которые ранее никогда не работали в такси, а также миллионы пассажиров, которые ранее никогда не пользовались услугами такси. Особенность таких компаний в том, что они не оказывают услуги в традиционном смысле. По сути, они поставщики ПО, агрегаторы, технологически соединяющие между собой поставщиков и потребителей транспортных услуг. Стоимость услуг значительно ниже, чем у такси традиционных таксомоторных парков. Водители не страхуют свою деятельность по обслуживанию пассажира, не несут юридической ответственности при возникновении внештатных ситуаций. Например, в Сан Франциско использование традиционного такси сократилось на 65%, а стоимость акций знаменитых «желтых» такси – упала на 30% из-за падения спроса на традиционные услуги².

¹ См.: Бауэр В.П., Ерёмин В.В., Смирнов В.В. Указ. соч. – С. 42–43.

² См.: Садовая Е.С. Цифровая экономика и новая парадигма рынка труда // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 12. – С. 38. – URL: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2018/12-t-62/economy-economic-theory/digital-economy-and-a-new-paradigm-of-the-labor-market> (дата обращения: 02.07.2021).

• Торговля – самый трудоемкий сектор, переходящий из offline в online

Компании Amazon и Alibaba, компания Kwork в России (интернет-биржа недорогих услуг населению – «все услуги по 500 руб.»). В период пандемии эта сфера существенно расширилась.

Компания Airbnb – привлекла на рынок жилья тысячи владельцев квартир и миллионы туристов, предпочитающих менее затратную аренду квартир вместо дорогих номеров в отелях. Составляет реальную конкуренцию всему гостиничному бизнесу – связывает людей, у которых оказались пустующими «квадратные метры», и туристов, пытающихся сэкономить средства.

Компания Apple – привлекла независимых программистов, разрабатывающих приложения для iPhone, с нулевыми издержками для самой компании. Продукты, разработанные программистами, продаются в официальном магазине приложений компании – AppStore. Таким образом, тысячи программистов, не являющиеся штатными работниками компании, производят для нее продукцию, привлекательную для потребителя. Зарабатываемые комиссионные средства достаточны для поддержки магазина AppStore¹.

• *Образовательная online-платформа Coursera*

Платформы – целые экосистемы, составляющие физическую базу цифровой экономики, ее главные узлы, через которые осуществляется взаимодействие субъектов рынка. Платформенные компании – это не производство конкретных товаров и услуг, а создание условий и технологической базы для кардинального изменения моделей взаимодействия между субъектами в совершенно разных сферах экономической деятельности².

Контроль за качеством услуг не является приоритетной функцией компаний. Эту функцию выполняют ее потребители, т.е. внешние пользователи. Для этого платформенные компании используют механизм рейтингов, отзывы потребителей о поставках товаров и услуг.

Платформенные компании изменили структуру отношений между работодателем и работником, определив свой основной бизнес как предоставление технологии в виде услуги; предлагают работникам не трудовые контракты, а роль независимого подрядчика. Это имеет серьезные последствия с точки зрения заработной платы, гарантий занятости и других условий труда.

¹ См.: Бауэр В.П., Ерёмин В.В., Смирнов В.В. Указ. соч. – С. 44.

² См.: Садовая Е.С. Указ. соч. – С. 37.

Авторы научно-аналитического доклада «Новая технологическая революция: вызовы и возможности» связывают «платформенный переход» с возможностью создавать более гибкие технологические системы. Цифровые платформы рассматриваются авторами в трех аспектах: как технологическая конструкция; как бизнес-модель; как открытая и общедоступная инфраструктура (площадка) для взаимодействий между производителями и потребителями. Платформенные технологии позволяют создавать новые бизнес-модели (например, Uber), которые постепенно разрушают традиционные сервисы¹.

В целом ряде стран, включая Россию, внедряются государственные цифровые платформы. Эти платформы формируются на основе государственных информационных систем (ГИС). На таких системах оцифровывается функционал отдельного государственного института, а государственная цифровая платформа предоставляет цифровой доступ к услугам нескольких государственных органов. Примером такой цифровой платформы является mos.ru, которая позволяет ее пользователям оплатить услуги ЖКХ, записаться к врачу и др. Важное отличие состоит и в том, что если государственные информационные системы создаются за счет бюджетных средств, то к конструированию государственных цифровых платформ могут привлекаться частные инвесторы.

Официальные статистические данные о численности работников, задействованных на цифровых платформах, нам пока не известны. И не только по России, но и по другим странам. Данные приводятся только в научных публикациях. Однако в *академических и политических кругах не прекращаются дискуссии на тему последствий возникновения цифровых рабочих платформ и платформенных решений экономических проблем в различных секторах экономики*. Одни говорят, что цифровые платформы сигнализируют о прекращении наемного труда, полной либерализации услуг и расширении мировой конкуренции, что это положит конец устоявшимся общественным моделям (не будет трудового законодательства, регулирования рабочего времени, никаких коллективных действий). Другие считают это видение чрезмерно пессимистичным и связывают наступление цифровой экономики с новыми

¹ См.: Новая технологическая революция: вызовы и возможности : экспертно-аналитический доклад / под науч. руководством В.Н. Княгинина. – М., 2017. – С. 28–29. – URL: <file:///C:/Users/Администратор/Downloads/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf> (дата обращения: 02.07.2021).

возможностями, прежде всего в промышленности, где интеллектуальные производственные линии сформируют новую форму взаимодействия между людьми и машинами, создадут новую комфортную среду обитания.

Социально-трудовые отношения в «новом» переходном периоде и трудовое право. Происходящие изменения в экономике и обществе, связанные с внедрением современных технологий, неизбежно меняют сложившиеся на протяжении последнего столетия отношения между основными субъектами трудового права – работодателями и работниками.

В настоящее время вопрос состоит не столько в том, сохранится ли вообще институт трудового права (конечно же, сохранится в обозримой перспективе), а в том, какие изменения в трудовой сфере примут устойчивый или поступательный характер. Вряд ли кто-либо сейчас будет оспаривать утверждение, что трудовое законодательство, сформированное в эпоху индустриального общества, не в состоянии адекватно реагировать на происходящие технологические изменения. Но даже это утверждение пока звучит как гипотеза, поскольку не подтверждается «большими статистическими данными». Мы можем лишь утверждать, что вследствие происходящей технологической революции неизбежно происходят изменения, которые формируют, но еще не сформировали иную архитектуру современной экономики. Мы не можем с уверенностью сказать, сохранится ли наемный труд (и наемные работники) в классическом понимании. А если сохранится, то как будет меняться удельный вес наемной рабочей силы в численности занятого населения через три, пять, 10, 15 лет?

Н.Л. Лютов справедливо отмечает, что ничего принципиально нового в современном вызове для рынка труда и трудовых отношений нет. Аналогичная повестка дня уже возникала на рубеже XVIII–XIX вв. – в период промышленной революции, когда технологическое усовершенствование производственного оборудования позволило перейти к массовому промышленному производству продукции и к высвобождению рабочей силы, ранее занятой в более примитивном производстве. Это неизбежно привело к возникновению дисбаланса на рынке труда в сторону резкого увеличения предложения рабочей силы. Первыми «пострадавшими» стали страны – пионеры промышленной революции, столкнувшиеся с необходимостью резкого сокращения старых рабочих, увеличением продолжительности рабочего времени, снижением оплаты труда. Следствием первой промышленной революции стало формиро-

вание основ трудового права, включая его важнейшие институты – рабочее время, оплату труда, безопасность труда и др.¹

В середине XX в. многие, в том числе ученые, высказывали опасения, что автоматизация производства вскоре вытеснит человека из сферы труда и подавляющее большинство работников окажутся лишними. К концу того же века оказалось, что опасения не оправдались. Но возникли новые угрозы, связанные с новым типом промышленной революции, формированием и внедрением нового технологического уклада в социально-экономические процессы. То есть в настоящее время, как и 100 лет назад, «вызовы» в сфере труда связаны с научно-технической революцией.

Некоторые прогнозы исследователей:

– наступает период, когда системы искусственного интеллекта все больше превосходят возможности людей, поэтому конкуренция за дефицитные ресурсы будет разыгрываться между людьми и искусственным интеллектом (Koginek A., 2019)²;

– с увеличением производительности робототехники спрос на рабочую силу будет снижаться (Webb M., 2019), и возрастает вероятность ухудшения положения работников (Acemoglu D., Restrepo P., 2019)³;

– в ближайшее время уйдут в прошлое или кардинально изменятся более половины нынешних видов трудовой деятельности (Berger R., 2016)⁴;

– низкоквалифицированных работников заменят роботы, а труд работников средней квалификации – программное обеспечение;

– будет происходить массовое отмирание устаревающих профессий, а вновь возникающие виды труда будут связаны с обслуживанием нового технологического уклада⁵;

– терять работу будут преимущественно работники старших возрастов, а получать новые технологичные места будет в основ-

¹ Лютов Н.Л. Адаптация трудового права к развитию цифровых технологий: вызовы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6 (103). – С. 98–100. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-trudovogo-prava-k-razvitiyu-tsifrovyyh-tehnologiy-vyzovy-i-perspektivy/viewer> (дата обращения: 02.07.2021).

² Цит. по: Филипова И.А. Трудовое право: вызовы информационного общества // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 2. – С. 165.

³ См.: там же.

⁴ Цит. по: Лютов Н.Л. Указ. соч. – С. 100.

⁵ См.: там же.

ном молодежь. Значительная часть пожилых работников и работников среднего возраста в случае потери работы не смогут найти работу на «обновленном» рынке труда¹.

Относительно «оптимистичный» взгляд на развитие событий имеют международные организации (например, МОТ и ОЭСР). Не отрицая возможности негативных последствий, они предполагают, что благодаря новым технологиям на рынок труда будет привлечено больше людей, чем потеряют работу из-за технологической революции².

В условиях использования систем искусственного интеллекта и быстрого распространения цифровых платформ очевидно, что кардинальные изменения неизбежно затронут основных субъектов трудового права – работодателей и работников. Например, прогнозируется, что развитие информационных технологий уже в ближайшие 10–15 лет приведет к исчезновению до 40–50% сегодняшних рабочих мест³. Перемены затронут и другие институты трудового права – рабочее время (его нормативную продолжительность), гарантии и компенсации работникам, институт социального партнерства.

В обозримой перспективе, скорее всего, речь пойдет о регулярном «переосмыслении» трудового права в быстро меняющейся действительности, и не только в сфере занятости, но и на рынках труда. В значительной степени это связано с тем, что мы все еще живем в индустриальном ландшафте, основанном на индустриальных установках. Как и при предыдущем переходе от аграрного общества к обществу индустриальному, большинство прогнозов

¹ Следует полностью согласиться с мнением Н.Л. Лютова о несвоевременности повышения пенсионного возраста в России (см.: Лютов Н.Л. Адаптация трудового права к развитию цифровых технологий: вызовы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6 (103). – С. 98–100.) Мы неизбежно столкнемся с ситуацией, в которой работники старшего и даже среднего поколения будут стоять перед выбором: либо всеми правдами и неправдами держаться за «старые» рабочие места, либо пополнять армию безработных до наступления пенсионного возраста.

² Transformative technologies and jobs for the future : background report for the Canadian G7 innovation Ministers' meeting (Montreal, Canada, 27–28 March 2018) / OECD. – 2018. – P. 23–24. – URL: file:///C:/Users/Администратор/Downloads/transformative-technologies-and-jobs-of-the-future%20(1).pdf (дата обращения: 02.07.2021).

³ Из доклада министра труда Франции 2018 г.: Intelligence artificielle et travail. Rapport à la ministre du travail et au secrétaire d'État auprès du Premier ministre, chargé du numérique. – 2018. – URL: file:///C:/Users/Администратор/Downloads/fs-rapport-intelligence-artificielle-28-mars-2018_0.pdf (дата обращения: 03.07.2021). (Цит. по: Филипова И.А. Трудовое право: вызовы информационного общества // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 2. – С. 164.)

о влиянии новой волны технологий повторяют прошлый опыт. Точнее – основное внимание акцентируется на изменениях, которые должны быть произведены, чтобы сохранить сложившееся общество.

Цифровизация производства и сервиса уже меняет положение работников, которые всё чаще работают в прямом контакте с робототехникой (Peters M., 2020)¹. Обсуждение вероятных количественных потерь рабочих мест в результате технологических инноваций не должно исключать из дискуссии вопрос о качестве рабочих мест на будущих рынках труда, а также о нормативных границах, позволяющих формировать условия наемного труда. По мере расширения внедрения новых технологий на рабочих местах, все большее беспокойство вызывает *будущее наемного труда* как такового (De Stefano V.)².

Основными характеристиками социально-трудовых отношений уходящей индустриальной эпохи были «стабильность» отношений (40-часовая рабочая неделя, бессрочный контракт) и набор социальных гарантий, который обеспечивался работодателями и государством. Все это закреплялось в трудовом законодательстве и в коллективных договорах.

С 1990-х годов отношения между работником и работодателем становились все более индивидуализированными, а наемный труд стал постепенно трансформироваться в «самозанятость физических лиц», что, по мнению ученых, окончательно лишило трудовые отношения функции солидарной ответственности за социальное благополучие работников в сложных жизненных ситуациях, а также запустило процесс дальнейшей индивидуализации отношений. По мере становления цифровой экономики, рабочая сила превращается в глобальную, трудовые отношения становятся фрагментарными и неустойчивыми, а сохранившиеся из прошлого институты рынка труда все еще препятствуют массовым сокращениям работников в соответствии с действующим трудовым законодательством из прошлого – доцифровой эпохи. По этой причине, считает Е.С. Садовая, смена парадигмы функционирования рынка труда запаздывает по отношению к организационным изменениям, происходящим в новой экономической среде³. Основными факторами, под влиянием которых происходят и будут происходить изменения, являются:

¹ Цит. по: Филипова И.А. Указ. соч. – С. 166.

² См.: там же.

³ См.: Садовая Е.С. Указ. соч. – С. 42.

- автоматизация рабочих процессов и делегирование части функций сложным компьютерным программам (программам-помощникам, виртуальным цифровым ассистентам);

- внедрение робототехники на рабочих местах (роботов, рассчитанных на непосредственный контакт с работниками, а также профессиональных сервисных роботов);

- интеллектуализация процессов управления, в том числе через алгоритмический менеджмент и др.;

- переход на электронный документооборот, в том числе во взаимодействии между работодателями и работниками¹.

Такие изменения экономически выгодны для работодателей и, как показало время, могут быть актуальными и полезными для обеих сторон в критические периоды (например, во время пандемии), минимизируя физические контакты между людьми, считает И.А. Филипова². Так, с начала 2020 г. действуют поправки к Трудовому кодексу РФ о введении электронного формата трудовых книжек. Следующим шагом стал переход на ведение всей документации, касающейся трудовых отношений, в электронном виде в качестве правового эксперимента, участниками которого становятся отдельные работодатели. Программой «Цифровая экономика Российской Федерации» предусмотрен перевод всех документов в электронный формат, включая кадровые документы и локальные нормативные акты. В ТК потребуется установить требования к электронному формату указанных выше документов и процедуре издания локальных нормативных актов работодателем.

Изменения в трудовом законодательстве, вызывающие беспокойство у специалистов, связаны с расширением использования цифровых инструментов для контроля за выполнением трудовых обязанностей работниками (слежка за работниками). В соответствии с трудовым договором работник должен добросовестно исполнять обязанности, а работодатель вправе проверять, насколько добросовестно работник выполняет трудовую функцию. К примеру, работник не вправе в рабочее время и на рабочем оборудовании заниматься личными делами (например, вести личную переписку), а работодатель вправе контролировать поток информации, который работник получает и отправляет посредством электронных коммуникаций. Специальные компьютерные программы, установленные на рабочем оборудовании, отслеживают и собирают

¹ См.: Филипова И.А. Указ. соч.– С. 167–169.

² См.: там же.

такую информацию в режиме реального времени. Российскими судами признано право работодателей осуществлять мониторинг рабочих компьютеров. Согласно действующему законодательству, такой контроль может рассматриваться как нарушение закона только в случае, если работодатель использует технические средства, применение которых запрещено, или осуществляет наблюдение без предупреждения работника. Современные цифровые инструменты (программы, сканеры, сенсорные датчики) существенно расширяют возможности работодателей контролировать работников. По мнению зарубежных специалистов, технический прогресс в данном контексте развивается в трех направлениях: совершенствование инструментов проверки; их удешевление; быстрота передачи и обработки информации. Установленные текущим законом ограничения уже не являются эффективными для осуществления контроля. Появляются технические устройства нового поколения (ИИ, нейросети), которые способны на основе получения информации из видеокamer, интернет-трафика и внешних баз данных прогнозировать поведение работника и давать рекомендации работодателю по принятию превентивных мер. В качестве примера приводится зарубежный опыт компании «Амазон», которая в некоторых странах, где позволяет закон, увольняет работников автоматически по результатам контроля с помощью сенсоров и систем слежения. То есть решение о прекращении трудовых отношений принимается на основе алгоритмического управления процессами (Estlund С., 2018)¹.

Перед законодательными органами ряда государств, в том числе и России, уже поставлен вопрос о переходе к оформлению всех документов, связанных с трудовыми отношениями, в электронном формате. Своевременность принятия решения о переходе стала особенно актуальной в 2020 г., когда из-за пандемии осуществлялся массовый перевод работников на работу в дистанционном режиме. Предполагается, что актуальность темы сохранится и в будущем. Через несколько лет заключение, изменение и прекращение трудовых договоров, а также ознакомление с локальными нормативными актами будет возможно в электронном виде. Но это только начало процесса. В дальнейшем неизбежна трансформация других правовых институтов – рабочего времени и времени отдыха, охраны труда, надзора (контроля) за соблюдением трудового законодательства.

¹ Цит. по: Филипова И.А. Указ. соч. – С. 169.

Достаточно велики, но пока остаются неопределенными перспективы расширения состава субъектов трудового права. Речь идет о работниках цифровых платформ, занятость которых еще по-прежнему называют «нетипичной», хотя за последние несколько лет она росла высокими темпами и, похоже, уже близка к трансформации в «типичную». Главная проблема состоит в отсутствии информации, прежде всего статистической, о динамике занятости и изменении ее структуры в традиционных секторах экономики и в «новых» секторах, которые образовались на основе новых технологий (например, платформенные компании).

Заключение

Цифровизация экономики – явление уже не новое. Также вряд ли имеет смысл отрицать, что «маховик» трансформации уже давно запущен и меняет нашу жизнь и сферу нашей трудовой деятельности. Но на этом консенсус заканчивается. Далее возникают вопросы, на которые пока не существует однозначных ответов:

– какие новые возможности открываются для работника в новом информационном пространстве?

– цифровая экономика больше уничтожает рабочие места или создает новые?

– сохранится ли наемный труд в цифровой экономике, или на смену ему придут иные, более гибкие формы занятости, соответствующие желаниям самих людей?

– сохранятся ли привычные для нас социальные нормы, в том числе ограничение рабочего времени, защита здоровья и обеспечение безопасности на рабочем месте?

С.И. Коданева¹

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

УДК 340, 342

DOI: 10.31249/pctii/2021.00.03

Аннотация. Цифровые технологии все глубже проникают в нашу жизнь, изменяя ее. Кардинальной перестройке подвергаются практически все сферы: коммуникации, медицина, образование, бизнес. Не остается в стороне и государственное управление, которое также затрагивают процессы цифровой трансформации. Настоящая статья посвящена анализу перспектив и рисков внедрения цифровых технологий в процедуры принятия управленческих решений, а также процедуры нормотворчества, формирования машиночитаемого права. По результатам анализа автор приходит к выводу, что цифровая трансформация государственного управления имеет значительный потенциал для повышения качества взаимодействия государства, общества и бизнеса, качества оказания государственных услуг населению. Вместе с тем реализовать этот потенциал удастся только при условии своевременного выявления и устранения рисков и сдерживающих факторов, часть из которых сформулирована в настоящем исследовании.

Ключевые слова: цифровая трансформация; государственное управление; представительная демократия; законотворческий процесс; машиночитаемое право.

S.I. Kodaneva

Digital transformation of public administration

Abstract. Digital technologies are increasingly penetrating into our lives, changing it. Almost all spheres are undergoing radical restructuring: communications, medicine, education, and business. State governance, which is also affected by the processes of digital transformation, does not remain aloof. This article is devoted to the

¹Коданева Светлана Игоревна, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, кандидат юридических наук (Svetlana Kodaneva, leading researcher at the INION RAS, candidate of legal sciences).

analysis of the prospects and risks of the introduction of digital technologies in the procedures of management decision-making, as well as the procedures of rule-making, the formation of machine-readable law. Based on the results of the analysis, the author comes to the conclusion that the digital transformation of public administration has a significant potential for improving the quality of interaction between the state, society and business, and the quality of public services to the population. At the same time, this potential will be realized only if the risks and constraints, some of which are formulated in this study, are identified and eliminated in a timely manner.

Keywords: digital transformation; public administration; representative democracy; legislative process; machine-readable law.

Искусственный интеллект (ИИ) все глубже проникает в нашу жизнь, принимая на себя выполнение все большего числа функций, начиная от интеллектуального поиска в сети Интернет, которым мы регулярно пользуемся, или голосового помощника Siri в гаджетах компании Apple и заканчивая разнообразными системами поддержки принятия решений для врачей, преподавателей, операторов финансовых услуг и множества других специалистов, которым необходимо принимать сложные решения на основе большого количества данных.

Подобно паровому двигателю или электрическому току в прошлом, ИИ преобразует мир, в котором мы живем. Имея достаточное количество данных, искусственный интеллект способен оптимизировать многие процессы и научиться делать более точные прогнозы – способности, востребованные во всех сферах жизни общества, начиная от совершенствования бизнес-процессов и заканчивая государственным управлением.

Основная цель разработок в области ИИ сегодня – расширить возможности человека и позволить ему принимать лучшие, т.е. более обоснованные и взвешенные решения. На данный момент искусственный интеллект и люди взаимодополняют друг друга, и объединение интеллекта человека с возможностями самообучающихся алгоритмов дает наилучшие результаты.

В последние годы ИИ становится все более популярной темой обсуждения внутри научного и бизнес-сообществ; этот термин широко применяется в государственных документах стратегического планирования. Например, Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., в рамках Минцифры России разработана и утверждена 10.10.2019 «Дорожная карта» развития «сквозной» цифровой технологии «нейротехноло-

гии и искусственный интеллект»¹. Однако многие исследователи отмечают, что возможности ИИ оценены не в полной мере. Что же такого уникального в искусственном интеллекте и что принципиально нового, прорывного он может дать для развития государственного управления?

По сравнению с предыдущими поколениями информационных технологий, ИИ обладает тремя уникальными характеристиками. Во-первых, это самообучение, благодаря которому ИИ постоянно совершенствуется. Эта ключевая особенность часто не учитывается в рамках стандартного подхода, рассматривающего его как статический сигнал, набор последовательных действий, заложенных в него программистом.

Во-вторых, когда что-то может «учиться» само по себе, это приводит к нелинейности (чем больше вы учитесь, тем быстрее вы учитесь). Соответственно, инструментарий, предлагаемый самообучающимися алгоритмами, и функционал, который они могут выполнять, растут в геометрической прогрессии. С экономической точки зрения это приводит к «технологической дефляции» – резкому удешевлению инноваций по мере ускорения их распространения. Соответственно, компании, использующие технологии ИИ и соответствующим образом выстраивающие свои производственные процессы, способны предлагать своим потребителям возможность получать товары и услуги гораздо дешевле при сохранении высокого качества.

В-третьих, ИИ влияет на принятие человеком решений. И здесь есть как преимущества, связанные с тем, что он может минимизировать или полностью устранять критические ошибки, которые могли бы сделать люди, так и риски того, что предвзятость в принятии решений будет усиливаться, если создатели алгоритма заложат в него свои предубеждения.

Для того чтобы лучше понять, что из себя представляет искусственный интеллект, стоит немного обратиться к истории его появления и развития. Сама эта идея зародилась еще в 1950-е годы, когда Алан Тьюринг, Джон Маккарти и Марвин Мински стали обсуждать возможность создания подобной технологии. Тогда Алан Тьюринг сформулировал идею «имитационной игры» – это своего рода тест, когда алгоритм общается с человеком и способен ввести

¹ Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «нейротехнологии и искусственный интеллект». – URL: www.consultant.ru (дата обращения: 05.06.2021).

его в заблуждение, т.е. заставить поверить, что он (алгоритм) тоже человек. И этот подход значительно шире того контекста, в котором сегодня принято говорить об алгоритмах, включая машинное обучение. Уровень развития технологии сегодня, действительно, позволяет ей многократно превосходить возможности человека. Постепенно мир переходит от эпохи экспертных знаний (когда особую ценность представляли заключения экспертов, основанные на их знаниях и опыте) к эпохе больших данных (когда искусственный интеллект, в распоряжении которого находится достаточное количество данных, способен давать решения намного точнее любого эксперта). Сегодня алгоритм, созданный средним инженером, способен по своей эффективности многократно превзойти алгоритмы ведущих мировых экспертов, если этот средний инженер имеет доступ к большему объему данных. Однако современный уровень развития технологии машинного обучения дает такие потрясающие результаты только в очень узких, специфических сферах. Компьютеры чрезвычайно хороши, например, в распознавании речи. Вы можете запросить свой банковский счет с помощью вашего голоса, и компьютер сможет распознать, кто вы, и авторизовать вас; данные с камер алгоритм анализирует гораздо эффективнее, чем человек-полицейский. Или, к примеру, диагностика заболеваний, где алгоритм, проанализировав около 700 тыс. карт пациентов, гораздо лучше выявляет заболевания, чем врачи.

При этом необходимо наличие сразу двух обязательных факторов: во-первых, нужен большой объем данных, на которых алгоритм сможет обучаться (что стало возможным относительно недавно, в связи с развитием технологии больших данных); во-вторых, для успешного функционирования ИИ необходимо решить проблему аннотирования данных. Для того чтобы алгоритмы глубокого обучения работали, в идеале необходимы миллионы или десятки миллионов обучающих выборок для достижения достаточно точного прогнозирования. В 1990-х годах в Техасе был запущен мегапроект, связанный с разработкой искусственного интеллекта, который провалился из-за большого количества правил. Эти числовые значения были основаны на эмпирическом анализе. Когда условия изменились, они устарели, и поэтому программа не могла функционировать. В связи с этим требуется сложная предварительная работа по формированию «маркеров», которые позволят алгоритму при обработке данных определять закономерности, позволяющие находить правильное решение или последовательность действий.

Однако если учитывать эти специфические особенности и правильно с ними работать, ИИ становится крайне эффективным инструментом для решения множества бизнес-задач, например в сфере маркетинга и взаимодействия с клиентами, в частности в работе колл-центров, в финансовой аналитике и т.д.¹

Постоянно возрастают возможности алгоритмов по использованию неструктурированных данных, включая изображения и видео. К слову сказать, создание ИИ, способного со 100%-ной достоверностью распознавать и анализировать изображения и принимать с учетом этих данных верные решения, – это одно из ключевых условий создания беспилотного транспорта. Но используется ИИ в других областях. Так, в социальных сетях, в которых производится обмен видео, таких, например, как YouTube, есть много информации медицинского характера, например, о том, как делать инъекции инсулина или проводить физиотерапию, есть информация о различных заболеваниях и способах их лечения. Зачастую это либо реклама, либо вообще не медицинская информация. Такие ролики в лучшем случае бесполезны, а в худшем – могут причинить вред. Чтобы найти видео, содержащие высококачественные медицинские данные, полезные для пациентов, могут быть использованы специально разработанные алгоритмы, вычлняющие специально заданные медицинские термины и обороты естественного языка. Специальные параметры, сформулированные на основе метаданных, могут быть заданы для анализа видео, чтобы сделать вывод о том, содержит ли видео контекстуальную информацию о медицинских знаниях.

Однако все приведенные выше примеры – это всего лишь попытка усовершенствования отдельных процессов. Безусловно, даже такая выборочная оптимизация дает значительный эффект за счет повышения точности прогнозирования, повышения качества принимаемых решений, исключения возможных ошибок, связанных с человеческим фактором, и т.д.

При этом, как отмечалось выше, возможности ИИ еще очень слабо используются. Вместе с тем осознанное и продуманное внедрение новых технологий приведет к полной цифровой трансфор-

¹ См.: Canakoglu E., Erzurumlu S., Erzurumlu Ya. How data-driven entrepreneur analyzes imperfect information for business opportunity evaluation // IEEE transactions on engineering management. – 2018. – Vol. 65, N 4. – P. 604–617. – URL: https://www.researchgate.net/publication/324007216_How_Data-Driven_Entrepreneur_Analyzes_Imperfect_Information_for_Business_Opportunity_Evaluation (дата обращения: 12.06.2021).

мации как экономики в целом, так и ее отдельных отраслей, как это произошло когда-то в процессе механизации труда, а также к полной трансформации государственного управления.

Так, в развитых странах сегодня стоит задача перехода к «цифровому правительству» – принципиально новой модели организации государственного управления, при которой органы власти будут не опираться на имеющиеся у них данные, а руководствоваться своими данными при принятии властных решений, включая формирование нормативной базы. Вытекающая из этой концепции ключевая особенность состоит в том, что правительства при выполнении своих функций и оказании гражданам государственных услуг должны во все большей степени опираться на собираемые данные¹.

Очевидно, что такая трансформация невозможна без кардинального изменения механизмов государственного управления и полного перевода их «в цифровое пространство», что подразумевает:

- получение данных в реальном времени;
- управление, основанное на автоматизированном анализе больших данных;
- высокую скорость принятия решений, изменение правил в реальном времени – мгновенное реагирование на изменения и интерактивность среды;
- ориентацию на конкретного пользователя, автоматическое предоставление государственных услуг в соответствии с жизненной ситуацией гражданина;
- решения в одно касание;
- цифровая экосистема понимается как центр синергии государства, бизнеса и граждан.

Таким образом, государство должно превратиться в «цифровую платформу», которая обеспечит минимизацию влияния человеческого фактора и сопутствующих ему коррупции и ошибок, автоматизирует сбор статистической, налоговой и иной отчетности, обеспечит принятие решений на основе анализа реальной ситуации. Помимо решения основной задачи – удовлетворения растущих запросов общества и бизнеса к качеству государственных услуг и государственного управления в целом – цифровизация управления позволит:

¹См.: Стотт Э., Хохлов Ю.Е. Цифровое правительство 2020: перспективы для России. – 2016. – С. 23. – URL: <http://eregion.ru/analiticheskie-materialy/tsifrovoe-pravitelstvo-2020-perspektivy-dlya-rossii> (дата обращения: 03.06.2021).

– во-первых, сократить бюджетные расходы на реализацию данных функций за счет автоматизации большинства стандартных процедур. Так, изданный правительством Великобритании «Отчет об эффективности цифрового правительства» (Digital Efficiency Report) свидетельствует о том, что цифровые транзакции в 20 раз дешевле, чем транзакции по телефону, в 30 раз дешевле, чем по почте, и в 50 раз дешевле, чем в очном режиме. Такая экономия рассматривается в качестве возможности повышения эффективности и снижения стоимости государственных услуг в Великобритании. Это может избавить от необходимости выполнять задачи снижения расходов бюджета путем сокращения или ограничения доступности этих услуг для населения¹;

– во-вторых, обеспечить постоянный сбор и обработку больших данных, которые, как известно, в условиях цифровой экономики становятся наиболее ценным ресурсом (не случайно их называют «нефтью цифровой экономики»). Аналитика, построенная на больших данных, позволит отказаться от ручного управления и повысить качество принимаемых решений. Грамотное использование инструментов анализа больших данных (в частности, использование ИИ) позволит решить задачу «персонализации» как мер государственной поддержки, так и государственного контроля (надзора). Например, аналитика может использоваться для выявления случаев махинаций с налогами или уклонения от их уплаты.

Так, многие страны уже признали важность наличия единых баз данных, доступных для государственного сектора и используемых совместно всеми органами, вместо ведения собственных реестровых записей каждым органом. В 2012 г. Дания издала стратегию «Хорошие базовые данные для каждого – условие роста и эффективности». Государственные органы в Дании регистрируют различную информацию о физических лицах, предприятиях, объектах недвижимости, зданиях, адресах и т.д. Такая информация, называемая базовой, считается важной для повторного использования в рамках всего государственного сектора, так как она представляет собой важную основу для должного и эффективного выполнения государственными органами их функций. В Нидерландах существует аналогичная инициатива по коллективному использованию 17 «базовых реестров». Великобритания, несмотря на прошлые политические споры, разрабатывает политику совместного ис-

¹ См.: Стотт Э., Хохлов Ю.Е. Указ. соч. – С. 47.

пользования данных, которая позволит использовать основные базы данных в рамках всего государственного сектора, а в некоторых ситуациях – и за его пределами. Ключевой шаг, который предпринимают сейчас ведущие правительства, состоит в признании не выполняемых функций и полномочий, а баз данных в качестве ключевых активов органов власти, а также в разработке стратегических планов внедрения стандартов интероперабельности и программного обеспечения промежуточного слоя, делающего возможной полную интеграцию таких баз данных через открытые интерфейсы программирования приложений¹.

Однако цифровая трансформация государственного управления не ограничивается только правоприменительной сферой. Как было отмечено выше, такая трансформация предполагает не просто автоматизацию существующих государственных процедур, связанных с выработкой политики, принятием решений, оказанием услуг населению и т.д. Она подразумевает полную перестройку самих этих процедур. Так, «умное правительство» – это такая система организации государственного управления, при которой все необходимые данные будут собираться в режиме реального времени, анализироваться специальными алгоритмами, которые будут не просто оценивать текущую ситуацию, объяснять причины тех или иных инцидентов (например, постоянных взрывов газового оборудования в жилых домах или аварий, подобных той, которая произошла в Норильске в мае 2020 г., когда в почву и реку попала 21 т топлива), прогнозировать (моделировать) будущее развитие событий, но также формировать изменения, которые необходимо внести в действующее законодательство. Алгоритмы позволят автоматизировать оценку регуляторного воздействия и облегчить внесение изменений в документы, требующие гармонизации. Эти возможности позволят сократить задержку между выработкой и вступлением в силу новых норм, поддерживать баланс в делящихся правоотношениях с учетом внесения актуальных изменений в регулирование, в том числе в экспериментальных правовых режимах, где скорость адаптации участников эксперимента к уточняющимся требованиям позволяет сохранить эксперимент даже при необходимости устранения небезопасных вариантов использования новых технологий.

Так, если условно разделить весь политический цикл на четыре этапа, то можно увидеть, что ИИ способен повысить качество каждого из них.

¹ См.: Стотт Э., Хохлов Ю.Е. Указ. соч. – С. 52.

Первым этапом политического цикла является формирование политической повестки дня, одним из ключевых аспектов которой является выбор наиболее актуальных для нее вопросов. Здесь ИИ может играть ключевую роль посредством анализа социальных медиа. Цифровые медиа и онлайн-политика становятся основными источниками информации для молодого поколения, формирующего повестку дня. Используя алгоритмы, правительства могут мгновенно отслеживать появление новых тем, преобразуя их в пункты политической повестки дня. Таким образом, формирование повестки дня может быть улучшено с точки зрения точности, эффективности и скорости, а также легитимности, что предоставляет правительствам возможность развивать более инклюзивный диалог с гражданами¹.

Второй этап политического цикла связан с проблемой выбора оптимального решения. Здесь ИИ также может оказать существенное влияние. Например, анализ динамики выявления различных заболеваний с использованием алгоритмов может помочь формировать программы строительства больниц или подготовки врачей-специалистов в конкретной области здравоохранения. Необходимые для принятия сложных политических решений неструктурированные данные могут быть доступны в социальных сетях (блогах, микроблогах на социальных платформах и т.д.). В конечном счете этот процесс должен быть автоматизирован, и искусственный интеллект станет важным инструментом для анализа данных, текстовой аналитики или поиска социальных данных. Это повысит подотчетность правительства, а граждане смогут наблюдать в режиме реального времени за потоком данных и информации, чтобы оценить принятые политические решения².

Использование ИИ и больших данных в реализации принятых политических решений (третий этап политического цикла) может быть связано с указанными выше аспектами: повышением качества государственных услуг, сбором в режиме реального времени и анализом больших объемов данных для выявления отклонения от запланированных показателей, причин таких отклонений и составления прогнозов развития событий.

¹ Assessing the public policy-cycle framework in the age of artificial intelligence: From agenda-setting to policy evaluation / Valle-Cruz D., Criado J.I., Sandoval-Almazán R., Ruvalcaba-Gomez E.A. // Government information quarterly. – 2020. – Vol. 37. – P. 5. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2020.101509> (дата обращения: 03.06.2021).

² Там же. – С. 7.

Наконец, четвертый этап – оценка результатов реализации государственной политики. Здесь следует еще раз подчеркнуть, что цифровая трансформация государственного управления подразумевает, что такая оценка будет проводиться в режиме реального времени, и в идеале – немедленно приводить к корректировке действующей нормативно-правовой базы.

Все это обуславливает особую актуальность формирования на первом этапе так называемого цифрового парламента, а в последующем – машиночитаемого права. Так, в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» Минэкономразвития России ведется работа по созданию Федеральной государственной информационной системы «Национальная единая среда взаимодействия всех участников нормотворческого процесса при подготовке регуляторных решений»¹ в целях оптимизации процесса разработки, согласования и утверждения проектов нормативных правовых актов, а также внедрения принципов совместной работы над проектами нормативных правовых актов. Система позволит всем участникам нормотворческого процесса вносить комментарии и изменения в текст будущих документов онлайн. В нее будут интегрированы существующие онлайн-системы законопроектов. Это – интеллектуализированное решение, внедряющее дополнительные функции для повышения эффективности работы участников процесса нормотворчества. Таким образом, происходит автоматизация права, которая представляет собой совокупность процессов, связанных с компьютерной обработкой информации в сфере права. Наиболее важными из них являются:

– цифровизация обработки правовых документов, включая документооборот при разработке и согласовании проектов нормативных правовых актов;

– разработка машиночитаемого права, включающая разработку онтологий права и основанных на них юридически значимых наборов метаданных;

– разработка как логических, так и эвристических алгоритмов (в том числе без использования онтологий права или юридически значимого набора метаданных), описывающих правоприменение;

¹ См.: приказ Минэкономразвития России от 09.07.2019 № 400 «О Федеральной государственной информационной системе “Национальная единая среда взаимодействия всех участников нормотворческого процесса при подготовке регуляторных решений”».

– разработка информационных систем, способных формировать правовые суждения или рекомендации на основе одной или нескольких технологий, относящихся к областям логического или правдоподобного вывода.

Первый этап создания вышеназванной Федеральной государственной информационной системы включает перевод документооборота, связанного с нормотворчеством, полностью в электронный формат, что позволило перевести в единую цифровую плоскость большинство существующих процессов по разработке и согласованию проектов нормативных правовых актов. Таким образом, сегодня уже реализуется инструментарий «электронного парламента», который, по определению центра European Center for Parliamentary Research and Documentation (ЕСPRD), представляет собой совокупность процессов, отражающих «взаимодействие парламентариев и процессов, как внутренних, так и внешних, между собой с помощью современных информационно-коммуникационных технологий и стандартов с тем, чтобы достигнуть прозрачности, качества, производительности, эффективности и гибкости»¹. Помимо прочего, электронный парламент подразумевает принципиально новые механизмы взаимодействия власти и общества, вовлечения общественности в нормотворческий процесс, поскольку все элементы такого процесса являются открытыми, а информация как о проектах нормативных актов, так и о ходе их обсуждения и принятия размещается в открытом доступе на сайтах соответствующих органов и на портале правовой информации (<http://pravo.gov.ru/>).

Одновременно внедрена автоматическая разметка в текстах нормативных правовых актов лингвологических объектов (объектов, субъектов, действий и обстоятельств), которая является основой для создания семантического ядра документов. Это необходимое условие для формирования технологической основы для последующего развития машиночитаемого права.

Машиночитаемое право – это формальное представление определенного набора правил (норм), относящихся к сфере права, основанное на онтологии права, которая описывает множество объектов и связей между ними (концептуализация предметной области). Иными словами, *онтология машиночитаемого права* – это формальное представление знаний о праве, правовых понятиях, объек-

¹ См.: Поврозник Н.Г. Информационно-аналитические технологии государственного и муниципального управления : учеб. пособие / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2017. – С. 64.

тах, моделях и категориях, их классификациях и свойствах, их связях (включая функциональные связи, ограничения, правила и иные значимые утверждения), а также формальное представление знаний о событиях, описывающих взаимодействия объектов и их изменения, попадающие в сферу права. Соответственно, право, переведенное в машиночитаемый формат, будет более точным, четким и логичным, что позволит в процессе правоприменения снизить дискреционность, что особенно важно для публично-правовых отраслей, где необходимо снижать уровень усмотрения со стороны применяющих нормы права органов власти для обеспечения большей предсказуемости правоприменения, снижения административных издержек для бизнеса и улучшения деловой среды.

Потребность в развитии машиночитаемого права уже сегодня достаточно очевидна в ряде областей, связанных с внедрением элементов автоматизации и цифровизации. Так, в соответствии с паспортом Федерального проекта «Цифровое государственное управление» алгоритмы предоставления государственных и муниципальных услуг должны формироваться в машиночитаемом виде, что связано с постепенным переводом всех услуг в электронную форму (т.е. с предоставлением через Единый портал государственных услуг, а также региональные и муниципальные порталы).

Еще одним аргументом в пользу машиночитаемого права является растущее применение информационных систем различной степени автономности, предоставляющих различные сервисы в автоматическом режиме, а также обменивающихся данными без участия человека (например, беспилотный транспорт, Интернет вещей). Посредством формального языка и других инструментов машиночитаемого права возможно обеспечить «встраивание» норм позитивного права в работу таких информационных систем.

Постепенно расширяется использование машиночитаемого права в сфере финансовых технологий, в том числе так называемых смарт-контрактов (соглашений, записанных с помощью специализированных языков программирования, включая Solidity, Golang, Ride, Fift и т.п.), реализуемых в распределенных реестрах. В качестве примера можно привести блокировку средств из криминальных источников, а также применение регуляторных ограничений в процессе использования криптовалют.

В настоящее время осуществляется второй этап развития рассматриваемой Федеральной государственной информационной системы, в рамках которого реализуется проект по внедрению ассистента федерального государственного гражданского служа-

щего, созданного на базе технологий искусственного интеллекта. Основными задачами такого ассистента станут автоматическая проверка проекта нормативного правового акта на соответствие актам большей юридической силы, а также определение объема необходимой корректировки актов меньшей юридической силы. Также ассистент будет способен оценить соблюдение правил юридической техники и точность указания ссылок на иные законы и подзаконные акты и при необходимости предложить правки.

Использование данной технологии возможно также для проведения антикоррупционной экспертизы и автоматизированной проверки финансово-экономического обоснования разработанного проекта, в частности влияния предлагаемых проектом нормативного правового акта мер на доходы и расходы бюджета, проверки предлагаемых финансово-экономическим обоснованием затрат или доходов на соответствие иным подобным показателям.

Подобные алгоритмы могут позволить заранее, еще на стадии разработки проекта, оценить (смоделировать) будущую практику его применения, например, на основе анализа уже существующей судебной практики (частоты возникновения аналогичных споров или рисков возникновения новых споров, связанных с предлагаемым законопроектом нормативным регулированием). Такой способ позволит как инициировать изменения в нормативном регулировании, так и предсказывать потенциальное воздействие предлагаемых норм.

Перспективной представляется технология создания *«цифровых двойников»* – информационного моделирования правоприменительной практики в искусственной цифровой среде, в рамках которой можно симулировать возможные сценарии действия предлагаемых к принятию машиночитаемых норм права при учете иных значимых показателей.

Как отмечают И.В. Понкин и А.И. Редькина, результатом применения технологий цифровых моделей – двойников (т.е. сложного цифрового моделирования) в праве является цифровой образ (цифровой макет, цифровая модель, цифровой двойник, в том числе в динамической развертке – цифровая симуляция) исследуемой сложной правовой системы, сложного правового феномена, правового процесса, правового пространства, комплекса правоотношений и т.д. Предполагается, что «законодатель, “творец” правовой нормы, должен иметь в голове образ правопорядка, прежде чем он приступит к осуществлению правотворческих задач; правоприменитель должен располагать заранее установленной, хорошо ему

известной нормой, прежде чем он задастся целью привести то или иное отношение в должный порядок». *Цифровое моделирование* – это рациональные, релевантные процедуры предикативной направленности, связанные с моделированием и «проигрыванием» сценариев задействования сложных комплексов правовых норм. Но если раньше авторы проектов нормативных актов делали это в уме, то теперь данные функции могут быть переданы искусственному интеллекту¹.

Наконец, еще одним возможным вариантом развития правотворчества в условиях цифровой трансформации государственного управления может стать персонификация нормативных требований. Традиционно правовое регулирование является одинаковым для всех субъектов права, устанавливая в лучшем случае определенные различия только для определенных групп участников правоотношений. Например, для профессиональных и непрофессиональных инвесторов, для продавцов и потребителей. Однако внутри этих групп существует огромная степень дифференциации, в результате чего одни и те же правовые нормы могут быть эффективными для одних субъектов и бесполезными для других.

Использование возможностей, которые предоставляют технологии обработки больших данных, позволяет полностью трансформировать правовые категории и создать принципиально новый способ правового регулирования путем адаптации правовых норм к индивидуальным особенностям личности. Это связано с тем, что необработанные данные, собранные об индивиде, могут быть объединены таким образом, чтобы связать их со структурой личности или с когнитивными факторами для прогнозирования его поведения, после чего правовые нормы могут быть персонализированы. «Общий закон персонализации» должен указывать, какие правовые последствия порождают оценки, присвоенные конкретному человеку в разных категориях, таких как сила воли, рациональность и т.д.

Например, партнеры крупных фирм, занимающихся торговлей недвижимостью, считаются потребителями при покупке дома для себя, в то время как владельцы небольших зоомагазинов в своих деловых отношениях таковыми не являются, несмотря на то что первые, безусловно, обладают большим деловым опытом и знаниями в сфере обращения недвижимости, чем вторые. Соответ-

¹ См.: Понкин И.В., Редькина А.И. Цифровое государственное управление: метод цифровых моделей-двойников (ВМ) в праве // Государственная служба. – 2020. – Т. 22, № 2. – С. 75.

ственно, существующее в законодательстве деление на группы по неким общим признакам не решает проблему обеспечения равенства перед законом и равной защиты. Персонализация позволит использовать науку и технологию анализа поведенческих стереотипов для решения этих проблем, т.е. правовые категории могут быть уточнены и детализированы с учетом конкретных психологических типов личности. С позиции равенства перед законом это будет обоснованно, поскольку, если определенное правило приводит к справедливому результату для одних субъектов и не приводит к такому же результату для других, а эти результаты четко различимы с помощью больших данных, принцип равноправия требует применять правило только к первым¹.

Вместе с тем нельзя забывать о рисках и сдерживающих факторах на пути к цифровой трансформации государственного управления. Во-первых, как отмечалось выше, цифровизация первого этапа политического процесса, связанного с формированием политической повестки, может позволить обеспечить большую вовлеченность населения, поскольку анализ мнений граждан и их недовольства, выраженного в социальных сетях, позволяет получать оперативную информацию в режиме реального времени. Однако существуют исследования, свидетельствующие об эрозии представительной демократии под воздействием подобной цифровизации. Так, П. Робинсон и П.А. Джонсон на протяжении последнего десятилетия изучали влияние технологий на формы взаимодействия власти и гражданского общества, а также способы вовлечения граждан в вопросы управления. В частности, была обнаружена новая динамика, которую привносят технологические платформы «умного города» в то, как местные органы власти работают со своими жителями².

В литературе принято связывать эти технологические новшества с ожиданием улучшения коммуникации между гражданами и органами власти. Эти ожидания часто основаны на рекламе, создаваемой разработчиками новых технологий, ограниченном тестировании в реальном мире и часто не учитывают сложные среды реали-

¹ См.: Hacker Ph. Personalizing EU private law: from disclosures to nudges and mandates // *European review of private law*. – 2017. – Vol. 25, N. 3. – P. 661.

² См.: Robinson P., Johnson P.A. Pandemic-driven technology adoption: public decision makers need to tread cautiously // *International journal of e-planning research*. – 2021. – Vol. 10, N 2. – P. 62. – URL: <https://doi.org/10.4018/IJEP.20210401.0a5> (дата обращения 10.01.2021).

зации. Высокий уровень энтузиазма, стоящий за многими подобными технологическими проектами, подчеркивает отсутствие понимания их разработчиками сложных процессов управления. В результате эти технологии, вместо того чтобы способствовать трансформации, делают отношения более транзакционными. П. Робинсон и П.А. Джонсон даже используют понятие «транзакционный гражданин» – цифровая единица и источник для пополнения «больших данных»¹. Действительно, технологии «умных городов» и цифровые платформы позволяют легко подсчитывать количество людей и фиксировать быстрые реакции (например, симпатию к посту в социальных сетях). В условиях пандемии местные органы власти переносят свои усилия по взаимодействию с обществом в онлайн-режим, балансируя между необходимостью обеспечения социального дистанцирования и демократических процедур. По мере того как граждане теряют возможность участия в традиционных формах вовлечения в обсуждение местных проблем и переходят к транзакционным формам вовлечения, поддерживаемым технологией, возможности для надежного, качественного гражданского дискурса теряются, заменяясь акцентом на скорость и количество связей.

Это приводит к тому, что реальное обсуждение сложных проблем, совещательные процедуры и иные формы непосредственной демократии, предполагающие вовлеченность жителей в принимаемые решения, вымываются. Органы власти подменяют консультации с жителями общением с помощью технологических платформ, где гораздо легче создать большое количество мелких взаимодействий, генерирующих большое количество данных. Такая подмена существенно снижает подотчетность органов власти своим жителям, а также контроль за тем, чтобы принимаемые решения отвечали потребностям и чаяниям граждан.

Во-вторых, применение формального языка при подготовке нормы либо при ее последующем использовании может затруднить общественный контроль за качеством вновь принимаемых регуляторных требований, поскольку существующая система процессуальных сдержек и противовесов слабо приспособлена к работе с такими представлениями. Также могут возникнуть проблемы с контролем за соответствием машиночитаемых норм тем нормативным требованиям, которые не могут быть алгоритмизированы, – нормам, устанавливающим принципы и цели, описывающим права и свободы и пр. При этом многократно увеличивается «цена

¹ См.: Robinson P., Johnson P.A. Op. cit. – P. 63.

ошибки», поскольку, как отмечалось выше, цифровая трансформация государственного управления подразумевает крайне высокую скорость принятия решений и гарантию полного исполнения новых норм (включая блокировку счетов или конкретных платежей, автоматического списания штрафов). Также многократно усиливаются негативные последствия выбора решений, нарушающих баланс интересов в экономической и иных сферах.

В-третьих, как уже известно на примерах разных стран, включая Россию, автоматизация правоприменения создает риски некорректного распознавания обстоятельств правонарушения на основании первичных данных, включая идентификацию обстоятельств, подтверждающих тот или иной юридически значимый факт. На практике это означает, что из-за сбоев и ошибок лицо может быть привлечено к ответственности за нарушения, которых не совершало, или обременено новыми обязанностями в обстоятельствах, не предусматривающих этого. В связи с этим повышается значимость процессуальной части алгоритмов, определяющих, какие именно данные, полученные каким образом, после выполнения каких операций становятся основанием для наложения на лицо тех или иных обязательств и как может быть обеспечена защита законных прав и интересов лица, в отношении которого вынесено неправомерное решение.

Так, широкое обсуждение в литературе получила проблематика возможной предвзятости алгоритмов и невозможности понять основания принятых искусственным интеллектом решений. Действительно, сам по себе алгоритм не способен принимать «субъективные» решения, однако качество его решений зависит от того, каким образом он спроектирован и какие данные в него внесены. Кроме того, сложные самообучающиеся алгоритмы изучают взаимосвязь между различной информацией и заложенными в них образцами поведения через многослойную структуру и разрабатывают свои собственные правила принятия решений, которые обычно непонятны людям, что создает эффект «черного ящика».

Эта особенность искусственного интеллекта имеет два очень важных последствия, которые ярко проявились в деле «Государство против Лумаса», когда преступник, заключивший сделку со следствием и рассчитывавший на условный срок, был приговорен к шести годам тюремного заключения и пяти годам строгого надзора на основании заключения автоматизированной системы COMPAS о его склонности к рецидиву.

В этом деле интересно то, что использованная система, во-первых, не вполне соответствует целям принятия решений в

уголовном судопроизводстве (она смоделирована для исполнительной системы, т.е. для рассмотрения вопроса о возможности досрочного освобождения; кроме того, она способна идентифицировать группы правонарушителей высокого риска, но не может оценить риск рецидива отдельного человека); во-вторых, уровень достоверности отчетов данного алгоритма был поставлен под сомнение рядом исследователей, которые отмечали, что оценки COMPAS совпали с реальным рецидивом только в 20% случаев; и, наконец, в-третьих, эта система принадлежит частной фирме, которая отказалась раскрывать механизм работы алгоритма, что превратило его в «черный ящик» и не позволило понять, на основании чего было сформировано именно такое заключение¹.

Обвиняемый в попытке оспорить решение суда дошел до верховного суда штата, который отказал в удовлетворении его жалобы, несмотря на указанные «пороки» достоверности заключения алгоритма, но отметил, что автоматизированные системы не должны быть единственным обоснованием принимаемого решения.

Этот пример является наглядной демонстрацией серьезного риска, стоящего перед нашим обществом. Риска преклонения перед алгоритмами и чрезмерного доверия к результатам их работы. Действительно, даже если предположить, что судья не будет опираться исключительно на заключение COMPAS, очевидно, что, ознакомившись с этим заключением, он уже не сможет быть объективным при вынесении своего решения, зная, что преступнику присвоена высокая категория риска. Это вполне естественный психический механизм «якоря».

Кроме того, сам Верховный суд США продемонстрировал еще одну психологическую особенность человека. В обычных ситуациях любой отход от установленного процессуального порядка (например, от требования вынесения приговора только на основании точной и достоверной информации, а также права обвиняемого обжаловать аргументы, которые легли в основу приговора) должен включить механизм контроля и пересмотра решения. Однако когда такой отход связан с применением современной технологии, он может быть рас-

¹ См.: Han-Wei Liu, Ching-Fu Liu, Yu-Jie Chen. Beyond State v Loomis: artificial intelligence, government algorithmization and accountability // International journal of law and information technology. – 2019. – URL: https://www.researchgate.net/publication/332457303_Beyond_State_v_Loomis_Artificial_Intelligence_Government_Algorithmization_and_Accountability (дата обращения: 03.06.2021).

ценен как незначительный или вообще остаться без внимания из-за тенденции относиться к технологиям с чрезмерным доверием.

Наконец, в-четвертых, как было сказано выше, цифровая трансформация государственного управления базируется на сборе и обработке в режиме реального времени огромных массивов данных. Для этого используются технологии «умного города» (датчики, видеокамеры и т.д.), данные органов власти и порталов госуслуг об обращениях граждан, данные из социальных сетей и т.д. В связи с этим возникают серьезные риски вторжения государства в личную жизнь человека, многократно усиливаются риски того, что доступ к персональным данным будут получать лица, не имеющие на это никакого права.

Особым сдерживающим фактором является квалификация государственных служащих и юристов, которые не владеют методами и инструментами математической логики, навыками работы с компьютером как средством управления информацией, работы с онтологиями, тезаурусом, знанием формальных языков разметки и логического вывода.

Таким образом, *цифровая трансформация* – это сложная и многоуровневая проблема, которая помимо очевидных преимуществ, связанных с ускорением и упрощением взаимодействия государства с обществом и бизнесом, несет в себе целый комплекс рисков как для отдельных граждан (связанных с обеспечением и защитой их основных прав и свобод), так и для общества в целом. И без глубокого анализа этих факторов, без выработки адекватных мер по их устранению невозможно формирование необходимого доверия простых людей к новым технологиям в государственном управлении, а следовательно, и поддержки его цифровой трансформации. Не случайно национальные стратегии развития искусственного интеллекта сталкиваются с противодействием как со стороны населения, так и со стороны многих государственных служащих, имеющих дело с гражданами, которые боятся, что жизненно важные для них решения будут принимать бездушные машины¹.

¹ См.: Kuziemski M., Misuraca G. AI governance in the public sector: three tales from the frontiers of automated decision-making in democratic settings // Telecommunications policy. – 2020. – Vol. 44. – P. 101976. – URI: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC117861> (дата обращения: 03.06.2021).

Е.В. Скурко¹

**«ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО»,
«ЦИФРОВОЙ ГРАЖДАНИН», «ЦИФРОВАЯ ЛИЧНОСТЬ»
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ЦИФРОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПОЛИТИКЕ И ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

УДК 340, 342, 349

DOI: 10.31249/pctii/2021.00.04

Аннотация. В современном мире технологическое развитие требует значительного внимания правоведов к проблематике цифрового государственного управления и цифровизации сферы права, оборотной стороной которых сегодня выступают процессы формирования «цифрового гражданина», с одной стороны, и «правосубъектности» искусственного интеллекта – с другой. В статье рассматриваются новейшие подходы к правовому регулированию цифровизации государственного управления, а также новые научные исследования по рассматриваемому кругу вопросов

Ключевые слова: цифровизация государственного управления; электронное правительство; цифровизация права; цифровой гражданин; правосубъектность искусственного интеллекта.

E.V. Skurko

**«Electronic government», «digital citizen»
and «digital personality» of artificial intelligence:
new approaches in digital state policy and legal science**

Abstract. In contemporary world, the technological development requires that considerable attention of legal scholars should be paid to the problems of the development of digital public administration and the digitalization of the sphere of law, the

¹ Скурко Елена Вячеславовна, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, кандидат юридических наук (Elena Skurko, senior researcher at the INION RAS, candidate of legal sciences).

reverse side of which is the formation of a «digital citizen» – on the one hand, and the «legal personality» of artificial intelligence (AI) – on the other. The article discusses the latest approaches to the legal regulation of the digitalization of public administration, as well as the latest scientific research on the specified field of issues

Keywords: digitalization of public administration; electronic government; digitalization of law; digital citizen; legal personality.

Основы цифровой политики в условиях пандемии COVID-19

В настоящее время значительное внимание международные организации, законодатели, ученые и практики уделяют проблематике цифровизации государственного управления и цифрового развития права. Важными составляющими процесса внедрения новых алгоритмических технологий являются, с одной стороны, формирование «цифрового правительства» и «цифрового гражданина», с другой – закрепление «правосубъектности» ИИ, придание ему статуса «цифровой личности».

В 2020 г. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) представила Основы цифровой государственной политики ОЭСР – политический инструмент, призванный помочь правительствам определить ключевые детерминанты для эффективной разработки и реализации стратегических подходов к переходу на более высокий уровень цифровой зрелости их государственных секторов, содержащий «шесть измерений цифрового правительства»¹.

Актуальность развития цифровых технологий значительно возросла в условиях пандемии COVID-19 в связи с необходимостью повышения экономической и социальной устойчивости на основе стратегических, гибких и инновационных подходов в государственном управлении. Цифровые технологии и большие данные сыграли жизненно важную роль в управлении кризисом и поддержке общества и экономики – в особенности в странах, где сложились мощные инструменты «цифрового правительства». Вместе с тем в странах, где цифровые технологии не использовались стратегически и эффективно, кризис COVID-19 высветил серьезные проблемы и усугубил неравенство. Во всяком случае, можно ут-

¹ См.: Ubaldi B., González-Zapata F., Barbieri M.P. The OECD digital government policy framework: six dimensions of a digital government // Policy papers on public governance. – 2020. – N 3. – URL: <https://www.oecd.org/governance/the-oecd-digital-government-policy-framework-f64fed2a-en.htm> (дата обращения: 07.06.2021).

верждать, что кризис, вызванный повсеместно в мире пандемией COVID-19, должен побудить и стимулировать правительства государств мира к тому, чтобы обменяться опытом и поделиться ключевыми уроками, касающимися цифровых факторов современного общественного развития, а также критических недостатков, проявившихся в сфере цифровых технологий.

Как отмечают эксперты ОЭСР, государства мира сегодня повсеместно сталкиваются со снижением уровня общественного доверия, одновременно испытывая растущее давление необходимости кардинального пересмотра подходов в процессах государственного управления, вызванного наступлением цифровой эпохи – эпохи, характеризующейся как «открытая, цифровая и глобальная, а не закрытая, аналоговая и локальная»¹.

Пандемия COVID-19 и спровоцированный ею многомерный кризис, считают эксперты, препятствуют и существенно осложняют работу правительств. Вместе с тем это открывает новые возможности для правительства пересмотреть стратегические подходы к использованию цифровых инструментов и больших данных для повышения качества предоставления государственных услуг высокой общественной ценности и значимости, оперативно реагировать в случае последующих волн данного кризиса или грядущих кризисов, а также разрабатывать стратегии восстановления, которые должны быть социально справедливыми, способствовать устойчивости, а также закладывать фундамент для долгосрочной реформы государственного сектора в обозначенных направлениях². Сегодня перед государствами остро встает проблема понимания того, каким образом должны приниматься значимые решения для развития цифрового правительства, при этом важно не ограничиваться техническим ускорением цифровой трансформации государственного сектора. Только разработка стратегического подхода, в том числе с учетом опыта пандемии COVID-19, с точки зрения экспертов ОЭСР, будет способствовать реформе и действиям, стимулирующим использование цифровых технологий и больших данных в государственном секторе в ближайшие годы.

Исследования, проведенные в рамках ОЭСР, показывают, что успешная цифровая трансформация позволит государствам эффективно работать в цифровой среде, в том числе обеспечить доступность государственных услуг широким слоям общественно-

¹ См.: Ubaldi B., González-Zapata F., Barbieri M.P. – P. 5.

² Ibid. – P. 6.

сти. Однако полноценная реализация цифровой трансформации требует сегодня смены парадигмы, а именно – перехода от «электронного правительства» к «цифровому правительству», которое представляет собой «использование цифровых технологий в качестве неотъемлемой части стратегий модернизации государственного управления в целях создания общественного блага»¹.

«Шесть измерений» цифрового правительства, в концепции ОЭСР, должны включать: цифровой дизайн; государственный сектор, основанный на данных; правительство как платформу; открытость по умолчанию; управляемость пользователем; проактивность (Digital by design; Data-driven public sector; Government as a platform; Open by default; User-driven; Proactiveness)².

Электронное правительство: исследование ООН. В исследовании ООН «Электронное правительство 2020»³ отмечается, что к 2020 г. в мире произошли преобразования в глобальной повестке дня в области развития. В рамках системы ООН объявлено десятилетие действий по устойчивому развитию, которому отводится центральное место в ликвидации бедности, укреплении экономического роста и роста социальной защищенности, качества здравоохранения и образования, а также в развитии энергетики, водоснабжения, санитарии, транспорта, инфраструктуры, и доступа к Интернету. Программы «цифрового правительства» поддерживают стремление государств посредством внедрения технических решений, способствующих устойчивости, инклюзивности и справедливости доступа к государственным услугам для всех людей, повысить эффективность принятия решений.

Как подчеркивается в данном исследовании ООН, в сфере «цифрового правительства» было продемонстрировано внедрение целого ряда новых подходов, используемых в различных странах мира в целях продвижения «цифровой трансформации» в общественных отношениях, включая обеспечение электронного правительства в качестве социальной платформы, интеграцию интерактивной и автономной многоканальной связи, гибкое развитие

¹ См.: Ubaldi B., González-Zapata F., Barbieri M.P. – P. 5.

² Ibid. – P. 6.

³ Исследование ООН: Электронное правительство 2020 : Цифровое правительство в десятилетии действий по достижению устойчивого развития / Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. – Нью-Йорк, 2020. – 362 с. – URL: file:///C:/Users/Администратор/Downloads/eGov2020.pdf (дата обращения: 12.06.2021).

цифровых услуг, расширение электронного участия и партнерства, укрепление цифрового потенциала для предоставления услуг, ориентированных на людей, и инновационного использования новых технологий, таких как искусственный интеллект (ИИ), блокчейн и др., в том числе в концепциях развития «умных городов»¹.

Сегодня даже в странах, находящиеся в трудном социально-экономическом положении, в развивающихся странах, цифровые государственные услуги могут отчасти решить имеющиеся проблемы и сократить недостатки, в том числе в сфере государственного управления и коммуникации.

Электронное правительство – это не только предоставление услуг. Развитие его инструментария играет важную роль в укреплении цифровой грамотности, цифровой интеграции, цифровой связи и цифровой идентичности. В последние годы предоставление онлайн-услуг государствами мира стремительно расширяется и может позволить правительствам стать более эффективными, открытыми, прозрачными и инклюзивными.

Следует отметить, что к 2020 г. число стран, предлагающих как минимум одну государственную онлайн-услугу, выросло со 140 – в 2018 г. до 162 – в 2020 г. В среднем сегодня государства предлагают по 14 из 20 определенных экспертами ООН базовых государственных онлайн-услуг². К числу наиболее часто представленных и востребованных пользователями государственных онлайн-услуг относятся регистрация новых компаний, подача заявок на получение лицензии на ведение коммерческой деятельности, запросы свидетельства о рождении, свидетельства о смерти или свидетельства о браке, а также формы оплаты коммунальных услуг.

Во исполнение цели Повестки дня до 2030 г. для устойчивого развития ООН³ и Рамочной программы ООН для немедленных социально-экономических ответных мер на COVID-19⁴ более 2/3 государств – членов ООН предлагают специальные онлайн-

¹ См.: там же. – С. XXIII.

² См.: там же.

³ Повестка дня до 2030 г. для устойчивого развития ООН. – URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (дата обращения: 28.06.2021).

⁴ Рамочная программа ООН для немедленных социально-экономических ответных мер на COVID-19. – 2020. – Апрель. – URL: file:///C:/Users/Администратор/Downloads/un_framework_immediate_se_response_to_covid_rs.pdf (дата обращения: 28.06.2021).

услуги для молодежи, женщин, мигрантов, пожилых людей, лиц с ограниченными возможностями, а также тех, кто живет в бедности. Значительная часть государств размещают и представляют результаты конкурсов государственных закупок онлайн, публикуют информацию о вакансиях, имеющихся в правительственных учреждениях, онлайн и др. На сегодняшний день практически все государства – члены ООН имеют на общенациональном уровне порталы, платформы и серверные системы, которые автоматизируют основные задачи и функции государственного управления. Сфера действия таких цифровых национальных порталов повсеместно растет и расширяется. На сегодняшний день около 90% государств – членов ООН имеют развитые и многофункциональные порталы «электронного правительства», а также обладают возможностями осуществления взаимодействий посредством социальных сетей, используют интерактивный дизайн, реализуют функции обратной связи с пользователями и т.п.¹

Характерной тенденцией современного этапа развития цифровизации в государственно-правовой сфере является то, что органы государственной власти и управления предоставляют все более широкий круг информации все более широкому кругу лиц, широкой общественности. Так, на государственных информационных порталах все чаще представлены программы правовой политики по различным направлениям социально-экономического развития; все чаще для широкого общественного доступа размещается информация о государственных расходах и бюджете; предлагаются и предоставляются онлайн-услуги, связанные с образованием, трудоустройством, здравоохранением, по вопросам социальной защиты, в сфере правосудия и юридической консультации. Вместе с тем в мире в целом по-прежнему сохраняется существенный «цифровой разрыв» между различными странами, отчасти носящий макрорегиональный характер, когда, например, семь из восьми наименее развитых с точки зрения цифровизации государственного управления стран находятся в Африке².

«Цифровой разрыв», однако, существует не только между различными государствами и (или) (макро)регионами мира. Значительный «цифровой разрыв» нередко складывается внутри от-

¹ Исследование ООН: Электронное правительство 2020. Цифровое правительство в десятилетия действий по достижению устойчивого развития. – С. 34.

² См.: там же.

дельного государства – в отношении различных граждан и социальных групп.

Так, С. Ранхордас, профессор факультета права Университета Гронингена (Нидерланды), в исследовании, посвященном проблематике цифровизации правительства и «цифрового исключения», отмечает, что даже в развитых странах все еще остаются граждане, которые не имеют равного доступа к цифровым технологиям либо не являются в необходимой мере компетентными пользователями государственных цифровых систем и услуг. В результате складывается ситуация, в которой «оцифровка» государственных услуг на практике приводит к тому, что многие люди существенно отстают, а порой полностью «исключаются» из процессов общественного развития по обозначенным направлениям. По мере появления новых «цифровых разрывов» растущее цифровое неравенство не только начинает воспроизводить издревле известное социально-экономическое неравенство, но и становится самостоятельным источником отчуждения человека в обществе¹.

Проблемы формирования «цифрового гражданина». Создание ресурсов цифрового правительства в качестве своих последствий зачастую могут иметь цифровую изоляцию граждан, их цифровое отчуждение, что можно признать равносильным неравному обращению с гражданами, фактами дискриминации.

Согласно ст. 19 Всеобщей декларации прав человека каждый имеет право искать и получать информацию, в том числе через любые средства массовой информации и независимо от государственных границ. С этой точки зрения, как представляется, было бы справедливым, чтобы каждый человек имел право на доступ к Интернету и его использование. Вместе с тем в современном международном праве «право на доступ к Интернету» рассматривается как равное для всех право человека на участие в информационном обществе. С этой точки зрения «цифровой разрыв» было бы правильно расценивать не просто как «разновидность» неравенства, препятствующего отдельным лицам иметь доступ к цифровым технологиям, но и как более сложный комплекс вопросов, который

¹ См.: Ranchordas S. The digitalization of government and digital exclusion / University of Groningen Faculty of law // research paper. – Groningen, 2020. – P. 1. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3663051 (дата обращения: 07.06.2021).

не исчерпывается простым обеспечением доступа к соответствующей (цифровой) инфраструктуре¹.

Иными словами, наличие доступа к Интернету является необходимым, чтобы человек получил возможность пользоваться цифровыми услугами. Однако этого условия зачастую оказывается недостаточно. Так, все более остро ставится вопрос о «цифровой неграмотности» и борьбе с ней. В литературе отмечается, что складывающиеся формы «цифрового неравенства» во многом могут быть обусловлены не только и не столько отсутствием материального доступа (в смысле отсутствия доступа к компьютерам и средствам связи, Интернету), но и «цифровой неграмотностью» из-за отсутствия у человека умения, навыков, значимых личных возможностей для использования технологий и взаимодействия в технологической среде. На повестку дня выдвигается вопрос о формировании «*цифрового гражданина*», имеющего устойчивые навыки и способного регулярно критически и с учетом требований безопасности взаимодействовать с системами государственного управления в цифровой среде. Не случайно в этом вопросе формируется подход, рассматриваемый в докладах ЮНЕСКО, начиная с 2015 г. Речь идет об определении понятия «цифровой гражданин» как набора навыков, которые позволяют гражданам получать доступ, извлекать, понимать, оценивать, использовать, создавать, а также обмениваться информацией во всех форматах, используя различные инструменты, критически, этично и эффективно участвовать в частной, профессиональной и общественной деятельности.

Специалисты в связи с этим призывают обратить внимание на следующие обстоятельства. Прежде всего на решение проблемы цифровой грамотности, которая имеет существенное значение для предоставления каждому гражданину доступа к государственным онлайн-услугам. Услуги «цифрового правительства» должны быть в полном объеме доступны для всех без исключения, они не могут и не должны разрабатываться исключительно с учетом возможностей и навыков так называемого «цифрового гражданина». Это следует учитывать сегодня при разработке форматов онлайн-услуг в сфере социальной помощи и мер социального обеспечения, которые, становясь все более автоматизированными, не могут быть полностью использованы гражданами с ограниченными цифровыми навыками². Речь идет о «цифровом исключении» таких

¹ См.: Ranchordas S. Op cit. – P. 16.

² См.: Ibid. – P. 20.

граждан из сферы онлайн-услуг, что является не чем иным, как новой формой неравенства, которая на практике затрагивает весьма широкие слои населения и группы лиц.

В последнее десятилетие перечень признаков дискриминации – таких, как раса, класс и пол, – дополнился цифровым неравенством. В целях его преодоления и искоренения требуется объединение усилий юридического сообщества и технических специалистов¹.

Например, в последние годы, для того чтобы гарантировать для граждан равный доступ к использованию государственных онлайн-услуг, правительство Великобритании, а также правительство Дании приступили к разработке систем «цифровой помощи». Концепция «цифровой помощи» связывается с разработкой и внедрением широкого спектра стратегий и прикладных решений, направленных на то, чтобы все без исключения граждане в полной мере могли использовать ресурсы, предоставляемые при переходе к форматам цифрового правительства.

Проблеме преодоления цифрового неравенства в различных государствах мира сегодня уделяется недостаточное внимание. В частности, нередко упускается из виду тот факт, что граждане, не обладающие цифровой грамотностью, могут попасть под юридическое преследование, например, в силу того что недостоверно или некорректно заполнили цифровые формы на получение государственных онлайн-услуг – например, налоговые декларации либо заявления о предоставлении государственной материальной и социальной помощи и т.п. – в результате чего могут быть, по формальным юридическим основаниям, обвинены в мошенничестве и преданы суду. В таких и подобного рода случаях и ситуациях, со всей очевидностью, будет нарушено фундаментальное право граждан на справедливое судебное разбирательство и ряд других.

Следует признать, что сегодня от правоведов требуется активное изучение полного спектра актуальных проблем такого феномена, как судебная ошибка, в условиях цифровизации государственного управления, а также в формате «цифрового государства» – развитие института «права на ошибку» в сфере цифровых сетей и государственных онлайн-услуг, т.е. «права добросовестной ошибки». Кроме того, с сугубо технологической стороны, государства должны добавлять при разработке онлайн-услуг в рамках «цифро-

¹ См.: Ranchordas S. Op. cit. – P. 23.

вого правительства» обеспечение функций «лояльности» административных властей к гражданам, в особенности не обладающим необходимым уровнем цифровой грамотности, обеспечивать обратную связь от граждан, обращающихся за получением онлайн-услуг, – в части получения оценок качества цифровых систем и форм предоставления государственных услуг онлайн, – что, например, достаточно широко осуществлялось во Франции с 2018 г. в рамках программ модернизации публичных сервисов¹.

В последние несколько лет тем не менее появляются новые основания для критики «оцифровки» правительства и государственного управления. Речь идет прежде всего о том, что расширенное внедрение цифровых технологий дегуманизирует контакт между гражданами и правительством, тем самым подрывает практику и общественную значимость представлений о «добром управлении».

Так, одним из ключевых столпов административного права и государственного управления традиционно выступает административное усмотрение, которое подразумевает, что при принятии решения будут учтены конкретные, особенные обстоятельства и потребности граждан, будут адекватно взвешены различные альтернативы и учтены интересы, – а лишь затем, по совокупности, будет выноситься соответствующее административное решение. Государственным органам – также традиционно – предоставляется известная степень усмотрения в принятии решений по запросам граждан, поскольку считается, что административные власти обладают определенной степенью компетентности для принятия соответствующих решений на основании конкретных обстоятельств, – и эти органы и должностные лица должны пользоваться заслуженным доверием у граждан.

В то же время существует необходимость ограничения административного усмотрения, что объясняется тем, что лица, выполняющие государственные функции, могут, при известных условиях и обстоятельствах, руководствоваться собственными эгоистическими интересами. Иными словами, все представления об административном усмотрении тесно связаны и опираются на «человеческое» – но не «электронное-цифровое» усмотрение. Сегодня же, по мере роста цифровизации государственного управления, сфера административного усмотрения все чаще оказывается в поле функционирования автоматизированных систем, в отношении которых общест-

¹ См.: Ranchordas S. Op. cit. – P. 26.

венность, очевидно, будет испытывать все больше трудностей с точки зрения обеспечения «человеческой стороны» государственного управления.

Более того, автоматизированная система в принципе открыта для внедрения любого набора целей и ценностей, которые могут быть в ней предустановлены в качестве вводных данных. С этой точки зрения можно утверждать, что цифровизация услуг и принятие административных решений в рамках цифрового правительства должны повысить рациональность выносимых решений, снизить количество ошибок и роль предубеждения.

Во всяком случае, всем гражданам должен быть гарантирован доступ к государственным услугам – без условия освоения ими современных цифровых технологий – и до тех пор, пока сохраняется необходимость в альтернативе государственным онлайн-услугам. Цифровое правительство – это не самоцель, а средство сделать государственное управление более прозрачным, эффективным, доступным и инклюзивным. Соответствующим образом, дальнейшие исследования правоведов, как представляется, должны сосредоточиться на проблеме преодоления негативных правовых последствий в силу влияния «цифрового разрыва» на осуществление основных прав человека (например, права на образование), легитимности автоматизации некоторых видов государственных услуг, проблематике осуществления социальных функций государственного управления в условиях цифровизации, развития новых и более инклюзивных подходов к «цифровому гражданству», в особенности включения в широкое социально-правовое общение граждан, которые в настоящее время могут фактически исключаться из участия в информационном обществе¹.

Новые направления развития права и правового регулирования в условиях цифровизации. Проблематика цифровизации не исчерпывается вопросами развития цифрового государственного управления и онлайн-услуг. Так, в 2018 г. в ФРГ под руководством профессора Университета Вюрцбурга Э. Хильгендорфа проводилось исследование воздействия цифровизации на сферу права², а именно – были исследованы и проанализированы проблемы правового регулирования Интернета вещей, защиты частной жизни в цифровую эпоху; подходы к криминализации атак на информаци-

¹ См.: Ranchordas S. Op. cit. – P. 31.

² См.: Digitization and the law / ed. by E. Hilgendorf and J. Feldle. – Baden-Baden, 2018. – 140 p.

онные системы; проблематика роботизации с точки зрения развития уголовного права и т.п.

Сегодня не вызывает сомнений, что цифровая революция многопланово воздействует на социальную и правовую жизнь, а следовательно, требует особенного внимания к праву, правоприменению, к юридической деятельности в частности. Среди ключевых направлений воздействия цифровизации на правовую сферу можно выделить разработку новых методов и подходов в сфере права и правовом регулировании. В связи этим возникает вопрос о том, в какой мере действующие правовые нормы будут применимы к фактам, возникающим в контексте «оцифрованных» ситуаций и обстоятельств¹.

По мнению ученых, сфера права, сталкиваясь с вызовами, которые несут цифровые технологии, оказывается перед лицом необходимости, с одной стороны, обеспечить высокий уровень инженерно-технической экспертизы для практикующих юристов (прокуроров, судей, адвокатов, юрисконсультов и др.), а также проведение экспертизы при определении правовой политики (т.е. в органах законодательной власти). С другой стороны, требуется правовая и юридико-техническая экспертиза для консультирования инженеров, занятых в разработке новых цифровых технологий. Общая цель, к которой надо стремиться, – обеспечить соблюдение принципа, чтобы столкновения между технологиями и законом никогда бы не произошло².

Особенную проблему цифровизации правовой сферы, по мнению специалистов, составляет алгоритмизация, или «программируемость», закона – т.е. вопрос о том, могут ли нормы действующего законодательства быть переведены в инструкции компьютерного кода, которые машина сможет самостоятельно исполнять. При этом уже сегодня на практике можно наблюдать, что автоматизация ведет к росту спроса на машины, способные выполнять свои функции в соответствии с действующим законодательством. Например, это автономные системы, используемые в торговле на фондовом рынке, которые должны действовать в соответствии с законодательством; автономные самоуправляемые транспортные средства, которые могут ездить по дорогам общего пользования и при этом следовать правилам дорожного движения, и т.п. Актуализируется вопрос о том, что роботы, которые находятся в контакте с

¹ См.: Digitization and the law. – P. 11.

² Ibid. – P. 13.

человеческими существами, должны иметь своего рода внутренние «моральные и правовые кодексы», что могло бы гарантировать, среди прочего, что машина не причинит вреда человеку, с которым взаимодействует.

С указанных позиций, новые задачи юридической науки, поставленные цифровизацией, сводятся к следующему: в развитии законодательства стоит задача приведения в гармонию новых технологий и права. Это может быть достигнуто как путем адаптации закона к технологии, так и посредством приспособления технологии к закону. В связи с этим самобытной задачей современности для сферы права в связи с цифровизацией является управление новыми формами общественно опасного поведения путем введения соответствующих форм уголовной ответственности и развития уголовного права. Обозначенные и иные актуальные вопросы – это серьезные юридические проблемы, с которыми юристы едва ли могут справиться самостоятельно. Поэтому сегодня, как никогда ранее, необходимо обеспечить отлаженность междисциплинарного взаимодействия специалистов, развитие междисциплинарности в правовой сфере¹.

К вопросу о правовом статусе цифровых технологий и искусственного интеллекта. В научной среде отнюдь не случайно и все отчетливее звучат голоса о том, что необходимо специально определить правовой статус цифровых технологий, в особенности – систем искусственного интеллекта. Например, Дж. Чен и П. Бургесс, представляющие университеты Великобритании, обращаются к анализу пределов правосубъектности юридического лица, если бы его представляли искусственные интеллектуальные системы².

Так, если выдвинуть гипотезу о возникновении в Интернете «спонтанного интеллекта», необходимо задаться вопросом о том, могут ли существующие в современном праве концепции лица (субъекта права) быть расширены так, чтобы охватить новые формы интеллекта, как, например, гипотетический «спонтанный интеллект» в цифровой среде. В связи с этим рассмотрим возможность

¹ См.: Digitization and the law. – P. 19.

² См.: Chen J., Burgess P. The boundaries of legal personhood: how spontaneous intelligence can problematise differences between humans, artificial intelligence, companies and animals // Artificial intelligence and law. – Dordrecht, 2019. – N 27. – P. 73–92. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10506-018-9229-x> (дата обращения: 03.07.2021).

формирования в сфере права новой концепции лица либо реформы представлений и имеющихся классификаций юридического лица с точки зрения соответствующих объемов правосубъектности.

Допустим, «спонтанный интеллект» есть форма интеллекта, которая развивается в среде Интернета без человеческого замысла и имеет уровень, сравнимый с человеческим. Соответствующим образом, можно составить ряд «модельных субъектов», в том числе из тех, что традиционно относятся к субъектам права, включая категории юридического лица, при сопоставлении с которыми можно оценивать «спонтанный интеллект», а именно: сравнивать его с: а) человеком; б) корпорацией; в) высшим животным; г) искусственным интеллектом¹.

При более подробном исследовании указанных сопоставлений в каждом конкретном случае можно проанализировать как сходства, так и различия соответствующих «субъектов». В результате можно сделать вывод, что гипотетический «спонтанный интеллект» скорее будет иметь больше всего сходств и общих характеристик с человеком, нежели, например, с ИИ и иными «субъектами». Это отнюдь не означает, что «спонтанный интеллект» обязательно будет «похож» на человека, – речь в данном случае, скорее, должна идти о некой относительной позиции, в рамках которой «спонтанный интеллект» будет ближе по качествам и характеристикам к человеку, нежели к ИИ, причем не обязательно будет «как человек» в повседневном представлении.

Тем не менее в таком случае правосубъектность «спонтанного интеллекта» при определенных условиях может быть просто функцией официального признания его законодательным органом, и нет никаких причин, по которым наделение такого рода правосубъектностью должно фундаментально отличаться от иных известных праву форм, в том числе в определенной степени и объеме быть общей с ранее признанными обладателями правосубъектности².

При этом возникает ряд проблем. Особенного внимания, по мнению специалистов, заслуживает то, что к «спонтанному интеллекту» отсутствует интерес со стороны людей, что в данном случае составляет его ключевое отличие от ИИ, а кроме того, имеет глубокие последствия как в теоретическом, так и в практическом плане. Кроме того, уже сегодня становится ясно, что правила и

¹ См.: Chen J., Burgess P. Op. cit. – P. 73.

² См.: Ibid. – P. 89.

подходы к правовому регулированию, касающиеся любой (и различных) формы ИИ, не могут укладываться в рамки единого (и единственного) подхода, т.е. принципа «один размер для всех». С этой точки зрения гипотетический «спонтанный интеллект» вряд ли получит такое же правовое регулирование, как деятельность человека. В данном случае «родственные интеллекты» отнюдь не обязательно потребуют одинакового правового регулирования¹.

Далее, если брать за основу концепцию подходов к регулированию юридического лица как базис для развития правового регулирования гипотетического «спонтанного интеллекта», то возникает вопрос: как правовая система должна относиться к «спонтанному интеллекту»? Весьма вероятно, что эти подходы будут отличаться и от того, как эта система относится к известным сегодня субъектам права, в том числе юридическим лицам – корпорациям и др. Если же продолжать анализ на основании сравнения между ИИ и «альтернативными сущностями», вопрос, очевидно, еще требует самостоятельной глубокой философской проработки.

В итоге с точки зрения развития правового регулирования, в том числе в отношении гипотетического «спонтанного интеллекта», важно понимать, что в связи с развитием технологии, а также с учетом различных путей, по которым такое развитие может протекать в самом ближайшем будущем в правовой сфере и современных правовых системах, надо признать, что в отношении такого субъекта права, как юридическое лицо, уже невозможно будет ограничиваться определенными основными категориями, которые прежде устанавливались в правовых системах. Кроме того, можно утверждать, что «адаптацией» известных форм юридических лиц для новых явлений в интеллектуальной сфере ограничиться будет невозможно – скорее всего, потребуются новые правовые концепции и решения.

Если в рассматриваемом контексте обратиться к проблеме последствий для признания ИИ в качестве юридического лица, с учетом того, что принцип «один размер для всех» в данном случае трудно применим (достаточно сравнить ИИ как некую физическую сущность в самоуправляемых автомобилях и ИИ как часть программного обеспечения – и ряд других известных форм), это наводит на мысль, что одна категория или даже две вариации в подходах к правовому регулированию соответствующих сфер оказываются

¹ См.: Chen J., Burgess P. Op. cit. – P. 90.

неудовлетворительными. Конструкция юридического лица для соответствующих «субъектов» должна оцениваться и формироваться главным образом для той или иной технологии на основе индивидуального подхода, в том числе в отношении различных форм ИИ, и в определенной мере проводить между ними границы, в том числе в сфере права.

Категории юридического лица оставались относительно статичными на протяжении длительного периода времени; понятие юридических лиц и объем их правосубъектности в целом были ясны. Если «внутрикатегориальные» границы будут проведены внутри сферы ИИ или ИИ будет разделен на ряд различных видов, можно ожидать результат, аналогичный известному из истории права в отношении категорий юридического лица подходу: за этим последует экспоненциальное расширение круга и числа «субъектов», которым будет присваиваться правосубъектность. С этой точки зрения крайне спорным становится вопрос: следует ли, в принципе, ИИ приписать правосубъектность?¹

Действительно, например, российские правоведы склоняются к тому, чтобы выстраивать правовую оценку ИИ через категории юридической ответственности за его работу. Так, В.А. Лаптев, анализируя возможные подходы к раскрытию понятия «искусственный интеллект» как правовой категории, поднимает проблему юридической ответственности за работу ИИ и возможности признания наличия у машины, обладающей искусственным интеллектом, свойств субъекта права².

Известно, что концепции о субъектах права основываются, в частности, на том, что участниками хозяйственных (экономических) отношений являются физические и юридические лица, а также – применительно к современной России – публично-правовые образования, как то: Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования. Вместе с тем различные отрасли права выделяют различные признаки субъектов права: например, для современного предпринимательского права определяющими выступают, в числе прочего, наличие регистрации; хозяйственная компетенция; имущественная база; способность нести юридическую ответственность.

¹ См.: Chen J., Burgess P. Op. cit. – P. 91.

² См.: Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 79–102.

Если с этих позиций задаться вопросом о том, как в таком случае быть с роботами (машинами) или киберфизическими системами на базе ЭВМ, обладающими искусственным интеллектом, то должна ли речь идти об объекте либо о субъекте права? В связи с этим можно отметить следующее. Прежде всего следует признать, что на практике упомянутые признаки субъекта, например, предпринимательства могут быть у промышленного AI-робота. Действительно, робот может иметь регистрацию (например, в Ростехнадзоре) и учетный номер; может обладать хозяйственной компетенцией, соответствующей целям его деятельности; может обладать имущественной базой (поскольку априори сам представляет собой материальную ценность); робота можно привлечь к юридической ответственности (допустим, в виде принудительного отключения, доработки программы, утилизации и т.п.). Следовательно, в первом приближении AI-робот обладает отдельными признаками правосубъектности – в данном случае при осуществлении им (производственно-)хозяйственной деятельности. Вместе с тем, однако, робот выступает и объектом права – в качестве предмета материального мира, обладающего ценностью. При этом следует подчеркнуть, что правоповедение разделяет объект и субъект права – хотя в истории известны факты, когда объекты права переходили в разряд субъектов (например, при отмене рабства и др.)¹.

С точки зрения подходов и представлений о юридической ответственности следует отметить, что в современной научной литературе представлены различные взгляды на возможности привлечения к ответственности за работу искусственного интеллекта, в том числе: ответственность лица, программировавшего робота; ответственность лица, использующего робота в качестве инструмента; ответственность самого робота². Следует согласиться с выводом В.А. Лаптева, что «общим подходом в законодательстве должно выступить положение о том, что ответственным лицом за работу искусственного интеллекта должен признаваться его владелец. Вместе с тем допустимо использовать конструкцию “ответ-

¹ Лаптев В.А. Указ. соч. – С. 88.

² См.: Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий : автореф. дис. д-ра юрид. наук. – 2019; Лаптев В.А. Указ. соч.; Морхат И.М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта : гражданско-правовое исследование. – М., 2018. и др.

ственности фактического причинителя вреда” (пользователя)»¹. В частности, по аналогии с п. 2 ст. 1079 ГК РФ владелец искусственного интеллекта может доказать, что объект выбыл из его обладания в результате противоправных действий других лиц. В таком случае ответственность возлагается на лицо, противоправно завладевшее им. В случае виновного поведения владельца, выразившегося в противоправном изъятии этого источника из его обладания, ответственность может быть возложена как на владельца, так и на лицо, противоправно завладевшее источником повышенной опасности. То есть дается правовая оценка поведению каждого участника правоотношения.

Выводы

Современный этап общественного развития создает вызовы и открывает новые возможности в связи с использованием цифровых технологий в социальных и правовых отношениях. Наряду с развитием инструментария и правового регулирования деятельности «электронного правительства», в особенности актуализировавшимся в условиях пандемии COVID-19, возникает «цифровой гражданин», антиподом которого оказывается гражданин, не наделенный «компьютерной грамотностью» и навыками работы в Интернете и (или) с современными цифровыми информационными ресурсами. Одновременно с ростом применения в сфере права технологий ИИ возникает необходимость определения правового статуса и режимов искусственных интеллектуальных систем. Юридическая наука и практика ищут концептуальные и прикладные решения по обозначенному кругу проблем, в ряду которых – установление правовых режимов «электронного правительства», гарантии для граждан при обращении с техническими средствами, в том числе по юридическим вопросам, концептуализация отношения к ИИ через институты «юридического лица» либо формы его «юридической ответственности».

¹ Лаптев В.А. Указ соч. – С. 89–91.

А.П. Иванова¹

**ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ЭПОХУ COVID-19:
ТЕЛЕМЕДИЦИНА, РОБОТЫ
И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ**

УДК 340, 342

DOI: 10.31249/pctii/2021.00.05

Аннотация. Пандемия коронавируса существенно изменила образ жизни подавляющего большинства людей. Особенно сильное влияние она оказала на сферу здравоохранения, в которой стремительное развитие получили телемедицинские технологии, алгоритмы искусственного интеллекта и медицинские роботы. В статье исследуются преимущества применения новых технологий, а также анализируются правовые и этические проблемы, которые неизбежно возникают в процессе использования новых технологий при диагностике, лечении и профилактике заболеваний.

Ключевые слова: здравоохранение; COVID-19; телемедицина; искусственный интеллект; персональные данные; неприкосновенность частной жизни; дискриминация.

A.P. Ivanova

**Healthcare in the age of COVID-19:
telemedicine, robots, and artificial intelligence**

Abstract. The coronavirus pandemic has significantly changed the lifestyle of the vast majority of people. It has had a particularly strong impact on the healthcare sector, where telemedicine technologies, artificial intelligence algorithms and medical robots have developed rapidly. The article examines the advantages of using new technologies, as well as analyzes the legal and ethical problems that inevitably arise in the process of using new technologies in the diagnosis, treatment and prevention of diseases.

Keywords: healthcare; telemedicine; COVID-19; artificial intelligence; personal data; privacy; discrimination.

¹ *Иванова Ангелина Петровна*, младший научный сотрудник ИНИОН РАН (Angelina Ivanova, junior researcher at the INION RAS).

Введение

«Новый коронавирус», или SARS-CoV-2, является очень заразным вирусом, который вызывает COVID-19 и обладает рядом специфических признаков.

Во-первых, вирус быстро распространяется по всему миру. Хотя вспышка вируса впервые была объявлена чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения Всемирной организацией здравоохранения 30 января 2020 г., вирус быстро достиг многих стран в течение нескольких месяцев. Во-вторых, вирус смертельно опасен. По состоянию на май 2021 г. вирус убил более 3,5 млн человек по всему миру¹. В-третьих, вирус очень заразен. Ранние исследования предполагают, что он может распространяться, когда крошечные вирусные частицы, высвобождаемые инфицированными людьми, передаются через кашель, чихание, разговор, дыхание. В-четвертых, COVID-19 может проходить незаметно. Людям, инфицированным вирусом, может потребоваться до двух недель, чтобы выявить у себя соответствующие симптомы, а многие из них могут и вовсе болеть бессимптомно².

Эти четыре фактора привели к тому, что правительства по всему миру принимают серьезные меры для предотвращения или замедления передачи вируса.

Государства отреагировали на кризис использованием различных технологических решений, направленных на прекращение или замедление распространения нового коронавируса. Многие из этих решений основаны на использовании персональных данных, при этом фактически нет никаких гарантий сохранения их конфиденциальности. Эти технологические решения включают в себя отслеживание данных о местоположении сотовых телефонов, различные виды тестирования (включая тестирование на антиген и антитела), иммунные паспорта или сертификаты, отслеживание личных и цифровых контактов и

¹ См.: Weekly operational update on COVID-19 // World Health Organization Health Emergencies Programme. – 2021. – N 58. – P. 1. – URL: <https://www.who.int/publications/m/item/weekly-operational-update-on-covid-19---7-june-2021> (дата обращения: 07.06.2021).

² См.: Li T. Privacy in pandemic: law, technology, and public health in the COVID-19 crisis // Loyola university Chicago law journal. – Chicago, 2021. – Vol. 52, N 3. – P. 771. – URL: [https://www.luc.edu/media/lucedu/law/pdfs/lawjournal.Li%20\(767-865\).pdf](https://www.luc.edu/media/lucedu/law/pdfs/lawjournal.Li%20(767-865).pdf) (дата обращения: 07.06.2021).

многое другое. Меры общественного здравоохранения включают в себя более широкое использование телемедицины (часто с помощью дистанционных коммуникационных технологий), а также использование медицинского ИИ и медицинских роботов.

Телездравоохранение и телемедицина. Несмотря на то что термины «телездравоохранение» и «телемедицина» схожи, их не следует использовать как синонимы. *Телемедицина* – «услуга, направленная на улучшение здоровья пациента путем обеспечения двусторонней интерактивной связи в режиме реального времени между пациентом и врачом на удаленном участке». *Телездравоохранение* означает «использование телекоммуникаций и информационных технологий для обеспечения доступа к оценке состояния здоровья, диагностике, вмешательству, консультациям, наблюдению и информации на расстоянии»¹. Телездравоохранение можно рассматривать как более широкую концепцию телемедицины, которая включает в себя технологии, используемые для сбора и передачи данных о пациентах, такие как телефоны, электронная почта и устройства удаленного мониторинга пациентов (RPM), в целях обеспечения санитарного просвещения или дополнительных медицинских услуг.

За последние несколько десятилетий усовершенствования технологии резко повысили доступность и качество медицинской помощи, оказываемой в цифровом виде. Несмотря на это, телемедицина еще не получила широкого распространения из-за жесткого регулирующего законодательства и отсутствия инфраструктуры. Тем не менее можно утверждать, что пандемия наконец стала «переломным моментом» для телемедицины и может привести к более активному и широкому использованию телемедицинских технологий даже после того, как пандемия пройдет или по крайней мере ослабнет. Как справедливо отметила Д.Р. Фаррингер, поскольку услуги телемедицины стали более доступными и доказали свою полезность, теперь кажется маловероятным, что в от-

¹ Telemedicine, the current COVID-19 pandemic and the future: a narrative review and perspectives moving forward in the USA / A. Kichloo, M. Albosta, K. Dettloff, F. Wani, Z. El-Amir, J. Singh, M. Aljadah, R.C. Chakinala, A.K. Kanugula, S. Solanki, S. Chugh // Family medicine and community health. – London, 2020. – Vol. 8, N 3. – P. 1 – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7437610/pdf/fmch-2020-000530.pdf> (дата обращения: 07.06.2021).

расли произойдет возврат к прежнему статус-кво¹. В то время как глобальная пандемия оказала разрушительное воздействие на общество, это тем не менее уникальный и не поддающийся воспроизведению момент времени, когда индустрия здравоохранения может наблюдать за использованием телемедицины в свободном состоянии. С этой точки зрения законодатели и политики имеют возможность заново рассмотреть нормативные правовые акты и правовые ограничения, налагаемые на телемедицину: какие нормативные правовые акты и правовые ограничения на самом деле необходимы для наилучшей защиты пациентов; насколько эффективно использование телемедицины с точки зрения получаемых результатов; какие предыдущие ограничения оказались несущественными, а какие – существенными для борьбы с мошенничеством и прочими правонарушениями; какие новые проблемы возникли в связи с тем, что использование телемедицины стало более распространенным, и т.д.²

Услуги телездоровоохранения часто делятся на три отдельные категории: синхронные, асинхронные и мониторинг в режиме реального времени (RPM). *Синхронные виды телемедицинских услуг* позволяют медицинским работникам напрямую взаимодействовать с пациентами при помощи мобильной связи, видеосвязи или передачи данных, например посредством текстовых сообщений. *Асинхронные виды телемедицинских услуг* позволяют пациентам и медицинским работникам хранить информацию и пересылать ее другой стороне с ожиданием, что они услышат ответ в какой-то момент в будущем. *Мониторинг в режиме реального времени* позволяет сочетать синхронную и асинхронную связь, чтобы медицинские работники могли оценивать прогресс пациента с течением времени³.

Технологии телемедицины распространяются все шире и включают в себя носимые устройства, смартфоны и умные дома. Умные дома могут быть оснащены датчиками окружающей среды

¹ См.: Farringer D. A telehealth explosion: using lessons from the pandemic to shape the future of telehealth regulation // Texas A&M law review. – 2021. – P. 3. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3681070 (дата обращения: 07.06.2021).

² Ibid. – P. 4.

³ См.: Hoffman D.A. Increasing access to care: telehealth during COVID-19 // Journal of law and the biosciences. – Oxford, 2020. – Vol. 7, N 1. – P. 3. – URL: https://www.researchgate.net/publication/344077174_Increasing_access_to_care_Telehealth_during_COVID-19 (дата обращения: 07.06.2021).

и персональными датчиками, которые соединены между собой с помощью Интернета вещей. Эти устройства могут контролировать состояние здоровья пациентов и отправлять сообщения лечащим врачам при обнаружении признаков ухудшения здоровья пациентов. Стоимость этих устройств стремительно падает, разрабатываются новые методы сбора, обработки и анализа данных.

В течение последних нескольких лет исследователи изучали преимущества и недостатки телемедицины по сравнению с личным приемом пациентов. Во время нынешней пандемии телемедицина может значительно улучшить доступ к качественному, доступному уходу для пациентов, сохраняя при этом физическое расстояние для безопасности как пациентов, так и медицинских работников.

Известный футурист, занимающийся искусственным интеллектом и робототехникой, М. Форд отмечает, что до COVID-19 люди говорили, что предпочитают человеческое взаимодействие, а не полностью автоматизированный опыт. Это предпочтение личного контакта снизило уровень интереса потребителей к использованию интеллектуальной автоматизации. Однако в то же время он допускает, что пандемия может начать изменять предпочтения потребителей, поскольку личный контакт стал рискованным и может наносить вред здоровью людей. Люди могут начать интерпретировать новые технологии как помощь в защите их здоровья и улучшении самочувствия. Этот положительный опыт представляет технологии в новом свете, показывая, как они могут улучшить нашу повседневную жизнь и обеспечить нашу безопасность¹.

В условиях пандемии COVID-19 телемедицинские технологии стали средством «упреждающей сортировки», когда пациентов сортируют, до того как они попадут в отделение неотложной помощи. Для пациентов, у которых может быть COVID-19, телемедицина стала использоваться при оценке респираторных симптомов, которые могут быть частью раннего проявления COVID-19. Кроме того, посредством наблюдения за пациентами в домашних условиях врачи могут получить более глубокое представление о социальных

¹ См.: Coombs C. Will COVID-19 be the tipping point for the intelligent automation of work? A review of the debate and implications for research // International journal of information management. – Elsevier, 2020. – Vol. 55, N 3. – P. 2. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0268401220310100?dgcid=rss_sd_all (дата обращения: 07.06.2021).

детерминантах здоровья пациентов. Это может быть связано с динамикой семейной жизни пациентов, экономическими барьерами и безопасностью жизненной среды.

Использование телемедицины оказало положительное влияние на чрезвычайную ситуацию в области общественного здравоохранения. Помимо облегчения сортировки, телемедицинские технологии позволили оказывать медицинскую помощь даже в тех случаях, когда местные больницы и медицинские центры были не в состоянии удовлетворить спрос на медицинские услуги. Более того, телемедицина стала средством предоставления медицинской информации не только инфицированным, но и неинфицированным людям во время пандемии.

Также важно упомянуть о влиянии телемедицины на углеродный след здравоохранения. Замена личных посещений консультациями, проводимыми удаленно с помощью телемедицинских технологий, может снизить выбросы углерода за счет сокращения количества поездок на прием и обратно. Это может служить аргументом в пользу использования телемедицины не только в ситуациях, когда доступ к традиционной медицинской помощи отсутствует, но и в качестве основного продукта для оказания обычной медицинской помощи.

Вместе с тем телемедицина создает новые риски, связанные с кибербезопасностью и конфиденциальностью, поскольку дома пациенты могут не иметь такой же защиты, как в больнице или медицинском центре. Телемедицина также создает новые возможности для обмена медицинской информацией, что имеет последствия для конфиденциальности и безопасности

Риски, связанные с обработкой медицинской информации, очень реальны. Даже за пределами необычных обстоятельств пандемии люди нередко встречаются с дискриминацией, связанной с состоянием здоровья: работодатели могут не принимать на работу лиц с определенными заболеваниями или отказывать им в продвижении по службе. Некоторые болезни несут в себе негативную стигматизацию в социальных условиях. Чтобы снизить риски такого вреда и защитить человеческое достоинство, правительства во всем мире регулируют сбор, использование и обмен медицинской информацией с помощью все более строгих законов¹.

¹ См.: Determann L. Healthy data protection // Michigan telecommunications and technology law review. – Ann Arbor, 2020. – Vol. 26, N 229. – P. 230. – URL:

Европейские страны, как правило, запрещают обработку персональных данных, за исключением редких случаев. Общий регламент о защите персональных данных (General Data Protection Regulation, GDPR), вступивший в силу в 2018 г., подтверждает и усиливает жесткий режим регулирования, который был впервые введен в Гессене – федеральной земле Германии – в 1970 г., и требует, чтобы организации минимизировали объем данных, которые они собирают, используют, передают и сохраняют. Организации здравоохранения из всех сил стараются соблюдать данный режим, однако все больше утверждают во мнении, что законы ЕС о защите данных враждебны прогрессу в медицине, основанному на данных.

В то же время Соединенные Штаты Америки традиционно полагались и полагаются на отраслевые законы и законы о вреде для защиты частной жизни, включая Правила конфиденциальности и безопасности данных в соответствии с Законом о мобильности и подотчетности медицинского страхования (Health Insurance Portability and Accountability Act) от 1996 г. (далее – HIPAA) и многочисленными законами штатов.

Согласно HIPAA, медицинская информация должна быть защищена, независимо от того, собирается ли она для целей индивидуальной помощи или эпидемиологии и общественного здравоохранения. Основная цель этого закона состоит в том, чтобы гарантировать, что индивидуально идентифицируемая информация о здоровье пациентов должным образом защищена в соответствии с национальными стандартами, и при этом обеспечивается поток медицинской информации, необходимой для оказания высококачественной медицинской помощи и укрепления здоровья населения. HIPAA защищает данные в системе здравоохранения, прежде всего с помощью правил конфиденциальности и безопасности¹.

Правило конфиденциальности требует наличия разрешения субъекта персональных данных. Действующее разрешение как минимум должно содержать следующие основные элементы: описание информации, которая будет использована или раскрыта, идентификация лиц, уполномоченных на запрашиваемое использование или

<https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1017&context=mtlr> (дата обращения: 07.06.2021).

¹См.: Bassan S. Data privacy considerations for telehealth consumers amid COVID-19 // Journal of law and the biosciences. – 2020. – Vol. 7, N 1. – P. 2–3. – URL: <https://academic.oup.com/jlb/article/7/1/lsaa075/5905251> (дата обращения: 07.06.2021).

раскрытие, идентификация тех, кому охватываемая организация может раскрыть информацию, описание каждой цели раскрытия и срок действия для каждой цели.

Правило безопасности требует, чтобы охватываемые организации использовали соответствующие административные, физические и технические средства для защиты «конфиденциальности, целостности и безопасности электронной защищенной медицинской информации»¹, которую они создают, получают, используют, поддерживают или передают.

Правила, касающиеся защитных мер, разработаны так, чтобы субъект, на который распространяется их действие, мог реализовывать политику, процедуры и технологии, которые «подходят» для его возможностей. HIPAA – это многогранный закон, но основным принципом, лежащим в основе его гарантий, является «минимально необходимый» стандарт защиты. Этот стандарт требует, чтобы охватываемые организации запрашивали, использовали и раскрывали индивидуально идентифицируемую информацию в минимальном объеме, необходимом для выполнения задачи².

Однако нормы HIPAA весьма ограничены. Во-первых, его действие распространяется только на охватываемые организации и, в некоторой степени, на их деловых партнеров. Охватываемые организации часто включают больницы и клиники, но не включают многих других субъектов, которые могли бы быть лицами, собирающими данные в процессе тестирования на COVID-19. Например, если в жизненном цикле данных конкретной программы тестирования нет охватываемых организаций, такие субъекты, как университетские исследовательские центры, вероятно, смогут избежать регулирования HIPAA, как и частные компании.

Во-вторых, HIPAA предоставляет защиту только тех данных, которые передаются в электронном виде от охватываемой организации. Иными словами, закон не предусматривает механизмов правоприменения за ненадлежащую передачу данных третьим лицом, получающим информацию от делового партнера охватываемого субъекта.

В-третьих, HIPAA – это режим, основанный на согласии. То есть в соответствии с HIPAA охватываемые организации и их деловые партнеры могут свободно собирать, использовать и обмени-

¹ См. Bassan S. Op. cit. – P. 3.

² Ibid.

ваться данными до тех пор, пока физические лица дают свое согласие на такую практику.

В-четвертых, правило конфиденциальности прямо разрешает использование и раскрытие индивидуально идентифицируемой информации без разрешения в определенных целях общественного здравоохранения, в частности, охватываемым организациям разрешается передавать индивидуально идентифицируемую информацию органам общественного здравоохранения без разрешения субъекта персональной информации с целью «предотвращения или контроля заболеваний, травм или инвалидности, включая, помимо прочего, сообщение о болезни», а также проведения «исследований в области общественного здравоохранения и мероприятий общественного здравоохранения»¹.

Кроме того, охватываемые организации могут использовать или раскрывать индивидуально идентифицируемую информацию для уведомления лиц, «которые могли быть подвержены инфекционному заболеванию или иным образом могут подвергаться риску заражения или распространения болезни». Правило также разрешает охватываемым организациям раскрывать индивидуально идентифицируемую информацию иностранным государственным органам, действующим в сотрудничестве с органами общественного здравоохранения.

Следует подчеркнуть, что в основе большинства вопросов конфиденциальности персональных данных лежат этические проблемы. На это указывают многие исследователи². Компании контролируют информацию, которую они собирают от человека, и то, как они ее используют, является серьезной этической проблемой. Это происходит не только потому, что информация носит личный и конфиденциальный характер, но и потому, что потенциал для злоупотреблений огромен. Эта информация может быть использована для манипулирования поведением людей, распространения дезинформации, совершения террористических актов, совершения преступлений, таких как кража личных данных, и многого другого.

¹ Bassan S. Op.cit. – P. 4.

² См., напр.: Deb G. The data privacy landscape during COVID-19: an exploration of some of the major data privacy regulations and trends // DePaul journal of art, technology & intellectual property law. – 2021. – Vol. 31, N 1. – P. 4. – URL: <https://via.library.depaul.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1620&context=jatip> (дата обращения: 07.06.2021).

Искусственный интеллект как основной элемент научного реагирования на пандемию. Технологии ИИ также являются ключевыми компонентами медицинского и научного реагирования на пандемию. ИИ описывает любую форму машинного интеллекта, предназначенную для имитации функциональности человеческого интеллекта.

Искусственный интеллект может способствовать раннему выявлению вируса и эффективному применению превентивных мер в отношении возникновения и распространения вирусов и других инфекционных заболеваний в целом. В частности, ИИ можно использовать для отслеживания генеза или источника инфекционных заболеваний по мере их возникновения и распространения с точки зрения скорости и географии и для заблаговременного уведомления соответствующих учреждений, в частности больниц и других учреждений здравоохранения, о необходимости принятия соответствующих мер.

Также ИИ используется в медицинских исследованиях для поиска методов лечения и вакцин против нового коронавируса. Более того, медицинские инструменты ИИ могут сэкономить время и ресурсы для медицинских работников, что может означать спасение жизней в условиях кризиса общественного здравоохранения.

Наконец, технологии ИИ могут снять часть морального бремени с врачей и других медицинских работников, которые в противном случае должны были бы самостоятельно принимать трудные решения. Одним из самых трагических последствий пандемии стало то, что нехватка медицинских ресурсов поставила перед врачами сложный выбор: решать, каким пациентам предоставить спасательное оборудование (например, аппарат искусственной вентиляции легких), а каким пациентам – нет. Таким образом, фактически на врачей легло тяжкое бремя этического выбора: решать, кому жить, а кому умереть.

Медицинские инструменты ИИ могут сэкономить время и ресурсы для медицинских работников, что может означать спасение жизней в условиях кризиса общественного здравоохранения. Вполне возможно, что наличие инструмента с поддержкой ИИ, который будет частично обуславливать выбор врача, сможет облегчить бремя этического выбора. Однако использование ИИ в ранжировании пациентов чревато новыми этическими проблемами, включая опасения, высказанные защитниками прав инвалидов, о том, что люди с ограниченными возможностями могут подвер-

гаться более высокому риску смерти из-за приоритета, который отдается при ранжировании людям без инвалидности¹.

Расширенный набор новых технологий телездоровохранения позволил создавать больше данных, которые могут быть полезны для обучения алгоритмов ИИ². Ввиду этого системы ИИ должны разрабатываться в первую очередь с учетом интересов конфиденциальности. Например, если данные о пациентах используются для создания алгоритмов машинного обучения, они должны быть деперсонализированы или собраны неидентифицируемым образом. Зачастую пациенты могут не разобраться в том, как будут использоваться их данные в цифровых системах, и хотя для сбора этих данных необходимо надлежащее информированное согласие, может сложиться ситуация, когда получить осознанное согласие на использование инструментов ИИ будет чрезвычайно трудно.

Инструменты, основанные на ИИ, не лишены своих недостатков. Многие ученые выделяют проблемы, связанные с предубеждениями, которые прокрадываются в проектирование и внедрение многих систем искусственного интеллекта. Медицинские системы искусственного интеллекта также страдают от этой проблемы, и последствия могут быть буквально смертельными для пациентов. Хотя понятно, что медицинские работники в разгар чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения обращаются к любым инструментам, которые могут помочь им максимизировать свое время и ресурсы и помочь спасти больше жизней, вызывает беспокойство тот факт, что некоторые из этих инструментов, возможно, не были разработаны с учетом справедливости и равенства.

Конфиденциальность является важным аспектом проблемы алгоритмической дискриминации. Некоторые меры защиты неприкосновенности частной жизни могут фактически усугубить алгоритмическую дискриминацию. Например, лишая данные некоторых идентифицирующих характеристик (таких, как раса, пол и т.д.), разработчики систем могут неосознанно использовать предвзятые данные или данные, которые не отражают их целевую популяцию. Это также может затруднить последующую проверку алгоритмов, чтобы проанализировать, произошла ли алгоритмическая дискриминация. Также возможно, что законы и правила кон-

¹ См.: Li T. Op. cit. – P. 850.

² См.: Hoffman D.A. Op. cit. – P. 13.

фиденциальности могут ограничить данные, доступные исследователям и разработчикам систем искусственного интеллекта.

Алгоритмическая дискриминация может происходить в разных точках системы ИИ. Алгоритмы ИИ обучаются на данных. Это означает, что качество данных имеет жизненно важное значение для надежности алгоритмов ИИ. Источники данных, такие как электронные медицинские записи или страховые претензии, могут изобиловать ошибками, системными предубеждениями и пробелами в данных, которые могут быть особенно заметны для меньшинств, которые не получают оптимального ухода.

Кроме того, наборы данных могут быть слишком малы или недостаточно разнообразны, поскольку неблагополучные группы населения сталкиваются с барьерами в доступе к медицинской помощи¹.

Например, один из инструментов ИИ, предсказывающий вероятность того, что больной COVID-19 выживет после интубации, может полагаться на прошлые данные пациентов, у которых был вирус и которые либо выжили после интубации, либо нет. Однако набор данных о результатах лечения пациентов может не включать такие данные, как, например, раса, пол, социально-экономический класс и мн. др. Их набор может отражать предубеждения людей².

Нет ничего нового в проблеме погрешности данных, в частности их «предвзятости», в тех случаях, когда технология идентификации делает дискриминационные выводы по признаку расы и пола. Однако в условиях пандемии такая «предвзятость» может привести к угрожающей жизни дискриминации и социальной изоляции, что укрепит ксенофобские проявления еще на долгое время после того, как кризис отступит. Предотвращение погрешности при сборе и обработке данных является особенно важным для таких ситуаций, как заболевание COVID-19. Учитывая глобальное распространение инфекционных заболеваний, существуют как современные, так и исторические прецеденты, связанные с применением ненадлежащих, чрезмерных или неэффективных усилий правительства по сдерживанию такого распространения, обусловленных «предвзятостью», основанной на национальности, этнической принадлежности, религии и расе, – вместо опоры на информацию о

¹ См.: Hoffman S., Podgurski A. Artificial intelligence and discrimination in health care // Yale journal of health policy, law and ethics. – New Haven, 2020. – Vol. 19, N 3. – P. 6. – URL: <https://digitalcommons.law.yale.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1275&context=yjhple> (дата обращения: 07.06.2021).

² См.: Li T. Op. cit. – P. 852.

фактической вероятности заражения вирусом конкретного человека, такую, например, как данные об истории его путешествий или контактов с потенциально инфицированными людьми¹. С учетом этого опыта необходимо обеспечить работу любых автоматизированных систем данных, используемых для сдерживания COVID-19, так, чтобы они не идентифицировали ошибочно членов конкретных демографических групп как особо восприимчивых к инфекции. Недостаточная или неэффективная деидентификация и искажения в наборах данных могут стать основными причинами недоверия к службам общественного здравоохранения.

После вспышки коронавируса в начале 2020 г. ряд стран задокументировали проявления расизма, ксенофобии и дискриминации в отношении людей из Азии. Дискриминация, основанная на предположениях о способах распространения вируса, может иметь серьезные последствия для человеческого достоинства.

Уважение целостности личных данных действительно является неотъемлемой частью человеческого достоинства. В философской антропологии существуют различные взгляды на человеческое достоинство и, следовательно, различные способы защиты личной неприкосновенности с точки зрения конфиденциальности или иным образом. Тем не менее целостность личности человека и то, как она представлена, когда она сведена к цифровым форматам, нельзя отрицать как универсальное понимание человеческого достоинства. Ввиду этого целостность персональных данных может оказывать прямое положительное и отрицательное влияние на человеческое достоинство и его представление.

Паспорта иммунитета. В настоящее время некоторые правительства и частные организации работают вместе, чтобы найти способы вернуться к нормальной жизни, сняв ограничения, связанные с необходимостью социального дистанцирования, и позволив некоторым работникам возвратиться на свои рабочие места. Эти организации изучают, сколько людей уже имеют иммунитет к вирусу COVID-19, и на основе статуса иммунитета предлагают выдать «паспорта иммунитета». Этот подход не следует путать с инициативой упреждающего отслеживания, поскольку в случае его реализации паспорта будут определять правовой статус гражд-

¹ См.: Findlay M., Remolina N. Regulating personal data usage in COVID-19 control conditions // SMU centre for AI & data governance research paper. – Singapore, 2020. – P. 18. – URL: <https://ink.library.smu.edu.sg/cgi/viewcontent.cgi?article=1005&context=caidg> (дата обращения: 07.06.2021).

дан на основе предполагаемого снижения риска за счет наличия антител к коронавирусной инфекции. Лица, не имеющие паспортов, как предполагают исследователи, будут ограничены в своих гражданских свободах и возможностях работы из-за более высокой степени риска. Тем гражданам, у которых, как считается, есть антитела к вирусу, будет разрешено вернуться к трудовой и общественной деятельности.

Широкое внедрение паспортов иммунитета может стать решающим шагом на пути к восстановлению жизни в обществе и преодолению риска повторного заражения¹.

С введением иммунных паспортов, или сертификатов связаны многие проблемы, в том числе касающиеся конфиденциальности. Верификация иммунитета требует тестирования, направленного на определение наличия антител, которые могут подразумевать иммунитет (временный или постоянный). Тестирование в целом порождает множество проблем конфиденциальности, независимо от того, какая сторона собирает, обрабатывает, делится или контролирует данные. Требование или поощрение прохождения проверки иммунитета для реализации рабочих функций, получения образования или даже для входа в кинотеатр или торговый центр может привести к увеличению объема тестирования и, таким образом, нанести вред конфиденциальности. Электронная передача данных, связанных с иммунитетом, также повышает риски конфиденциальности.

Более того, поощрение к прохождению тестирования для проверки иммунитета может привести к тому, что люди будут вынуждены проходить тесты, независимо от их беспокойства по поводу конфиденциальности или других вопросов. Люди могут чувствовать себя вынужденными участвовать в тестировании, особенно если тестирование необходимо для снятия определенных ограничений, введенных в связи с COVID-19. Такое отсутствие контроля над личными медицинскими данными может быть вредным для конфиденциальности или, по крайней мере, для ощущения человеком наличия у него контроля над личной конфиденциальностью. Нормализация этой формы широко распространенного тестирования и обмена частными медицинскими или генетическими данными с многочисленными корпоративными и государственными организациями также может привести к изменению ожиданий общества в отношении конфиденциальности с вредными последствиями для будущих норм и законов о конфиденциальности.

¹ См.: Findlay M., Remolina N. Op. cit. – P. 15.

Зависимость прав и привилегий в случае их реализации в сферах занятости, образования, поездок и других от проверки иммунитета может иметь опасные последствия. Программы паспортизации или верификации иммунитета могут создать значительный сдвиг в социальных нормах, заложив основу для будущих программ, которые используют генетику или состояние здоровья в качестве условий для доступа к определенным правам и привилегиям. В крайнем случае эта линия аргументации может быть использована для обоснования программ, которые граничат с евгеникой¹. Нормализация иммунологической дискриминации может проложить путь к ослаблению дискриминационных законов и практики в целом, особенно связанных с дискриминацией в области здравоохранения, а также в некоторых других, таких, например, как занятость.

Кроме того, тестирование и верификация иммунитета могут быть доступны не всем людям в равной степени. Например, люди, которые не имеют медицинской страховки (особенно в таких странах, как США, где нет бесплатного или недорогого государственного здравоохранения), могут не иметь финансовой возможности пройти тестирование, необходимое для проверки иммунитета. Таким образом, если бы проверка иммунитета стала стандартом, то и без того обездоленные люди не смогли бы получить те же преимущества от проверки иммунитета, что и другие.

Чернокожие, представители коренных народов и другие группы населения могут оказывать большее сопротивление включению в любую базу данных общественного здравоохранения или правительственную программу сбора данных без твердых гарантий того, что их данные не будут использованы против них и их общин, учитывая исторические примеры чрезмерного вмешательства правоохранительных органов. Например, некоторые могут опасаться, что их генетический материал будет доступен правоохранительным органам, что может привести к угрожающим последствиям для групп, которые уже и так страдают от последствий институционального и структурного расизма в области общественного здравоохранения и полиции².

Тем не менее пандемия COVID-19 привела к тому, что государственные органы и организации были вынуждены распределять людей по категориям, чтобы измерять, контролировать и осмысливать сложившийся социальный и экономический кризис. При этом

¹ См.: Li T. Op. cit. – P. 830.

² Ibid. – P. 832.

глубокие социальные характеристики слишком часто универсализируются. М. Финдлэй, Н. Римолена выделяют следующие закономерности, связанные с дискриминацией в результате неправильной категоризации:

1) государственные и частные субъекты стали использовать новые категории, которые обуславливают различное отношение к людям данных категорий. Это не является само по себе дискриминацией, но может способствовать ее осуществлению. Например, принятие мер предосторожности для управления людьми в категории «уязвимые для коронавируса» кажется справедливым. Но в некоторых случаях наблюдаются ненужное запугивание и остракизм больных, их семей и медицинских работников;

2) иногда прослеживается неправильная категоризация похожих людей. Например, во многих странах китайцы, африканцы или латиноамериканцы чаще попадают в категорию «уязвимые для коронавируса». Эта неправильная категоризация, в сочетании с тем фактом, что к «уязвимым для коронавируса» людям относятся по-другому, приводит к дискриминации;

3) государственные и частные субъекты часто помещают разных людей в одну и ту же категорию. Некоторые люди легче вписываются в назначенную им категорию, чем другие. Например, многим студентам приходится учиться дома, но студенты с низким уровнем дохода считают это особенно сложным не только из-за отсутствия личного пространства, но и потому, что им может угрожать потеря случайной занятости¹.

Закон не исчерпывающе рассматривает риски, связанные с медицинским ИИ. В то время как медицинские инструменты ИИ могут быть полезны для общественного здравоохранения в чрезвычайных ситуациях, таких как пандемия коронавируса, закон должен сбалансировать защиту частной жизни пациентов и алгоритмических прав с необходимостью для исследователей и медицинских работников действовать и быстро внедрять инновации во время кризиса.

Медицинские роботы. Одной из бесчисленных трудностей для здравоохранения в разгар пандемии является необходимость изолировать пациентов друг от друга, от медицинских работников, от их семей и друзей. Ввиду этого некоторые больницы стали использовать роботов для оказания помощи, особенно там, где не имеется практически никакой физической или финансовой возможности нанимать людей, выполняющих те же задачи. Напри-

¹ См.: Findlay M., Remolina N. Op. cit. – P. 14.

мер, роботы начали использоваться в больницах по всему миру для дистанционного измерения температуры (что избавило медицинских работников от нахождения в непосредственной физической близости от пациента). Роботы могут быть полезны в чрезвычайных ситуациях, когда присутствие человека было бы опасным или неэффективным, в том числе в чрезвычайных ситуациях здравоохранения, где близость человека значительно повышает угрозу передачи смертельных вирусов.

Ученый-робототехник Р.Р. Мерфи и возглавляемая ею команда Robotics for Infectious Diseases отслеживали, как роботы использовались во время пандемии COVID-19 по всему миру. По состоянию на апрель 2020 г. команда Мерфи сообщила о многочисленных случаях использования роботов в медицинских учреждениях или функциях в рамках реагирования на COVID-19. Эти виды использования включали: дезинфекцию физических помещений; дистанционное наблюдение за пациентами; прием пациентов и посетителей; общение пациентов и членов их семей; доставка и выдача продуктов питания, рецептов или других предметов; а также тестирование (например, измерение температуры). Как предсказывают Р.Р. Мерфи и ее коллеги, опыт использования роботов во время пандемии COVID-19 может привести к более широкому использованию роботов в здравоохранении, а также к разработке новых видов роботов¹.

Использование роботов в медицинских учреждениях для борьбы с пандемией вызывает интересные юридические вопросы. Р. Кало много пишет об «исключительной» природе роботов и необходимости преобразования законов для адаптации к потребностям регулирования использования роботов, в том числе в области права частной жизни. Он отмечает три уникальные характеристики роботов, которые потребуют изменений в законодательстве: воплощение (физическое присутствие); эмерджентность (потенциал автономного, независимого действия); социальная валентность (идея о том, что роботы «чувствуют себя по-другому, больше похожи на живых агентов»)². Другие ученые также выделяют отличительные проблемы, связанные с регулированием конфиденциальности, вытекающие из этих факторов. В то время как по настоящему автономные роботы, способные действовать без «человека в петле», все еще далеки от реальности, физическое вопло-

¹ См.: Li T. Op. cit. – P. 854.

² Цит. по: Ibid. – P. 855.

щение роботов в медицинских учреждениях создает интересные проблемы в области регулирования такого использования роботов.

Типы роботов, используемых в здравоохранении, а также для реагирования на чрезвычайные ситуации, являются, как выразился Э.Ф. Вильяронга, «сложными киберфизическими системами»¹. Чтобы регулировать их использование, закон должен учитывать последствия сбора и использования цифровых данных для конфиденциальности, а также вред для конфиденциальности, специально создаваемый физическим присутствием роботов, их движениями и физическими функциями. В то время как такие технологии, как медицинский ИИ и телемедицинские платформы, могут влиять на информационную конфиденциальность человека, медицинские роботы, используемые во время пандемии, могут влиять как на информационную, так и на физическую конфиденциальность.

Кроме того, на роли роботов в личной жизни человека будут влиять социальная валентность роботов и естественная склонность людей антропоморфизировать определенных роботов, и возможно, их правовая защита, которая обычно предоставляется людям. Многие медицинские роботы, скорее всего, будут разработаны как социальные роботы – категория, которую К. Дарлинг определила как робота, который является «физически воплощенным, автономным агентом, который общается и взаимодействует с людьми на социальном уровне», часто «общается через социальные сигналы, проявляет адаптивное обучающее поведение и имитирует различные эмоциональные состояния»². Люди часто проявляют сочувствие к социальным роботам. Одно исследование показало, что люди с большей вероятностью будут колебаться, прежде чем ударить робота, если роботу сначала приписали реалистичную историю. Это обосновано тем, что истории могут влиять на эмпатические реакции людей на роботов. В условиях здравоохранения, особенно в чрезвычайной ситуации, люди могут быстро связать определенных роботов с эмоциональными историями или характеристиками. Например, медицинский робот, который регулярно доставляет больному коронавирусом обезболивающее лекарство, может порождать позитивное настроение и отношение к нему.

Как эмоционально интенсивный опыт пребывания в критическом медицинском пространстве (для пациентов, близких и медицинских работников), так и эмоционально интенсивный опыт жизни в условиях пандемии могут способствовать тому, что меди-

¹ Цит. по: Li T. Op. cit. – P. 855.

² Цит. по: *ibid.* – P. 856.

цинские роботы будут ассоциироваться с эмоциями, историями или другими человеческими характеристиками. Эта возросшая антропоморфизация медицинских роботов во время пандемии, а также усиление эмоциональных связей людей с роботами могут повлиять на конфиденциальность. Например, возможно, что люди добровольно могут давать больше данных роботам (например, отвечая на вопросы о симптомах), основываясь на чувстве эмоциональной или квазичеловеческой связи.

Защита прав на неприкосновенность частной жизни людей, имеющих дело с медицинскими роботами во время пандемии, может быть затруднена, поскольку многие люди не понимают, как роботы работают на практике и как использование любого конкретного робота может повлиять на их конфиденциальность.

Конфиденциальность людей, имеющих дело с медицинскими роботами, особенно важна в такое эмоционально напряженное время, как пандемия, особенно в ситуациях, когда на кону стоят человеческие жизни. Физическое присутствие робота может показаться навязчивым для человека в сильном эмоциональном состоянии; или, возможно, присутствие робота может приветствоваться, учитывая отсутствие человеческих контактов.

Очень разные типы роботов, которые используются в настоящее время, и различные настройки, с которыми они используются, требуют особого регулирования. Особенно в здравоохранении регулирование использования роботов должно осуществляться в конкретных формах, с проявлением внимания к каждому конкретному сектору и типу использования.

Пандемия COVID-19 сильно изменила общество, и потребуется большое количество времени, чтобы понять последствия этого социального кризиса. События этого времени, независимо от того, связаны они с частной жизнью и технологиями или нет, повлияют на будущие направления развития общества.

Программы, основанные на данных, разработанные в качестве ответа на пандемию COVID-19, от телездоровоохранения до ИИ, уже изменили способ взаимодействия общества с технологиями и концепциями конфиденциальности. Почти неизбежно то, что последствия пандемии будут длительными и непредсказуемыми для будущего общества и его отношений с технологиями. По мере того как общество продвигается к этому будущему, крайне важно, чтобы действовали законы и нормы, которые защищают как общественное здоровье, так и гражданские свободы.

А.П. Иванова

**ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ**

УДК 340, 342, 349

DOI: 10.31249/pctii/2021.00.06

Аннотация. Искусственный интеллект больше не является новинкой в области медицины, и его использование становится все более распространенным. Однако вместе с многочисленными преимуществами искусственный интеллект приносит множество правовых и этических проблем в сферу здравоохранения. В обзоре анализируются такие ключевые проблемы внедрения искусственного интеллекта, как непрозрачность и дискриминация в работе его алгоритмов, и рассматриваются способы их решения.

Ключевые слова: искусственный интеллект; дискриминация; медицинское право; справедливость.

A.P. Ivanova

**Legal and ethical problems of the use
of artificial intelligence in the field of healthcare**

Abstract. Artificial intelligence is no longer a novelty in the medical field, and its use is increasingly prevalent. However, along with its many benefits, artificial intelligence brings many legal and ethical challenges to the healthcare industry. The review analyzes such key problems of artificial intelligence implementation as opacity and discrimination in the work of its algorithms, and considers ways to solve them.

Keywords: artificial intelligence; discrimination; medical law; justice.

На сегодняшний день высокоинтеллектуальные машины и роботы выполняют различные сложные задачи; когда-то считалось, что (такие задачи) могут решать только люди. Искусственный ин-

теллект больше не является новинкой в области медицины, и его использование становится все более распространенным.

Использование искусственного интеллекта оказывает положительное влияние на реализацию прав и свобод людей. Технологии ИИ способствуют совершенствованию возможностей человека, и это принесет пользу как человеку, так и обществу в целом¹. Технологии ИИ также помогают человеку обучаться, расширять границы собственных знаний и навыков.

Применение в медицине систем ИИ способствует решению некоторых проблем в этой области, возникающих из-за недостаточности медицинского обслуживания, а также улучшает качество медицинского обслуживания. Использование ИИ имеет существенное перспективное значение в рамках внедрения телемедицины и использования систем диагностики². Внедрение ИИ даст множество преимуществ, позволит экспертам быстро и эффективно анализировать очень большие наборы данных, потенциально обеспечивая улучшение качества здравоохранения при меньших затратах. Алгоритмы обучения могут помочь врачам прогнозировать с большей точностью, какие пациенты, вероятно, будут иметь плохие или успешные результаты лечения, и соответствующим образом скорректировать медицинские решения. ИИ также позволяет выявить лиц с высоким риском ухудшения здоровья, которых врачи должны регулярно проверять на наличие конкретных заболеваний. Наконец, ИИ ускоряет прогресс в сфере здравоохранения, поскольку алгоритмы обучения изучают большие данные и обнаруживают ранее неизвестные закономерности и причинно-следственные связи.

Искусственный интеллект проник почти во все аспекты системы здравоохранения: от диагностики заболеваний до борьбы с кражей наркотиков в больницах. Здравоохранение, наряду с энергетикой, были определены в качестве первых направлений, где возможна революция с помощью технологий искусственного интеллекта³.

¹ См.: Кашкин С.Ю., Покровский А.В. Искусственный интеллект, робототехника и защита прав человека в Европейском союзе // Вестник Ун-та им. О.Е. Кулафина (МГЮА). – 2019. – № 4 (56). – С. 68.

² См.: Морхат П.М. К вопросу о специфике правового регулирования искусственного интеллекта и о некоторых правовых проблемах его применения в отдельных сферах // Закон и право. – 2018. – № 6. – С. 64.

³ См.: Schönberger D. Artificial intelligence in healthcare: a critical analysis of the legal and ethical implications // International journal of law and information technology. – 2019. – Vol. 27, N 2. – P. 171.

Но революции редко обходятся без побочных эффектов. Нередко высказывались различные опасения в отношении уникальных свойств и рисков, присущих технологиям ИИ. Было даже высказано предположение, что ИИ привнесет новый элемент в сферу здравоохранения и отношения, к которым он применяется, что может полностью изменить их¹.

«Черный ящик» алгоритмов искусственного интеллекта.

Как правило, ИИ использует технологию, наряду с программируемыми компьютерными системами, для выполнения конкретных задач путем обработки больших объемов данных и распознавания шаблонов в данных. Эта форма технологии позволяет машинам «учиться на опыте», чтобы они могли выполнять задачи так, как это свойственно человеку.

Искусственный интеллект опирается на прогностические алгоритмы, которыми руководствуются медицинские работники в своей медицинской практике. Вместе с тем механизмы, которые приводят к формулированию рекомендаций с помощью прогностических алгоритмов, в настоящее время не поддаются определению, ввиду этого их часто называют «черным ящиком» ИИ². Дж. Баррелл объясняет непрозрачность в алгоритмах их «высокой размерностью и сложностью», эмерджентной природой и модификацией поведения из-за того, каким образом они обучаются. Таким образом, свойства, которые делают системы ИИ ценными, также делают их непредсказуемыми и по своей сути опасными³.

Нейронные сети, лежащие в основе алгоритмов ИИ, структурированы на основе человеческого мозга, так что нейронные сети могут самообучаться, принимать решения и обеспечивать точные ответы. Несмотря на способность технологий ИИ обеспечивать точные ответы и помогать в повышении доступности и качества медицинской помощи пациентам, алгоритмы, с помощью которых работают технологии, могут «стать менее понятными для пользователей и даже для разработчиков, которые изначально за-

¹ См.: Schönberger D. Op. cit. – P. 172.

² См.: Kamensky S. Artificial intelligence and technology in health care: overview and possible legal implications // DePaul journal of health care law. – Chicago, 2020 – Vol. 21, N 3. – P. 2. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/326701503.pdf> (дата обращения: 09.06.2021).

³ Цит. по: Schönberger D. Artificial intelligence in healthcare: a critical analysis of the legal and ethical implications // International journal of law and information technology. – 2019. – Vol. 27, N 2. – P. 177.

программировали технологии»¹. Это может стать проблемой для применения ИИ в области медицины, поскольку ИИ не может объяснить процесс принятия решений так же, как это сделал бы врач. Более того, с юридической точки зрения это означает, что теряется возможность четко определить причинно-следственную связь, столь важную для установления фактов и квалификации действий лиц².

Даже если алгоритм может дать некоторое объяснение тому, как технология пришла к своему выводу, скорее всего, это не будет иметь полезного значения в медицинских терминах. Кроме того, алгоритмы станут еще более сложными, когда будет доступно больше данных, что, с одной стороны, уточняет будущие прогнозы, сделанные алгоритмами, а с другой – приводит к изменению алгоритмов с течением времени.

По словам Ш. Томас, внедрение ИИ «в процессы диагностики и принятия решений может значительно сократить количество медицинских ошибок и ошибочных диагнозов»³. Однако прогнозы, основанные на сложных связях между данными пациента и рекомендуемым лечением, часто даются практически без объяснения причин. Когда врач ставит неправильный диагноз или назначает неправильное лечение на основании рекомендаций искусственного интеллекта и алгоритмов машинного обучения, становится несколько неясным, кто должен нести ответственность за возникновение врачебной ошибки.

Действующие правовые нормы о деликтной ответственности могут быть недостаточными для применения к медицинским ошибкам, возникающим в результате решений, принятых искусственным интеллектом.

Как правило, ответственность за медицинские ошибки подпадает под рамки обвинения в халатности. Законодательство о деликтной ответственности в целом, включая ответственность за медицинские ошибки, как правило, служит цели компенсации пострадавшим сторонам и сдерживания необоснованно опасного поведения. Суды, как правило, применяют стандарты практики, которые устанавливает медицинская профессия в рамках деликтных исков. В случае врачебной ошибки ответственность врача определяется на основе представления о нем как о доверенном эксперте. Это означает, что лечащий врач несет полную ответственность за свои решения, и,

¹ Kamensky S. Op.cit. – P. 3.

² См.: Наумов В.Б., Тытюк Е.В. Правовые проблемы машинного обучения // Образование и право. – 2020. – № 6. – С. 222.

³ Цит. по: Kamensky S. – P. 7.

таким образом, если оказываемая помощь будет признана легкомысленной или небрежной, то врач будет нести ответственность.

В то время как технологии искусственного интеллекта и алгоритмы машинного обучения, используемые в настоящее время в медицине, постоянно развиваются, стандарты оказания медицинской помощи с использованием искусственного интеллекта еще не сформированы.

Кроме того, становится сложно применять существующие стандарты, используемые для определения ответственности врача в случаях ошибки, связанной с технологией искусственного интеллекта, когда ошибка произошла из-за технологии, а не из-за врача. Алгоритмы, используемые в технологии ИИ, применяются в настоящее время в медицине и показывают более высокую точность, чем врачи. Таким образом, возлагать ответственность исключительно на врача и применять традиционную систему небрежности к медицинской ошибке, связанной с искусственным интеллектом, представляется несправедливым, поскольку врача не обязательно следует обвинять в следовании алгоритмам искусственного интеллекта.

Дискриминация в работе алгоритмов искусственного интеллекта. В эпоху ИИ внедряются высокоразвитые алгоритмы в целях обнаружения и анализа закономерностей, оптимизации решений, ускорения операций, облегчения самообучения, минимизации человеческих ошибок и предубеждений и содействия совершенствованию технологических продуктов и услуг. Несмотря на эти огромные преимущества, алгоритмы и интеллектуальные машины не обеспечивают равные возможности для всех. Точно так же, как «цифровая пропасть» отделила тех, у кого есть доступ к Интернету, информационным технологиям и цифровому контенту, от тех, у кого их нет, возникающая и постоянно расширяющаяся «алгоритмическая пропасть» теперь угрожает лишить многих политических, социальных, экономических, культурных, образовательных и карьерных возможностей, предоставляемых машинным обучением и искусственным интеллектом¹.

Утрата ориентиров подлинно человеческой справедливости и нравственных начал в управлении закладывает основы для проявлений дискриминации, нарушения принципов равенства и демократии, причем не только в «традиционных», известных сегодня

¹ См.: Yu P.K. The algorithmic divide and equality in the age of artificial intelligence // Florida law review. – 2020. – Vol. 72, N 2. – P. 331–332.

обществу аспектах (мужчины – женщины, богатые – бедные, европеоиды – негроиды, представители разных религий, идеологий и т.д.)¹. Есть много примеров алгоритмической дискриминации, которые стали печально известными за пределами медицинской области. Например, алгоритм, разработанный для прогнозирования рецидива преступлений, продемонстрировал предвзятое отношение к чернокожим обвиняемым².

Алгоритмическая дискриминация в сфере занятости, уголовного права, жилищного строительства и других областях привлекла внимание авторов юридической литературы. Однако удивительно, что в юридической литературе не уделяется особого внимания дискриминации, связанной с ИИ в сфере здравоохранения. Хорошо известным примером является алгоритм, используемый для выявления кандидатов на участие в программах «ухода за больными с высоким риском», который продемонстрировал предвзятое отношение к расовым меньшинствам³.

Органы общественного здравоохранения и медицинские организации в настоящее время используют ИИ для борьбы с пандемией COVID-19. Эксперты обучают модели ИИ для диагностики COVID-19 с использованием изображений грудной клетки и разрабатывают инструменты ИИ для прогнозирования того, какие пациенты с COVID-19 перенесут заболевание в тяжелой форме.

Однако эксперты признают, что ИИ до сих пор был эффективно использован в борьбе с COVID-19. Одна из причин заключается в том, что алгоритмы искусственного интеллекта требуют больших объемов данных для целей обучения, а получение адекватных данных может быть дорогостоящим и трудоемким. Более того, в некоторых случаях дефекты ИИ могут иметь дискриминационные последствия и могут серьезно ухудшить положение определенных групп пациентов. В целом можно выделить три основные причины ошибочных результатов работы ИИ.

Во-первых, большие данные, используемые для алгоритмов машинного обучения, могут содержать неполную или неверную информацию, что приводит к погрешностям измерения. От того,

¹ См.: Кашкин С.Ю., Покровский А.В. Указ. соч. – С. 71.

² См.: Hoffman S., Podgurski A. Artificial intelligence and discrimination in health care // *Yale journal of health policy, law, and ethics*. – 2020. – Vol. 19, N 3. – P. 5. – URL: <https://digitalcommons.law.yale.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1275&context=yjhlple> (дата обращения: 09.06.2021).

³ См.: *Ibid.* – P. 6.

какие данные будут предоставлены для анализа алгоритмам, зависят и то, насколько этичными будут выводы этих алгоритмов: решения, принимаемые ИИ, во многом зависят от данных, на которых обучались алгоритмы ИИ¹. Низкое качество данных неизбежно приводит к низкой производительности алгоритмов искусственного интеллекта.

Электронные медицинские карты социальных меньшинств и лиц, находящихся в неблагоприятном экономическом положении, могут не содержать некоторые важные данные. Члены «уязвимых» групп населения могут получать медицинскую помощь нечасто, поскольку они не застрахованы, не имеют транспорта, возможности оставить с кем-то детей или сталкиваются с другими препятствиями. Из-за пробелов в данных ИИ может не распознать у таких пациентов заболевания или риски для здоровья, для выявления которых предназначен алгоритм².

Более того, если базовые наборы данных отражают предубеждения в отношении меньшинств или других уязвимых групп, распространенные в обществе, алгоритмы непреднамеренно примут и воспроизведут их в своих выходных данных. Так, исследование, опубликованное в журнале *Science*, показало, что семантическая модель, которая была обучена на стандартном тексте из Интернета, воспроизводила многие существующие стереотипы, например, ассоциируя бытовые термины больше с женщинами и неприятные термины больше с афроамериканскими, а не с европейско-американскими именами³.

Во-вторых, даже если обучающие данные не являются проблемными, алгоритм всё равно может проявлять предвзятость из-за неубедительных корреляций. Алгоритмическое принятие решений обычно основывается на индуктивном знании, полученном из относительно сильных корреляций, а не на абсолютно точно установленных причинно-следственных связях.

Однако в некоторых случаях такие коррелятивные рассуждения могут быть социально неприемлемыми. Ярким примером этого является исследование ProPublica по COMPAS – инструменту на базе ИИ, используемому в системе правосудия штатов США для прогнозирования риска рецидива среди обвиняемых по уголовным делам. Основной особенностью этой технологии является

¹ См.: Наумов В.Б., Тютюк Е.В. Указ. соч. – С. 223.

² См.: Hoffman S., Podgurski A. Op. cit. – P. 13.

³ См.: Schönberger D. Op. cit. – P. 176.

получение набора оценок риска на основе опросника, состоящего из 137 вопросов. Этот каталог включает в себя вопрос: «Были ли некоторые из ваших родственников или друзей жертвами преступлений?» Очевидно, что даже если бы можно было найти сильную корреляцию между рецидивом и ответом «да» на этот вопрос, было бы неоправданно отказывать кому-то в условно-досрочном освобождении, потому что их друг был жертвой преступления¹.

В-третьих, алгоритмы ИИ могут проявлять предвзятость при отборе, если подмножество лиц, представленных в обучающих данных, не является репрезентативным для интересующей популяции пациентов. Если данные, используемые для работы алгоритма обучения, поступают из системы здравоохранения, которая обслуживает лишь определенные группы населения, прогнозы алгоритма не могут быть распространены на всех пациентов.

Большие данные не охватили определенные маргинальные группы населения. Особенно это касается расовых меньшинств, людей с низким социально-экономическим статусом и иммигрантов. Информация о многих людях отсутствует в объеме данных, поступающих из таких источников, как история поиска в Интернете, активность в социальных сетях и использование кредитных карт, информации о них нет также в других источниках больших данных, таких как электронные медицинские записи и геномные базы данных².

Предвзятость отбора может быть особенно острой, если размер исследуемой выборки невелик. Выборка может содержать небольшое количество субъектов данных (если таковые имеются), которые принадлежат к определенным группам, находящимся в неблагоприятном положении. Алгоритм может неверно истолковать отсутствие информации о меньшинствах как отсутствие бремени болезней и, следовательно, генерировать неточные прогнозы для данных групп.

В-четвертых, предвзятость может корениться в исторических моделях дискриминации (*предвзятость контура обратной связи*). Например, полицейские силы могут направить больше сотрудников в районы проживания меньшинств, поскольку они предполагают, что эти районы охвачены преступностью. При наличии большего числа сотрудников полиция обнаружит больше преступлений и произведет больше арестов, чем в других районах,

¹ См.: Schönberger D. Op. cit. – P. 177.

² См.: Hoffman S., Podgurski A. Op. cit. – P. 15.

даже если существуют другие места с равным или большим количеством преступлений. Если данные об арестах вводятся в алгоритм, предназначенный для определения оптимального распределения полицейских сил, алгоритм может показать, что целесообразно направить больше полицейских в районы меньшинств, поскольку в них больше преступности, чем в других местах. Таким образом, алгоритм может дать рекомендацию, которая только усилит сложившуюся дискриминацию.

Аналогичным образом некоторые пациенты могут получать менее интенсивную медицинскую помощь из-за их демографических характеристик, а не из-за их медицинских потребностей. Например, в одном исследовании был сделан вывод о том, что женщины реже, чем мужчины, получают гиполипидемические препараты в больницах и оптимальный уход при выписке, несмотря на то что они чаще страдают гипертонией и сердечной недостаточностью. Обучающие данные, используемые для разработки алгоритмов, связанных с этими состояниями, как правило, не отображают указанную дискриминацию. Следовательно, алгоритм, скорее всего, научится рекомендовать менее интенсивную помощь женщинам, тем самым закрепляя и усугубляя проблему недостаточного лечения.

Хотя использование алгоритмов может обеспечить важные индивидуальные и общественные выгоды, не все имеют доступ к технологическим продуктам и услугам, улучшенным с помощью алгоритмов. Неравенство в области здравоохранения сохраняется как на уровне разных стран, так и на внутригосударственном уровне, тесно переплетаясь с социальным неравенством.

Во многих частях мира врачей в странах с низким уровнем дохода в десять раз меньше, чем в странах с высоким уровнем дохода, а в странах с негосударственными финансируемыми системами здравоохранения расходы часто непомерно высоки. Во многих частях мира сохраняющееся гендерное неравенство ограничивает доступ женщин к здравоохранению. Неравенство в доступе к здравоохранению между городскими и сельскими районами также существует в развитых странах и странах с высоким уровнем дохода. Стигматизация, связанная с психическими заболеваниями, наркоманией, определенными заболеваниями (такими, например, как ВИЧ), сексуальными предпочтениями или гендерной идентичностью, бедностью, а также «внутренняя стигматизация» в этнических мень-

шинствах служат дополнительными барьерами для доступа определенных социальных групп к здравоохранению¹.

Исторические данные о здоровье неизбежно отражают недопредставленность и предвзятость в отношении больших групп населения. Естественно, там, где меньшинства и даже целые группы населения исключены из системы здравоохранения, никаких медицинских записей о них не существует. Если медицинские записи не будут оцифрованы, такие данные будут исключены из любой будущей разработки ИИ. Государства и отдельные лица, которые не могут использовать необходимые технологии или не обладают необходимой «цифровой грамотностью», останутся в стороне и не смогут получить преимущества от использования ИИ.

Точность автоматизированных решений является сильным показателем справедливости. Следовательно, если классификатор несоразмерно неточен в отношении меньшинств, принятие решений несправедливо по отношению к этим группам. Чувствительные критерии, такие как пол, возраст, раса и сексуальная ориентация, не дают законных оснований для отклонения от формального понимания справедливости в смысле равного обращения; скорее, они предполагают необходимость особой защиты. Учитывая особенности систем искусственного интеллекта, существующие предубеждения в здравоохранении могут быть глубоко укоренены в технологиях, которые призваны играть центральную роль в будущем уходе, что может усугубить социальное неравенство.

С чисто утилитарной точки зрения можно утверждать, что даже изначально предвзятые системы не должны исключаться из клинической практики до тех пор, пока они приносят пользу. Однако мало кто хотел бы жить в обществе, где интересы меньшинств просто игнорируются. В конце концов, дистрибутивная справедливость требует равноправного и пропорционального распределения выгод и бремени, которые влечет за собой внедрение любой новой технологии².

Таким образом, целесообразно законодательно закрепить контроль качества алгоритмов ИИ в сфере здравоохранения. Как подчеркивают В.Б. Наумов, Е.В. Тытюк, этические принципы должны охватывать различные аспекты машинного обучения, включая процесс отбора данных для обучения³. Разработчики дан-

¹ См.: Schönberger D. Op. cit. – P. 180.

² См.: Ibid. – P. 181–182.

³ См.: Наумов В.Б., Тытюк Е.В. – С. 225.

ных алгоритмов ИИ должны сосредоточиться на проблемах справедливости во время процессов проектирования, внедрения и валидации.

Более того, перед медицинскими работниками следует поставить вопрос о необходимости предварительного уведомления пациентов об использовании ИИ. Так, И.Г. Коэн, проанализировав вопрос о том, является ли нераскрытие информации об использовании ИИ нарушением доктрины информированного согласия, пришел к выводу, что, строго говоря, с точки зрения информированного согласия уведомление об использовании ИИ необязательно, за некоторыми возможными, но неопределенными исключениями – например, когда «пациент прямо спрашивает об участии ИИ; когда ИИ отводится чрезмерная роль в принятии окончательного решения; когда ИИ используется для снижения затрат, а не для улучшения здоровья пациентов»¹.

Действительно, если врачи изучают медицинскую литературу или задают вопросы коллегам в процессе принятия медицинского решения, дополнительного информирования пациентов не требуется. Вполне возможно предположить, что ИИ является аналогичным источником информации. Однако даже если нет никакой опасности, связанной с ответственностью, обсуждение использования ИИ является наиболее правильным решением.

Врачебное сообщество с энтузиазмом относится ко многим возможным преимуществам ИИ. Но не все последовательно извлекают выгоду из внедрения этой инновационной технологии, и алгоритмы вызывают растущую озабоченность по поводу их справедливости и предвзятости в работе.

Как бы ни была привлекательна идея об использовании ИИ и как бы ни была заманчива перспектива полностью доверять ему, борьба с дискриминацией требует человеческого надзора. По словам доктора С. Гудмана и его коллег, «единственное решение состоит в том, чтобы применить к алгоритмам искусственного интеллекта то, что они призваны заменить, – человеческий интеллект»². При надлежащем надзоре, ориентированном на справедливость, ИИ может выполнять свою основную задачу – улучшать общее состояние здоровья человека.

¹ Цит. по: Hoffman S., Podgurski A. Op. cit. – P. 46

² Цит. по: Ibid. – P. 49.

А.Н. Лужина¹

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ ОБОРОТА НЕДВИЖИМОСТИ

УДК 347

DOI: 10.31249/ptii/2021.00.07

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы применения цифровых технологий в сфере недвижимого имущества, а именно: использование квалифицированной электронной подписи для договоров и иных документов, подаваемых для государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Уделяется внимание вопросам сохранения сведений о недвижимом имуществе и его владельце с использованием новейших цифровых технологий – в частности, блокчейна. Этот вопрос анализируется не только с позиции технической безопасности информации, но и с правовой позиции – как наделение государственной регистрации признаком бесповоротности, а соответственно, абсолютной защиты зарегистрированных прав.

Ключевые слова: цифровая экономика; цифровые технологии; недвижимое имущество; государственная регистрация; электронная подпись; Единый государственный реестр недвижимости; блокчейн.

A.N. Luzhina

Digital technologies in the sphere of real estate turnover

Abstract. This article discusses some issues of the use of digital technologies in the field of real estate, namely the use of a qualified electronic signature for contracts and other documents submitted for state registration of rights to real estate and transactions with it. Attention is paid to the issues of preserving information about real estate and its owner using the latest digital technologies – blockchain. This issue is analyzed

¹ Лужина Александра Николаевна, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, доцент кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук (Alexandra Luzhina, senior researcher at the INION RAS, associate professor of the Department of civil law of the Russian State University of Justice, candidate of legal sciences).

not only from the position of technical security of information, but also from the legal position – as giving state registration a sign of irrevocability, and, accordingly, absolute protection of registered rights.

Keywords: digital economy; digital technologies; real estate; state registration; electronic signature; Unified state register of real estate; blockchain.

Начиная с 2019 г. в Российской Федерации в различных отраслях экономической и общественной жизни происходит внедрение информационных технологий как средства обеспечения реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 «О системе управления реализацией национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации”».

Термин «цифровая экономика», по всеобщему признанию, был введен в научный оборот Доном Тапскоттом, канадским ученым, доктором юридических наук, профессором менеджмента Университета Торонто. И хотя он не сформулировал понятие цифровой экономики, им были разработаны основные характеристики новой экономики. Среди них особого внимания заслуживает такой признак, как digitization (оцифровка), под которым понимается цифровая форма существования информации, которая позволяет с помощью цифровых устройств свободно перемещать огромное количество информации в кратчайшие сроки между людьми в разных частях света¹.

Следует отметить, что цифровизация экономических отношений коснулась практически всех отраслей права – и таких динамично развивающихся, как финансовое право, интеллектуальная собственность, и классических, составляющих основу гражданского оборота; и это касается в том числе оборота недвижимого имущества. С точки зрения Е.А. Суханова, категория недвижимости занимает центральное место в вещном праве. Во-первых, именно недвижимость определяет существование вещного права, ибо все ограниченные вещные права, кроме залога, могут иметь объектом только недвижимые вещи. Применительно к движимым вещам узуфрукты, сервитуты и застройка невозможны и бессмысленны. Во-вторых, сама категория недвижимости, ее наличие в законодательстве влияет практически на все институты гражданского (частного) права: на сделки (деление сделок на реальные и консенсу-

¹ См.: Санникова Л.В., Харитоновна Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ : монография. – М., 2020. – С. 6.

альные не всеобщее, потому что для сделок с недвижимостью оно значения не имеет); способы защиты гражданских прав (виндикация рассчитана только на истребование из чужого незаконного владения движимых вещей); режим регистрации прав и функции публичного реестра прав. Поэтому значение недвижимости не ограничивается предметом вещного права и распространяется на все сферы гражданско-правового регулирования, за исключением, пожалуй, только интеллектуальных прав. В-третьих, отечественный опыт показывает, что отсутствие недвижимости, исключение этой категории из закона (которое последовало в примечании к ст. 19 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г.), по сути, означает отсутствие частного права¹.

Инструментом передачи информации в этой сфере выступают информационные технологии, которые направлены не только на реализацию процесса передачи информации, но и на обеспечение ее безопасности, сохранности персональных данных, а также индивидуализации объектов недвижимого имущества. Например, в качестве целей программы по трансформации делового климата в Российской Федерации в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 17.01.2019 № 20-р «Об утверждении плана “Трансформация делового климата” и признании утратившими силу актов Правительства РФ» предусмотрены:

- оптимизация процедур государственного кадастрового учета недвижимого имущества и государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним за счет автоматизации процесса обмена сведениями, содержащимися в государственных информационных ресурсах, а также повышение качества оказания государственных услуг в этой сфере, в том числе за счет перевода их преимущественно в электронную форму;

- внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сфере государственного кадастрового учета недвижимого имущества и государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним и оказания государственных услуг органами регистрации прав, в том числе в интересах субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей;

- повышение достоверности сведений Единого государственного реестра недвижимости и внедрение гражданского оборота

¹ См.: Суханов Е.А. Недвижимость в системе объектов гражданских прав // Журнал российского права. – 2021. – № 1. – С. 17.

недвижимости на базе цифровых технологий, что позволит увеличить гарантии зарегистрированных прав и снизить затраты;

- внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сфере кадастровой деятельности (п. 1 разд. III «Направление “Повышение качества государственных услуг в сфере государственного кадастрового учета недвижимого имущества и государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, совершенствование государственной кадастровой оценки”»).

Таким образом, можно выделить два основных направления использования цифровых технологий в сфере оборота недвижимого имущества. Первое – применение этих технологий при совершении сделок с недвижимым имуществом, которые в соответствии с требованиями действующего законодательства подлежат государственной регистрации, как и переход прав на недвижимость. Второе – для сохранения данных об объектах недвижимого имущества, сделках с ним в Едином государственном реестре недвижимости, далее ЕГРН.

Следует отметить, что особое значение данное направление получило в период пандемии вследствие введения определенных мер, связанных с необходимостью соблюдать требования социальной изоляции¹, когда были ограничены возможности передвижения и посещения государственных и иных институций, необходимые для узаконивания фактических действий, направленных на переход, ограничение или прекращение прав на недвижимое имущество.

Одним из первых способов удаленного обмена данными при совершении сделок с недвижимым имуществом, тождественным не просто обязательной письменной форме сделки, но единому документу, подписанному уполномоченными представителями сторон, стало использование квалифицированной электронной подписи (ст. 160 ГК РФ). Согласно Федеральному закону от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи», под квалифицированной электронной подписью понимается электронная подпись, т.е. информация в электронной форме, которая присоединена к дру-

¹ См., например, Указы Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»; от 28.04.2020 № 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», а также, например, Указ Мэра Москвы от 22.06.2021 № 35-УМ «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 8 июня 2020 г. № 68-УМ».

гой информации в электронной форме (подписываемой информацией) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию, которая соответствует всем признакам неквалифицированной электронной подписи и следующим дополнительным признакам:

1) ключ проверки электронной подписи указан в квалифицированном сертификате;

2) для создания и проверки электронной подписи используются средства электронной подписи, имеющие подтверждение соответствия требованиям, установленным вышеуказанным Федеральным законом.

Именно использование подобного цифрового инструмента позволяет говорить о защите персональных данных и возможности оперативного распоряжения имеющимися у стороны сделки правами. Хотя и в данном случае говорить о абсолютной защите прав на недвижимое имущество невозможно, так как уже появились случаи, связанные с противоправным завладением и использованием электронной подписи. Например, существуют риски получения ключа проверки электронной подписи неуправомоченным лицом. В последнее время выявились новые мошеннические схемы завладения чужой недвижимостью – путем получения незаконного доступа к ключу проверки электронной подписи и последующей подачи в Росреестр соответствующего заявления от имени собственника в электронной форме.

Закон не может полностью защитить собственника в таких случаях. Так, порядок осуществления удостоверяющим центром своей деятельности устанавливается им самостоятельно (ч. 3 ст. 8 Федерального закона об электронной подписи). Получение квалифицированного сертификата допускается на основании копии документа, удостоверяющего личность обратившегося, либо на основании доверенности, оформленной в простой письменной форме (ст. 13 Закона об электронной подписи). Степень защиты ключа проверки, зачастую хранящегося на флэш-накопителях, также не может быть признана достаточной. В то же время, согласно ст. 10 Закона об электронной подписи, ответственность за необеспечение конфиденциальности ключа электронной подписи лежит на его владельце¹.

¹ См.: Пояснительная записка «К проекту федерального закона “О внесении изменения в Федеральный закон ‘О государственной регистрации недвижимости’ ”». – URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/> (дата обращения: 14.06.2021).

С другой стороны, следует обратить внимание и на определенный юридический диссонанс между простой письменной формой сделки с недвижимым имуществом путем подписания одного документа и обменом документами, подписанными квалифицированной электронной подписью. Однако такое понятие, как единый документ, рассчитано на письменную форму, и подписать его цифровой подписью а priori невозможно. Самое большее, что получится, – это сделка, совершаемая путем обмена документами, исходящими от сторон, что в случае отчуждения недвижимости прямо запрещено. Если вы подписали цифровой подписью один документ, то документ, который визирует противоположная сторона, всегда другой, что бы ни говорили банки, такие сделки практикующие. А раз так, то те, кто организывает заключение подобных сделок (риелторы, банки и т.п.), в том числе государство, стоящее за регистрирующими органами, должны нести ответственность перед потерпевшими¹. Иное предложение, направленное на нивелирование неблагоприятных юридических последствий, связанных с утратой электронной подписи или ее подделкой, заключается во внедрении процедуры идентификации клиента по биометрическим показателям; если возникают сомнения в подлинности предъявленных документов, нотариусы смогут воспользоваться проверкой биометрических данных граждан, которые собраны в единую информационную систему персональных данных².

Но, несмотря на подобные небезосновательные опасения, использование электронного документооборота в сфере недвижимости постоянно расширяется. Так, например, последние изменения, принятые на основании Федерального закона от 30.04.2021 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной регистрации недвижимости” и отдельные законодательные акты Российской Федерации», касаются увеличения числа случаев подачи различного рода заявлений, связанных с необходимостью проведения регистрационных действий в отношении прав на недвижимое имущество и сделок с ним с использованием личного кабинета и квалифицированных электронных подписей.

В форме электронного документа посредством использования личного кабинета без подписания его усиленной квалифици-

¹ См.: Иванов А.А. Хроника пикирующего бомбардировщика // Закон. – 2019. – № 7. – С. 85.

² См.: Кириллова Е.А. Тенденции развития электронного нотариата в России // Нотариус. – 2019. – № 8. – С. 44–46.

рованной электронной подписью правообладателя могут быть представлены:

1) заявление о государственном кадастровом учете в связи с изменением основных сведений об объекте недвижимости;

2) заявление о государственном кадастровом учете и государственной регистрации права собственности на созданный или реконструированный объект индивидуального жилищного строительства, садовый дом;

3) заявление о государственном кадастровом учете и государственной регистрации прав в отношении земельного участка или земельных участков, образуемых путем перераспределения земель или земельного участка, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и земельного участка, находящегося в частной собственности, на основании решения об утверждении схемы расположения земельного участка или согласия органа государственной власти либо органа местного самоуправления на заключение соглашения о перераспределении земельных участков в соответствии с утвержденным проектом межевания территории;

4) заявление о государственном кадастровом учете и государственной регистрации прав в случае образования двух и более земельных участков в результате раздела земельного участка, а также образования земельного участка в результате объединения с другими земельными участками;

5) заявление о внесении в Единый государственный реестр недвижимости сведений о ранее учтенном объекте недвижимости (подп. «б» п. 17 ст. 1 вышеуказанного Закона).

Подводя итог по данному вопросу, следует указать, что, несмотря на возникающие фактические и юридические коллизии при применении электронных подписей при заключении и государственной регистрации прав и сделок с недвижимым имуществом, это направление развивается и имеет экономически более выгодный потенциал, поскольку облегчает совершение операций с недвижимым имуществом, в том числе и инвестиционного характера.

Второе направление использования информационных технологий в сфере оборота недвижимого имущества связано с применением технологий блокчейн в качестве инструмента кодирования и хранения сведений о недвижимом имуществе как об объекте гражданских прав и его владельце. Эффективность использования данной цифровой технологии отмечается и на международной арене. Так, в ежегодном докладе Конференции ООН по торговле и

развитию (ЮНКТАД) «Обзор морского транспорта – 2019» отмечается, что цифровые платформы, новейшие технологии и инновации, в том числе технологии блокчейн, всё чаще используются производителями и поставщиками товаров, заинтересованными в обеспечении эффективной и безопасной торговли и увеличении цепочек поставок, и целью морской отрасли является удовлетворение таких потребностей путем использования электронных документов и цифровых технологий¹. Целесообразность использования технологий блокчейн для сохранения данных о правах на недвижимое имущество отмечается и ведущими экспертами в данной области. Р.С. Бевзенко еще в 2018 г. говорил о необходимости введения системы блокчейн для хранения записей ЕГРН, что могло бы нивелировать многие проблемы, связанные с повышенным риском сделок с недвижимым имуществом; например, по его мнению, российская регистрационная система относится к числу так называемых негативных регистрационных систем, в которых запись реестра предоставляет право только в том случае, если сделка (акт государственного органа и т.д.), на основании которой была внесена запись, является действительной; недействительность основания означает то, что записанное право считается несуществующим; современная российская правовая система содержит значительное количество оснований для оспаривания сделок, а существующая судебная практика свидетельствует о том, что суды ими охотно пользуются, аннулируя десятки тысяч договоров ежегодно; защита добросовестных приобретателей (залогодержателей) в судебной практике выстроена по крайне жесткой модели, предполагающей необходимость проверять все возможные обстоятельства и факты, связанные с недвижимостью; в российской регистрационной системе фактически сведена на нет гарантирующая функция реестра (которая помогает быстро и полностью восстановить интересы лица, понесшего потери в результате истребования у него недвижимого имущества) и др.² Эти и другие проблемы, связанные с оборотом недвижимого имущества и наличием достаточно большого числа возможностей оспаривания зарегистриро-

¹ См.: Решение Евразийского межправительственного совета от 05.02.2021 № 1 «О Концепции развития электронного документооборота в морских пунктах пропуска государств – членов Евразийского экономического союза». – URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 21.06.2021).

² См.: Бевзенко Р.С. Основные направления изменения законодательства о регистрации прав на недвижимое имущество в связи с внедрением технологий распределенных реестров: взгляд цивилиста // Закон. – 2018. – № 2. – С. 128.

ванных прав на недвижимое имущество, подрывают, по мнению ученых-цивилистов, таких как Р.С. Бевзенко, Т.Т. Алиева¹, Е.А. Жаркова², основное значение государственной регистрации недвижимости как юридического акта признания и подтверждения возникновения, изменения, перехода, прекращения права определенного лица на недвижимое имущество или ограничения такого права и обременения недвижимого имущества (далее – государственная регистрация прав)³. Применение технологии блокчейн влечет за собой не только изменение способов записи и хранения данных о недвижимом имуществе, что, безусловно, является базисом, но и правовое переосмысление последствий внесения записей в ЕГРН. Сегодня запись в ЕГРН возможно оспорить, если основание, по которому она внесена, не соответствует требованиям действующего законодательства, что неоднократно отмечается в основных позициях высших судебных инстанций, например в совместном постановлении Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного суда РФ от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» в п. 52; разъясняется, что государственная регистрация является единственным доказательством существования зарегистрированного права. Зарегистрированное право на недвижимое имущество может быть оспорено только в судебном порядке.

Применение системы блокчейн должно обеспечить на правовом уровне введение принципа абсолютной достоверности и достаточности реестровой записи о праве (предполагающего, что, кроме обращения к реестру, не должна собираться никакая информация для целей проверки правильности титула контрагента); ввести принцип бесповоротности записи реестра о возникновении (переходе) права; установить запрет на предъявление требования о возврате зарегистрированного права (в результате оспаривания сделки, расторжения договора и т.п.), если его регистрация была

¹ См.: Алиев Т.Т. Внедрение новейших информационных технологий в процесс государственной регистрации недвижимости // Правовые вопросы недвижимости. – 2020. – № 1. – С. 5.

² См.: Жаркова Е.А. Состояние дел, проблемы и перспективы в сфере государственной регистрации права на недвижимость // Вестник Сибирского гос. ун-та путей сообщения. Гуманитарные исследования. – 2019. – № 1. – С. 61–65.

³ См.: Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (с изм. и доп.). – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 21.06.2021).

произведена на основании добровольного волеизъявления предыдущего правообладателя; ввести принцип возмещения потерь (индемнити) регистратором лицам, утратившим недвижимость в результате недостоверности реестра¹.

Столь позитивный взгляд на внедрение соответствующих информационных технологий в систему государственной регистрации прав на недвижимое имущество, безусловно, оправдывается его экономической целесообразностью, устойчивостью оборота недвижимости, повышением ответственности государственных регистраторов. Но при этом не следует забывать и об отрицательных последствиях введения данной императивной системы регистрации прав на недвижимое имущество, которая исключает возможность допущения как юридических, так и технических ошибок. Владельцы недвижимого имущества несут ответственность за достоверность, корректность данных, представляемых для регистрации субъектов соответствующей сделки. Допущение описки и иной грамматической ошибки в документах может быть приравнено к незаконным действиям, направленным на завладение чужой недвижимой вещью. А.В. Севрюкова полагает, что применение технологии распределенного реестра в реестре прав на недвижимость в первую очередь является техническим решением способа записи прав в электронном виде и их хранения, а воздействовать при помощи данной технологии на публичную достоверность записей в Едином государственном реестре прав на недвижимость возможно лишь в том случае, если данные, представляемые для внесения в реестр, будут проверяться компетентным органом и (или) лицом на законность и отсутствие пороков сделки². И с этим можно согласиться, поскольку именно наличие должного предварительного контроля до внесения соответствующей записи в ЕГРН и будет впоследствии гарантировать бесповоротность регистрационной записи, достоверность сведений реестра и абсолютность защиты, предоставляемой после государственной регистрации прав на недвижимое имущество его владельцам.

¹ См.: Бевзенко Р.С. Указ. соч. – С. 129.

² См.: Севрюкова А.В. Регистрация прав на недвижимость с применением технологии блокчейн в России и за рубежом как элемент юридического состава основания возникновения вещных прав на недвижимость // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Экономика и право. – 2019. – № 9. – С. 143–147.

Использование технологии блокчейн в системе государственной регистрации прав на недвижимое имущество предоставляет возможность оперативного взаимодействия различных государственных и негосударственных структур, задействованных в урегулировании оборота недвижимости, что, с одной стороны, позволит полноценно использовать данный информационный инструмент, позволяющий обмениваться данными, обеспечивающий доступность необходимых сведений об объекте недвижимости и его владельце лицам, заинтересованным в заключении той или иной сделки; но, с другой стороны, – участие негосударственных субъектов в блокчейне, осуществляемом в рамках государственного управления, создает дополнительные проблемы, требующие решения: в частности, связанные с контролем достоверности вводимых данных, соблюдением законодательства о персональных данных¹.

Рассмотрев отдельные направления развития информационных технологий в сфере оборота недвижимого имущества, следует отметить, что ими не исчерпываются направления использования цифровых технологий. Так, использование системы интернет-голосования в рамках управления многоквартирными домами, осуществления государственной регистрации граждан по месту жительства или формирования в целях реализации постановления Правительства РФ от 31.12.2020 № 2429 «О проведении в 2021 г. эксперимента по созданию Единого информационного ресурса о земле и недвижимости» Единого информационного ресурса о земле и недвижимости позволит осуществлять сбор, сопоставление сведений о земле и недвижимости, содержащихся в различных государственных информационных ресурсах, а также выработать правовые, методологические и технологические основы объединения таких сведений в Едином информационном ресурсе о земле и недвижимости. Это делается в целях повышения эффективности использования земельных участков и объектов недвижимости в Российской Федерации, оптимизации процессов управления такими объектами (в том числе основанных на существующих государственных информационных системах) и создания условий для появления новых возможностей и инструментов для граждан и организаций по поиску и предоставлению им земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, получения интересующей их информации о других земельных

¹ См.: Талапина Э.В. Блокчейн в деятельности органов государственной власти // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 11. – С. 31.

участках, а также для анализа путей повышения эффективности расходования бюджетных средств на создание и эксплуатацию государственных информационных ресурсов.

Таким образом, основная цель использования цифровых технологий – это обеспечение доступной правовой среды для субъектов гражданских правоотношений, гарантирующей эффективную защиту прав на недвижимое имущество. Но достижение данной цели возможно только посредством последовательного постепенного внедрения новых технологий с одновременным повышением уровня юридической организованности и образованности общества.

Раздел II

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.В. Бурдина¹

КОНЦЕПЦИЯ ЭЛЕКТРОННОГО (ЦИФРОВОГО) ПРАВОСУДИЯ КАК ОСНОВА ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ²

УДК 342

DOI: 10.31249/pctii/2021.00.08

Аннотация. В статье раскрываются подходы к представлению об электронном правосудии, сложившиеся в юридической науке и правоприменительной практике. Выделяются этапы развития электронного правосудия, его признаки и основные начала организации дистанционного взаимодействия судов с гражданами.

Ключевые слова: электронное правосудие; цифровое правосудие; судебная система; доступ к суду; технологическая платформа.

E.V. Burdina

The concept of electronic (digital) justice as a basis of theoretical and legal modeling of the judicial system

Abstract. The article reveals the approaches to the concept of electronic justice that have developed in legal science and law enforcement practice. The stages of development of electronic justice, its features and the main principles of organizing remote interaction of courts with citizens are highlighted.

Keywords: e-justice; digital justice; the judicial system; access to court; technological platform.

¹ Бурдина Елена Владимировна, заведующая кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент (Elena Burdina, head of the Department of organization of judicial and law enforcement activities of the Russian State University of Justice, doctor of law, associate professor).

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00672.

Введение

Пандемия COVID-19, явившаяся причиной введения мер социального дистанцирования, ограничительных и карантинных мероприятий, выявила фундаментальные проблемы государственного управления, устойчивого и непрерывного функционирования системы государственных органов, включая органы судебной власти. Результатом пандемии явилось понимание первостепенной роли цифровых технологий, рассматриваемых не только в качестве инструментов удаленной работы, но и в качестве принципиально нового способа организации социальных коммуникаций¹, способа реализации государственных функций.

Кризисные явления, возникшие в результате пандемии, показали, что функционирование судебной власти в условиях ограничений возможно исключительно посредством применения цифровых технологий, законодательного закрепления цифрового доступа к суду, создания судебных платформ, аккумулирующих сервисы по передаче и обмену судебной информацией, позволяющие гражданам участвовать в судебном разбирательстве дистанционно.

Таким образом, принципиально важным следствием пандемии является вывод о том, что правосудие в современный период может быть осуществлено только в рамках судебной системы, которая организована как доступная для граждан и организаций цифровая платформа, функционирующая эффективно, безопасно и прозрачно. При этом суды должны иметь достаточные ресурсы, программное обеспечение и системы видеоконференции, чтобы адаптироваться к новым вызовам и угрозам, включая отсутствие возможности физического доступа в здание суда².

¹ См.: Pleyers G. Global sociology in the pandemic // Global dialogue: magazine of the International sociological association. – 2020. – Vol. 10, N 2. – P. 1–3. – URL: <https://globaldialogue.isa-sociology.org/global-sociology-in-the-pandemic/> (дата обращения: 18.06.2021); Якимова Е.В. Пандемия COVID-19: первые опыты междисциплинарного анализа в дискурсе социальных наук // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ (РЖ). Сер. 11: Социология. – 2021. – № 2. – С. 13–14.

² Консультативный Совет европейских судей (CCJE). Заявление президента КЕС «Роль судей во время и после пандемии по COVID-19 : уроки и проблемы». Страсбург, 24 июня 2020 г. – URL: [file:///C:/Users/Администратор/Downloads/CCJE\(2020\)2%20-%20Statement%20of%20the%20CCJE%20President](file:///C:/Users/Администратор/Downloads/CCJE(2020)2%20-%20Statement%20of%20the%20CCJE%20President)

Ожидания граждан в отношении цифрового доступа к суду обуславливают запрос на прогностическое научное знание и программы преобразований системы правосудия, учитывающие современные технологические и медицинские вызовы и угрозы. В связи с этим существует как потребность в создании и приращении нового знания, оформляющего научную картину судебной деятельности, так и потребность в некоей ревизии уже накопленного научного багажа, коррекции и уточнении имеющихся понятийно-терминологических рядов, отражающих смыслы и достижения науки о судебной системе и являющихся ее инструментарием. Существующие научные теории могут уже не соответствовать новым парадигмам, обусловленным периодом технологического скачка или цифрового прорыва, поскольку научные революции влекут некумулятивный характер изменения научного знания.

В настоящий период происходит своеобразная «смена вех»¹ в научной методологии изучения судебных институтов. Этот период можно именовать переходным этапом, характеризующимся методологическим поиском равновесия и устойчивости судебных институтов в изменившихся реалиях информационного общества и перехода к цифровому государству.

В таком поиске важны частные научные концепции, содержание которых может служить мировоззренческой основой для решения теоретических и практических проблем российского судоустройства и судопроизводства. В рамках теоретико-правового моделирования системы правосудия в современном контексте цифровой трансформации методическую роль призвана выполнить концепция электронного правосудия.

Цель настоящей статьи: раскрыть основное содержание концепции электронного правосудия, включая понятие, признаки электронного правосудия, этапы его развития, принципы организации взаимодействия судов с гражданами, что позволит определять направления стратегического развития системы судов в Российской Федерации. Представляется, что такая научная работа особенно важна в преддверии X Всероссийского съезда судей, на котором необходимо принять постановление, выполняющее функцию Дорожной карты развития судов на обозримую перспективу.

[%203%20-%20Lessons%20and%20challenges%20COVID%2019%20-%202024%20June%202020.pdf](#) (дата обращения: 02.07.2021).

¹ См.: Мальцев Г.В. Социальные основания права : монография. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2016. – С. 62–71.

Электронное правосудие: подходы к представлению, этапы развития, признаки. *Электронное правосудие.* Проблеме электронного правосудия посвящено большое количество работ в юридической литературе и научной периодике последних лет.

Так, российская научная электронная библиотека eLibrary.ru по поисковому запросу «электронное правосудие» только за период с 2013 по 2021 г. выдает информацию о наличии в ее базе 604 публикаций¹, посвященных разным аспектам электронного правосудия: его генезису, сущности и перспективам, соотношению со смежными категориями «электронное судопроизводство», «цифровой или электронный суд», «электронный документооборот», «цифровое правосудие», «интернет-правосудие»²; соотношению электронного правосудия с электронной демократией³; сравнительно-правовому изучению моделей электронного правосудия в зарубежных странах⁴; различным проявлениям электронного правосудия в судопроизводстве.

Повышенное внимание исследователей разных отраслевых наук к проблеме электронного правосудия обусловлено актуальностью данной темы и развитием цифровизации судов, а значит, неисчерпанностью к моменту написания настоящей работы предмета анализа.

Несмотря на обширность научных публикаций по анализируемой теме, единого представления об электронном правосудии

¹ См.: Научная библиотека eLIBRARY.RU (сайт). – URL: https://www.elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 04.04.2021).

² См., напр.: Лаптев В.А., Соловяненко Н.И. Электронное правосудие. Электронный документооборот : науч.-практ. пособие / под общ. ред. С.Ю. Чучи. – М., 2017; Терехова Л.А. Электронное правосудие : учеб. пособие. – Омск, 2013; Солохин А.Е. Электронное правосудие: особенности, проблемы и перспективы // Закон. – 2019. – № 6. – С. 193–208; Решетняк В.И., Смагина Е.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт). – М. : Городец, 2017; Воронцова И.В. О соотношении понятий «электронный суд» и «электронное правосудие» // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 3. – С. 167–169.

³ См., напр.: Гильманов Л.Д. Электронное правосудие как элемент электронной демократии // Роль инновационных технологий в развитии науки и общества : сб. науч. тр. по материалам I Междунар. науч.-практ. конф. – Смоленск : Наукосфера, 2019. – С. 3940.

⁴ См.: Журкина О.В., Максименко Е.И. Цифровое правосудие на примере интернет-судов Китая // Вопросы российского и международного права. – 2020. – Т. 10, № 6 А. – С. 138–143; Брянцева О.В., Солдаткина О.Л. Сравнительный анализ зарубежных систем электронного правосудия // Вестник Поволжского ин-та управления. – 2019. – Т. 19, № 6. – С. 36–47.

не сложилось. В связи с этим сложно согласиться с утверждением о том, что «термин “электронное правосудие” (e-justice) в принципе устоялся»¹. Напротив, отсутствие общепринятого подхода к представлению об электронном правосудии и наличие многочисленных его дефиниций свидетельствуют о том, что разработка теории электронного правосудия только предстоит, и многочисленные научные исследования создают для общетеоретических обобщений надлежащую базу.

При формулировании понятия, закономерностей, содержания и форм электронного правосудия необходимо учитывать следующие его особые свойства.

Во-первых, категория «электронное правосудие» является многоплановой, поскольку имеет сложное внутреннее содержание. В силу этого дефиниции, выработанные разными авторами, имеют объективные различия в силу несовпадения поставленных перед исследователями целей и предметов анализа. Многоплановостью электронного правосудия объясняется его изучение на разных уровнях и с позиции разных аспектов.

Во-вторых, феномен электронного правосудия не является статичным. Внедрение цифровых технологий в судебную деятельность и трансформация в связи с этим института судебной власти свидетельствуют о динамике познания этого феномена и этапов развития научного знания о нем. Поскольку процессы цифровизации судов не завершены, то эволюционируют как сама судебная правовая реальность, так и отражающие эти перемены теоретические идеи и правовые конструкции, в которых выделяются те или иные правовые качества электронного правосудия.

Анализ представлений об электронном правосудии есть исторически обусловленный и объективно существующий результат научного усвоения конкретной судебно-правовой действительности. Поэтому имеющиеся в литературе научные дефиниции электронного правосудия исторически и национально обусловлены.

В-третьих, в оценке многообразия подходов к сущности и содержанию электронного правосудия важным является фактор объективной фрагментарности научного знания, что предопределяет познание отдельных частных проявлений сущности электронного правосудия при решении конкретных отраслевых задач:

¹ См.: Брянцева О.В., Солдаткина О.Л. Электронное правосудие в России: проблемы и пути решения // Вестник Ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 12 (64). – С. 97–98.

организационных, процессуальных, делопроизводственных, технических, этических.

Представители юридических наук, изучая электронное правосудие в определенных его проявлениях и аспектах, рассматривают этот феномен как принадлежность конкретной отраслевой науки и с позиции набора присущих указанной отрасли методологических инструментов. По этой причине сформулированные дефиниции отражают лишь отдельные правовые качества анализируемого явления и не претендуют на абсолютизацию.

Итак, **электронное правосудие** является сложным социальным феноменом, ему свойственны многоплановость и сложносоставность, включая системы разнокачественных компонентов. Вместе с тем массив и глубина отраслевых теоретических разработок обуславливают необходимость разработки общетеоретического подхода к многообразной сущности электронного правосудия с использованием методологически значимых представлений об информационном обществе и цифровом государстве.

В связи с многоплановостью и сложносоставностью категории «электронное правосудие» ее содержание раскрывается с применением системного анализа и включает совокупность иерархично выстроенных в зависимости от степени обобщения научных понятий трех уровней: общенаучного, общеправового и специально-юридического.

1. *На общенаучном уровне электронное правосудие* рассматривается как составная часть электронного (цифрового) государства, его подсистема¹, олицетворяемая судебной ветвью власти, как новое направление ее развития, в рамках которого с учетом особенностей судебной защиты реализуются цели, задачи и принципы электронного государства, используются новые способы, методы и формы взаимоотношений и взаимодействия как с внешними, так и с внутрисистемными субъектами, включая участников судопроизводства, на основе применения информационно-коммуникационных технологий.

¹ См.: Решетняк В.И., Смагина Е.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт). – М.: Городец, 2017. – С. 10; Приходько Л.В. Зарубежный опыт внедрения и использования системы «электронный суд» // Государство и право. – 2007. – № 9. – С. 82; Киселев А.С. Современные теоретические подходы к понятию электронного государства // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 6 (91). – С. 32–39.

На общенаучном уровне представление об электронном правосудии формируется не только при помощи знания, выработанного юридическими науками, но и при помощи знаний, сформированных в общественных и технических отраслях научного познания¹.

Важно отметить, что с позиции общенаучного уровня под электронным правосудием понимаются векторы развития судебной ветви власти в единстве и неразрывности ее институциональных, процессуальных, организационных, технологических аспектов, судебной власти как единого целого.

2. Общеправовой уровень представления об электронном правосудии основан на синтезе знаний, накопленных разноотраслевыми юридическими науками, в той или иной мере исследующими различные правовые проявления электронного правосудия.

В юридической литературе наблюдаются разные подходы к определению термина «электронное правосудие» и серьезная полемика по этому поводу.

Многие ученые склоняются к выводу о правомерности использования анализируемого термина в узком и широком смыслах².

Под **электронным правосудием** в узком смысле могут пониматься форма и способ процесса; либо «электронное правосудие» рассматривается как категория судопроизводства. По сути, «узкий» взгляд на электронное правосудие предполагает не что иное, как конкретно-отраслевой – процессуальный подход к определению термина «электронное правосудие» с применением методов и инструментов процессуальных наук.

Так, по мнению С.В. Романенковой, под электронным правосудием в узком смысле следует понимать возможность для суда и иных участников процесса осуществлять предусмотренные нормативными правовыми актами действия, непосредственно влияющие на начало и ход судебного процесса³.

¹ См., напр.: Тихонова С.В. Электронное государство: теоретическая модель и этап государства // Информационное право. – 2014. – № 6. – С. 4–8.

² См.: Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Электронный документооборот в сфере правосудия в условиях цифровой экономики // Вестник Перм. ун-та. Юридические науки. – 2019. – Вып. 45. – С. 474; Андрощук В.В., Швед Е.Н. Понятие «электронное правосудие»: постановка проблемы // Информационные технологии и право: Правовая информатизация : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. – Минск, 2018. – С. 360–364.

³ См.: Романенкова С.В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 4. – С. 26–31.

С позиции процессуального подхода электронное правосудие понимается в качестве способа и формы осуществления участниками судопроизводства процессуальных действий с использованием информационных технологий¹.

Такую же позицию, связанную с процессуальным взглядом на электронное правосудие, высказывали и руководители судов. Так, по мнению экс-председателя Высшего Арбитражного Суда РФ А. Иванова, «не является электронным правосудием публикация всех судебных решений в Интернете, появление веб-сайтов судов. Электронное правосудие появляется тогда, когда процессуальные действия совершаются в электронной форме»².

Некоторые авторы, разделяя представления о правосудии в традиционном его понимании и «электронном правосудии» и находясь на позиции процессуального взгляда, делают вывод об электронном правосудии как альтернативной возможности рассмотреть дела без физического присутствия участников процесса³.

Исходя из процессуального подхода, нормативное (легальное) определение категории «электронного правосудия» закреплено в нормативных актах Судебного департамента при Верховном Суде РФ и в документах Совета судей РФ.

Так, в Перечне основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах РФ и учреждениях Судебного департамента, утвержденном приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26.11.2015 № 362, *электронное правосудие* рассматривается как информационный термин, под которым понимаются способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде. Аналогичное определение закреплено в п. 1.3 Концепции развития

¹ См.: Аносов А.В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. – С. 78; Лукьянова И.Н. Доказательства в гражданских делах в эпоху электронного правосудия // Вестник ВГУ. Сер. Право. – 2018. – № 4. – С. 130–136.

² Зарплата судей должна зависеть от объема работы : интервью Председателя ВАС РФ А. Иванова // Известия. – 2005. – 15 дек.

³ См.: Тищенко А.В. Электронное правосудие: судебное реформирование к 2024 г. // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – № 4 (19). – С. 65–69.

информатизации судов до 2020 г., утвержденной постановлением Президиума Совета судей РФ от 19.02.2015 № 439.

В противоположность отраслевому, сугубо процессуальному пониманию существует широкий взгляд на электронное правосудие как совокупность различных автоматизированных информационных систем – сервисов, предоставляющих средства для публикации судебных актов, ведения электронного дела и доступа к его материалам¹.

При этом в литературе отмечается, что не следует отождествлять электронное правосудие с самими технологиями, используемыми в судебной деятельности. Утверждается, что термин «электронное правосудие» в данном контексте не обозначает «правосудие» в собственном смысле этого слова, а означает «широчайшее внедрение в судопроизводство современных информационных технологий»².

Придерживаются широкого взгляда на электронное правосудие ученые, в основе выводов которых лежат рекомендации Совета Европы в отношении создания системы электронного правосудия в Европе, которые выделяют три главных компонента анализируемого термина: 1) доступ к информации о деятельности суда; 2) дематериализация процесса и переход к «электронным» судопроизводству и медиации; 3) возможность применять видеосвязь и специальные судебные сети для контактов с судом³.

Считаем ошибочным сферу применения электронного правосудия ограничивать процессуальными аспектами. Необходимо учитывать, что цифровые системы нацелены на решение не только процессуальных задач, но и задач по обеспечению электронного доступа к судебной информации и подаче в суд обращений, обработке дел и материалов, по управлению распределением и движением дел, по межведомственному взаимодействию судов со смежными организациями и структурами.

В качестве попытки примирения узкого и широкого подходов высказано представление об электронном правосудии как со-

¹ См.: Романенкова С.В. Указ. соч. – С. 26–31; Жданова Ю.А. Правовая природа электронного правосудия и его место в системе институтов информационного общества // Административное право и процесс. – 2015. – № 4. – С. 80–83.

² См.: Боннер А.Т. Электронное правосудие: реальность или новомодный термин? // Вестник гражданского процесса. – 2018. – Т. 8 (1). – С. 22–38.

³ См.: Антонов Я.В. Электронная демократия как политико-правовой механизм согласования частных и публичных интересов // Российская юстиция. – 2017. – № 12. – С. 39–40.

вокупности элементов, направленных на формирование организационных, процессуальных и правовых условий реализации права граждан на судебную защиту в условиях формирования и развития информационного общества¹. Кроме того, высказана позиция о трехаспектном содержании электронного правосудия, где помимо способа, формы процессуальных действий и применения информационных систем выделяется третий элемент содержания – применение систем искусственного интеллекта в процессуальной деятельности².

Многие ученые придерживаются интегративных (смешанных) подходов к определению электронного правосудия, основываясь на его многоплановом содержании.

Так, по мнению М.Н. Зарубиной и М.М. Новиковой, электронное правосудие следует понимать «как систему разрешения споров с применением информационных технологий; право на совершение процессуальных действий в электронной форме; как совокупность информационных систем»³.

Исходя из многоаспектного представления об электронном правосудии, сформулировано его определение в коллективной монографии «Правосудие в современном мире», где электронное правосудие понимается через перечень составляющих его элементов как совокупность следующих факторов: доступ к информации и качественные изменения судопроизводства, включая «проведение видеоконференций, подачу исков и других документов в электронной форме с использованием сети Интернет»⁴.

В ряде работ авторы используют термин «электронное правосудие» без уточнения его дефиниции для констатации процессов применения при рассмотрении дел электронных документов и подписей, электронных сетей, электронных доказательств и электронных форм судебного делопроизводства⁵.

¹ См.: Андрощук В.В., Швед Е.Н. Указ. соч. – С. 360–364.

² См.: Борисова Л.В. Электронное правосудие как форма судебной защиты в России // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 6. – С. 105–111.

³ См.: Зарубина М.Н., Новикова М.М. К вопросу о сущности электронного правосудия в Российской Федерации // Администратор суда. – 2017. – № 1. – С. 9–10.

⁴ См.: Правосудие в современном мире : монография / В.И. Анишина, В.Ю. Артемов, А.К. Большова и др. ; под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – С. 434–437.

⁵ См.: Иванова Е.А. Соглашения в сфере гражданской юрисдикции : процессуально-правовой аспект. – М. : Статут, 2020. – 180 с.

Электронное правосудие (в контексте парадигмы электронного государства) – это новый тип организации и функционирования системы правосудия, основанный на применении информационных систем, сетей и сетевого взаимодействия.

Электронное правосудие (как правовой феномен) опосредует и закрепляет правовое содержание судеустройственных, процессуальных, делопроизводственных, организационных и иных аспектов судебной власти в их неразрывной связи и единстве на основе применения IT-технологий и с учетом новых, связанных с ними методов. Электронное правосудие – это не взятые по отдельности тип правосудной деятельности или его форма, или цифровые и электронные технологии судов. Это основанные на применении IT-технологий способы организации и функционирования системы правосудия во всех ее проявлениях (организационная структура и количество судов, судопроизводство и виртуальные судебные процедуры, судебное делопроизводство и межведомственный документооборот, администрирование деятельности судов и обеспечение доступа граждан к суду).

С позиции интегративного понимания природа электронного правосудия многосоставная, что предполагает многокомпонентное его содержание, включая проявление особенностей внедрения технологий одновременно во всех составляющих судебной власти: институциональных, функциональных, технологических, организационных.

Электронное правосудие (с позиции интегративного понимания) – это и новый тип судебной организации, основанный на применении информационных технологий, сетей и автоматизированных систем, и новая, электронно-цифровая, дистанционная форма взаимодействия с заинтересованными лицами и лицами, участвующими в деле, включающая дистанционный доступ к суду и дистанционное участие в судебных заседаниях, и новый способ межведомственного взаимодействия на основе обмена цифровыми данными, и электронная (безбумажная) форма судопроизводства и делопроизводства, основу которой образует электронное дело, и новые способы администрирования деятельности судов, и техническая платформа. Все компоненты электронного правосудия нацелены на обеспечение доступа граждан к правосудию, качества судебной защиты, эффективности функционирования органов судебной власти и их открытости.

3. Специально-юридический уровень представления об электронном правосудии содержит знания, касающиеся проявле-

ний электронного правосудия в рамках предмета конкретной отрасли юридической науки (уголовного процесса, гражданского процесса, арбитражного процесса, административного процесса, судоустройства, информационного права и др.). На этом уровне авторы часто рассматривают проявления электронного правосудия через призму отдельно взятого правового института (например, института судебных доказательств, стадии рассмотрения дел в суде).

Так, в специальной юридической литературе с использованием отраслевых методов исследования разрабатывается и аргументируется для внедрения в юридический оборот в качестве отраслевого инструментария понятие «электронное уголовное правосудие». По мнению А.Д. Назарова и А.С. Шагиняна, под электронным уголовным правосудием следует понимать применение электронных (цифровых) технологий в доказывании и в ином организационном обеспечении процесса раскрытия, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел¹.

С применением методов информационного права исследуются технологическая составляющая электронного правосудия и проблемы, связанные с внедрением таких технологий, как блокчейн, большие данные, облачные технологии, применимость в электронном правосудии новых информационных технологий и проблемы, с этим связанные².

В современном периоде в рамках концепции цифрового государства, понимаемой как новый тренд государственного управления, основанного на обмене цифровыми данными, и задающей направления развития всем государственным ветвям власти и составляющим их институтам, концепция электронного правосудия эволюционирует. Следующим этапом развития электронного правосудия должно явиться представление о цифровом правосудии как деятельности суда, не только основанной на электронных технологиях, но и предполагающей организацию внутренних (судопроизводственных и делопроизводственных) и внешних процессов на основе обмена цифровыми данными, переход на безбумажный электронный документооборот и технологии электронного дела.

¹ См.: Назаров А.Д., Шагинян А.С. Организационный сервис «электронное правосудие» как фактор, способствующий минимизации ошибок в уголовном судопроизводстве // Право в информационном обществе: трансформация или модернизация? : материалы V Междунар. сравнительно-правового конгресса. – Красноярск : Изд-во Сибир. федер. ун-та, 2019. – С. 132–135.

² См.: Брянцева О.В., Солдаткина О.Л. Указ. соч. – С. 100.

Тем самым *новый этап развития судебной ветви власти – «цифровое правосудие»* – следует понимать в качестве структурно нового типа организации и деятельности судебной ветви власти, основанного на электронных сетях, цифровых базах, цифровых данных и обмене ими внутри системы, с гражданами и в межведомственном взаимодействии.

В юридической литературе также отмечается, что признаком цифрового правосудия является переход большей части судебных коммуникаций в цифровую среду¹.

Представление о главных качественных особенностях цифрового правосудия раскрывают его признаки и принципы.

Признаки цифрового правосудия:

а) широкое использование современных цифровых технологий, интеграция уже существующих в единые системы, охватывающие как правосудную, так и обеспечительную деятельность судов, создание судебных сетей и сетевого взаимодействия, баз данных, киберфизических систем и систем искусственного интеллекта (технологический признак);

б) электронная форма судопроизводства;

в) изменение внутрисистемных и межведомственных способов документационного обеспечения, основанного на автоматизации, электронных сетях, судебных и иных цифровых базах и обмене цифровыми данными (признак нового способа документооборота);

г) дистанционная форма взаимодействия с гражданами, дистанционный доступ к суду (признак цифрового доступа);

д) создание новых организационных форм судебной деятельности в разных ее сферах: судоустройственной, судопроизводительной, обеспечительной, оформляющих новые способы функционирования судов при внедрении технологий (признак новых организационных форм);

е) изменение способов управления судами и их администрирования (признак нового судебного управления);

ж) сбалансированность внутрисистемных и публичных задач и повышение удовлетворенности граждан качеством и транспарентностью судебной защиты, доверия к суду (целевой признак).

Для характеристики концепции цифрового правосудия, задающей векторы развития судебной ветви власти в условиях информационного общества, могут быть сформулированы принципы доступа к суду и взаимодействия судов с гражданами и организа-

¹ Брянцева О.В., Солдаткина О.Л. Указ. соч. – С. 99.

циями как лицами, заинтересованными в судебной защите. К числу базовых принципов цифрового правосудия, вытекающих из более общей конструкции «цифровое государство», относятся пять положений: 1) доступ к суду – цифровой по умолчанию; 2) платформенезависимость и ориентация на мобильные устройства при внедрении информационно-коммуникативных технологий; 3) проектирование судебных информационно-коммуникативных технологий с ориентиром на пользователя; 4) электронное дело; 5) суд как единая технологическая платформа.

Технологический признак как основа новой модели организации и деятельности судебной ветви власти. Использование IT-технологий в современной деятельности судов объективно вытекает из логики эволюционирования государственных институтов в период их цифровой трансформации.

Идеи электронного государства отражают закрепление «новых опекаемых благ», таких общественных функций, объем спроса на которые отстает от желаемого обществом¹. К числу таких государственных функций относятся: обеспечение права каждого на судебную защиту и составляющие элементы этого права – право на доступ к суду, включая дистанционный; право на судебное извещение о времени и месте совершения процессуальных действий посредством современных технологий и получение безбумажных электронных уведомлений на мобильные устройства и компьютерную технику; право на участие в судебном заседании независимо от места проживания, санитарно-эпидемиологических условий и прочих факторов; право на ознакомление с материалами дела и судебными актами без физического присутствия в суде и др.

Для обеспечения потребностей граждан как носителей прав на судебную защиту государством разрабатываются и внедряются в судебную деятельность разные типы и виды электронных (цифровых) технологий. В силу их многочисленности и разноплановости в литературе предприняты попытки их классификации.

Так, в уголовном процессе в качестве моделей электронных (цифровых) технологий называются следующие: 1) электронные технологии на стадиях досудебного судопроизводства, включая судебный и ведомственный контроль, прокурорский надзор;

¹ См.: Анисимова А.С. Электронное правосудие как показатель информационного развития общества и государства // Цивилистика: право и процесс. – 2019. – № 3 (7). – С. 15.

2) технологии видео-конференц-связи (ВКС), скайп-связи как резервный вариант при проведении следственных и судебных действий; 3) обязательная аудиозапись и видеозапись всех следственных, судебных и иных процессуальных действий; 4) SMS-оповещения и электронная цифровая подпись¹.

Стратегическое значение информации, обмена информационными данными, информационно-коммуникативных технологий обуславливает задачи по реализации принципа «суд как единая технологическая платформа», заключающегося в возможности для граждан осуществления практически всех организационных и процессуальных действий по принципу «одного окна», без физического присутствия в суде.

Указанная задача предполагает как технологические (инженерные) решения и создание соответствующих платформ, так и разработку правовых моделей, закрепляющих алгоритм действий граждан через судебный кабинет по доступу к суду, а также правовое их регулирование.

Принцип «суд как единая технологическая платформа» отражает качественные особенности цифрового правосудия и нацеливает на переосмысление видения суда в большой степени как здания, помещения, архитектурно приспособленного для отправления правосудия. В настоящий период с представлением о суде как помещении согласуются многие процедуры, имеющиеся в судопроизводстве и делопроизводстве (например, Инструкцию по судебному делопроизводству нередко называют инструкцией по движению судебных тележек).

Анализ ГПК РФ показывает, что при организационной форме судебного заседания онлайн возникают сложности и ограничения в использовании действующих процессуальных порядков, связанных с некоторыми традиционными правилами проведения суда, например: вход состава суда, выслушивание решения стоя, удаление лиц как привлечение их к ответственности и удаление свидетелей из зала судебного заседания, запрет использования письменных материалов в ходе допроса свидетеля, принудительный привод, обеспечение безопасности при проведении судебного заседания; ответственность за нарушение порядка в зале судебного заседания; возможность оглашения протоколов судебного заседания при аудиопротоколировании; исследование вещественных доказательств и др.

¹ Назаров А.Д., Шагинян А.С. Указ. соч. – С. 132–135.

Современные научные доктрины и основанные на них процессуальные нормы следует выстраивать, исходя из признания ценности самой судебной функции. Теоретической перспективностью и прикладным значением обладают принципы «суд как судебная функция» и «суд как единая технологическая платформа» наряду с традиционным и фактически единственным подходом «суд как здание».

Важно при этом еще раз отметить: принцип «суд как единая технологическая платформа» должен реализовываться не вместо представления о суде как здании или помещении, а вместе, наряду с указанным пониманием. При проведении судебного заседания в онлайн-формате в качестве альтернативной формы судебного разбирательства следует закреплять его специальные правила, учитывающие особенности хода процесса вне стен судебного помещения.

Платформенный подход к обеспечению доступа к суду объединяет разрозненные технологии, например, создающие условия для подачи заявлений и обращений в электронном виде, участия граждан в судебных заседаниях онлайн. С его помощью комплексно решаются вопросы, связанные с удовлетворением потребностей граждан в правосудии по принципу «одного окна». Тем самым создается судебная платформа, объединяющая многие сервисы для граждан и организаций, позволяющая системно, полно и безопасно, с одной стороны, реализовывать государственную функцию, связанную с правосудием, а с другой – осуществлять организационные и процессуальные права граждан и организаций на судебную защиту.

Принцип «одного окна» подразумевает целостность, полноту и конфиденциальность доступа граждан и представителей организаций к получению судебной информации, судебным актам и возможность осуществления всех наиболее значимых процессуальных и связанных с ними организационных действий из единого судебного кабинета. Этим преследуется цель создания комфортной и удобной среды для граждан, позволяющей обеспечить широту их доступа к правосудию, снижение расходов на ведение дела и почтовые расходы.

Через личный кабинет должны быть доступны сервисы, которые уже сегодня действуют для граждан в ряде стран в рамках электронного правосудия: подача заявлений, обращений, жалоб и ходатайств, конструктор исковых заявлений, поиск судебных документов и дел, получение информации о регистрации обращения, его движении в суде (статусе), оплата онлайн государственной пошлины,

ознакомление с делом, получение судебного акта и аудио-, видеозаписи судебного заседания, электронные извещения, участие в заседании без выезда в суд, независимо от места своего нахождения. Набор таких сервисов обеспечивает оперативность судопроизводства. Важными при этом являются вопросы безопасности и защиты персональных данных.

Создание сервисов, обеспечивающих удобную среду для защиты прав граждан и организаций, должно быть сопряжено с внедрением технологий, направленных в ближайшей перспективе на переход на безбумажное общение граждан и представителей организаций с судами, на формирование электронного дела.

Таким образом, современные технологии, создание сервисов и судебных сетей формируют и обеспечивают условия для безбумажного судопроизводства, делопроизводства, межведомственного документооборота, позволяют с использованием личных средств связи (стационарных или мобильных) дистанционно обращаться к суду с просьбами любого характера (процессуальными или внепроцессуальными), участвовать в рассмотрении дела по первой инстанции, а также в проверочных стадиях пересмотра дела, знакомиться с материалами электронного дела.

Внедрение указанных технологий предусмотрено ФЦП «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы», в которой поставлены задачи по «созданию мобильного правосудия, электронного правосудия, внедрению программных средств аналитического обеспечения деятельности и осуществлению сканирования всех поступающих в суды документов, а также формированию электронных дел и формированию электронного архива судебных дел», а также по расширению использования в судебной деятельности видео-конференц-связи.

Кроме того, поставлена задача предоставления гражданам возможности использования информационных технологий не только на этапе получения информации о деятельности судов Российской Федерации, но и на каждом этапе судопроизводства, начиная со дня обращения в суд и до окончания судебного процесса.

На технологическую модернизацию судебной системы направлена Концепция информатизации судов и системы Судебного департамента до 2030 г., утвержденная постановлением Президиума Совета судей РФ от 02.12.2019 № 785 (далее – Концепция).

В соответствии с п. 5.3.3, 5.3.4 Концепции планируются к внедрению следующие технологии: суперсервис «Правосудие онлайн» федерального проекта «Цифровое государственное

управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», обеспечивающий подачу гражданами и организациями процессуальных документов в электронном виде через Единый портал государственных и муниципальных услуг; программные средства распознавания речи с автоматизированным формированием протокола судебного заседания с приложением аудио-, видеозаписи; для повышения удобства граждан и обеспечения оперативности получения информации о деятельности судов механизмы, поддерживающие использование разных устройств: персональных компьютеров, ноутбуков, планшетов, смартфонов, мобильных телефонов, работающих на разных операционных системах.

Данные технологии в ближайшей перспективе обеспечат переход на безбумажное общение граждан и представителей организаций с судами, а также позволят сократить до минимально возможного физическое присутствие граждан в судах.

Пандемия COVID-19 актуализировала вопрос о необходимости интеграции ГАС «Правосудие» и портала государственных услуг, хотя указанный вопрос начал обсуждаться еще с 2018 г.¹ Посредством такой интеграции и запуска не позже 2024 г. суперсервиса «Правосудие онлайн» будет обеспечена возможность не только подавать любые обращения в суд, но и знакомиться с материалами дела, дистанционно участвовать с применением личных средств связи в судебных заседаниях, получать электронные уведомления.

Прототип суперсервиса был представлен в августе 2019 г. на портале госуслуг. Основная цель суперсервиса сформулирована так: «Меньше бумаг, пройденных километров и пропущенных судебных уведомлений на почте»². Кроме того, оглашены основной функционал суперсервиса и его преимущества: суд для подачи иска определяется автоматически; документы и уведомления отправляются по судам и участникам процесса в электронном виде; доступ к документам по делу открыт онлайн всем участникам процесса; интерактивный помощник подскажет, как составить требования по иску, заполнить и подать электронное заявление; оплата госпошлины на портале; удаленное участие в процессе (доступ через биометрическую идентификацию)³.

¹ См.: Юридическая концепция роботизации : монография / Н.В. Антонова, С.Б. Бальхаева, Ж.А. Гаунова и др. ; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. – М. : Проспект, 2021. – 240 с.

² Представлены прототипы новых пяти суперсервисов. – URL: <https://www.garant.ru/news/1290222/> (дата обращения: 04.04.2021).

³ Там же.

Принципы цифрового государства: «цифровые от начала до конца», платформонезависимость, разработка сервисов с ориентацией на гражданина, обращающегося за судебной защитой, позволяют выстраивать теоретические модели таких правовых институтов, как доступ к суду, электронное дело, электронные доказательства, судебное электронное делопроизводство, а также разрабатывать положения, касающиеся правового регулирования использования в судопроизводстве видео-конференц-связи, цифровой подписи и т.п.

Для цифрового правосудия характерны как отдельные сервисы, так и их объединение в судебные сети, которые предполагают полноту и единство, т.е. охват не только сферы правосудия и делопроизводства, но и других сегментов судебной деятельности: судебного примирения, оказания помощи гражданам в доступе к судебной защите, организационно-управленческих аспектов обеспечения бесперебойного и эффективного правосудия (в числе которых автоматическая оценка нагрузки на судей и работников аппарата судов, перераспределение дел между судами и др.). Видится важным внедрение технологий во все составляющие судебной сферы в комплексе, поскольку недооценка тех или иных аспектов снижает эффективность и действенность судов и судебной защиты.

Использование в судах многозадачных и многофункциональных электронных сетей и их интеграция – важный компонент цифрового правосудия.

Переход к новой модели организации и функционирования судебной власти – цифровому правосудию и наращиванию цифровой технологической базы судов ставит в число научных проблем решение вопроса о возможности осуществления правосудия машиной, роботом¹.

¹ См., напр.: Клеандров М.И. Размышления на тему: может ли судьей быть робот? // Российское правосудие. – 2018. – № 6. – С. 1525; Безруков С.С. Электронное правосудие: современное состояние и ближайшие перспективы // Служебные преступления: вопросы теории и практики правоприменения : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (17 мая 2018 г., г. Хабаровск) / Ф.М. Абубакиров, В.В. Агильдин, Е.Ю. Антонова и др. ; под ред. Т.Б. Басовой, К.А. Волкова ; Хабаровский краевой суд, Российское объединение судей в Хабаровском крае, Дальневосточный филиал Российской академии правосудия. – Хабаровск : Юрист, 2018. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36688359> (дата обращения: 02.07.2021).

Применение искусственного интеллекта (ИИ) в судебной деятельности обусловило создание цифровых судов, где урегулирование споров осуществляется не судьей-человеком, а машиной. Отдельные авторы полагают, что термины «электронное правосудие», «цифровое правосудие» отражают наличие цифрового судьи и только в этом случае могут использоваться. Среди ученых и практиков делаются попытки обосновать предпочтительность интеллекта искусственного как набора математических алгоритмов в сравнении с «живым» интеллектом судьи. В литературе применительно к роботизации судебного процесса выделяют два направления: проведение судебного заседания в режиме телеконференции с использованием современных мессенджеров, а также «замена судьи или судейского корпуса в целом, секретарей судебных заседаний и помощников судей роботами», возможно и сочетание этих двух направлений¹.

Технологии ИИ позволяют повысить эффективность процессов планирования, прогнозирования и принятия управленческих решений. Применение ИИ в судебной деятельности связывается с возможностью использования разработанных алгоритмов подготовки и вынесения решения, на основании которых судья может принять конкретные процессуальные решения, в том числе определить характер спора, перечень норм права, регулирующих спорные правоотношения, а также определить круг обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения дела.

В зарубежной литературе схожее функциональное значение имеет термин «*predictive justice*» («предсказательное, или прогностическое, правосудие»), означающий применение ИИ в судопроизводстве, что позволяет осуществлять анализ большого количества типовых судебных решений по определенным видам судебных споров (например, о взыскании алиментных, налоговых платежей) и оказывать помощь судье в принятии окончательного решения по делу.

Термин «*прогностическое правосудие*» отражает технологичность судебной деятельности посредством внедрения технологий ИИ. Под *прогностическим (предсказательным) правосудием* следует понимать технологию искусственного интеллекта, основанную на методах статистического моделирования предыдущих судебных решений для определения наиболее вероятного судебного

¹ См.: Юридическая концепция роботизации. Указ соч. (§ 3. Роботизация и судебная система).

го решения при данных обстоятельствах, призванную оказать содействие судье в определении основанного на законе усмотрения по конкретному делу.

Применение систем ИИ не может умалить гуманитарную, человеческую сущность правосудия, где находит свое отражение справедливость, не тождественная математическим алгоритмам.

По этой причине термин «прогностическое правосудие» как информационно-технологический термин означает конкретно взятую технологию, которая может быть использована для оказания помощи судье в процессе рассмотрения и разрешения дела. Использование систем ИИ для замены человека на робота может быть осуществлено в альтернативных правосудию процедурах урегулирования споров.

Системы ИИ имеют все перспективы успешно использоваться в судебной практике, поскольку в некоторых судебных задачах могут служить судьям помощниками. Машинный интеллект должен помочь судебной системе соответствовать другим органам власти и коммерческим структурам в информационную эпоху и не может восприниматься как угроза осуществляемому человеком правосудию.

Внедрение новых технологий дает возможность улучшать доступ к правосудию, качество правосудия и его эффективность. Вместе с тем существуют определенные проблемы, сложности и риски, связанные с масштабной цифровизацией судов.

Во-первых, цифровизация – это фундаментальные реформы, большой, требующий значительных капиталовложений и длительный процесс, где осуществление затрат предшествует возникновению преимущества. Тем не менее эти реформы – лучшая стратегия продвижения вперед. В связи с этим важно разработать дорожные карты, в которых внедрение цифровых средств сопровождалось бы системной проработкой изменений процессуального права, законодательства о судебной системе и статусе судей, что требует тесного сотрудничества судебных органов и органов исполнительной власти, ответственных за внедрение в России общих цифровых платформ и механизмов.

¹ См.: Deng J. Should the common law system be intelligentized? : A case study of China's same type case reference system (october 16, 2018). – URL: <https://ssrn.com/abstract=3267045> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3267045> (дата обращения: 02.07.2021).

Во-вторых, применение информационных и коммуникационных технологий не всегда приводит к более скорому и эффективному рассмотрению дел. В зарубежной литературе приводятся результаты эмпирических замеров времени в отношении рассмотрения налоговых споров. В результате чего не было обнаружено существенной разницы между продолжительностью их рассмотрения в традиционной и в электронной форме. Более того, было отмечено, что в случаях с личным физическим участием лиц дела иногда рассматриваются быстрее, чем в электронной форме¹.

Внедрение технологий требует проведения эмпирических исследований по многим вопросам, касающимся эффективности и результативности технологических инноваций. Так, в результате изучения опыта Нидерландов было установлено, что органы власти слабо контролируют свои проекты в области информационно-коммуникативных технологий, а также отмечаются недостаточная осведомленность по поводу затрат и выгод технологических проектов, слабое или непрофессиональное управление данными проектами².

Для того чтобы технологии, обеспечивающие цифровой доступ к суду, были востребованы гражданами, следует обратить внимание на простоту их использования, возможность доступа к ним разных категорий граждан, в том числе лиц малообеспеченных или находящихся в неблагоприятных жизненных ситуациях. Доступ к суду должен быть многоканальный, а не только цифровой.

Представляется, что существуют ограничения в использовании дистанционных технологий для проведения судебных заседаний по отдельным конкретным категориям дел, что обуславливает необходимость проведения специальных исследований по указанному вопросу.

Новое судебное управление и администрирование судами. Значительное воздействие на характер и направления судебных реформ, институциональную сферу судебной организации во всем мире оказывает теория нового государственного управления, именуемая *New Public Management*. Она рассматривается как элемент

¹ См.: Procopiuck M. Information technology and time of judgment in specialized courts: what is the impact of changing from physical to electronic processing? // *Government information quarterly*. – 2018. – Vol. 35, N 3. – P. 491–501.

² См., напр.: Fabri M. Will COVID-19 accelerate implementation of ICT in courts? // *International journal for court administration*. – 2021. – Vol. 12(2). – P. 2. – URL: <http://doi.org/10.36745/ijca.384> (дата обращения: 02.07.2021).

электронного государства. В России «данная теория взята на вооружение под воздействием общемировой тенденции проведения реформ государственного управления»¹.

В юридической науке содержание теории New Public Management (далее – NPM) принято раскрывать как три «е» – economy, efficiency and effectiveness – экономия, эффективность и результативность, при сочетании с другими ценностями государственной деятельности, такими как доступность, открытость, справедливость, беспристрастность, законность, честность и рациональность².

С точки зрения общих теоретических подходов в системе NPM реформы фокусируются на цели удовлетворения запросов граждан, которые рассматриваются в качестве получателей услуг или клиентов государственного сектора, а государственные служащие признаются государственными менеджерами с возможностью проявить инициативу при реализации служебных полномочий. Смысл новой модели государственного управления связывается с большей эффективностью государственной службы, что предполагает внедрение системы менеджмента, методов работы, характерных для частного сектора.

Принципы и подходы NPM реализуются в национальных правовых порядках в разных формах в зависимости от сфер и областей государственной практики. В каждой национальной системе управления существует специфика использования основ NPM, поскольку поиск надлежащих управленческих форм зависит от особенностей государственной службы, традиций и культуры, складывающихся в механизме государственного управления.

В зарубежной юридической литературе отмечается, что использование методов частного бизнеса невозможно в государственном секторе повсеместно, а к судам эти методы применимы в еще меньшей степени – «в идеале могут быть использованы только в качестве источника методологии», а доктрина «государственного менеджмента» имеет отношение к работе судов только в части определения стратегии, структуры, потенциала и культуры³.

¹ См.: Пospelова Е., Казакова М. Применение концепции New Public Management в России // Государственная служба. – 2015. – № 2 (94). – С. 22–26.

² См.: Spigelman J. The «new public management» and the courts (july 27, 2001) // Australian law journal. – 2001. – Vol. 75. – P. 748. – URL: <https://ssrn.com/abstract=1800452> (дата обращения: 02.07.2021).

³ См.: Combining a weighted caseload study with an organizational analysis in courts : first experiences with a new methodological approach in Switzerland / Lienhard

В рамках оптимизации управления судами отмечаются элементы так называемого хорошего управления судами, в их числе: стратегические принципы, клиент-дружелюбие, управление рабочей нагрузкой, контроль качества и др.¹

Среди экспертов, исследующих проблемы эффективности и производительности судов, отсутствует единство взглядов как на содержание новых подходов к управлению судами, так и на оценку имеющихся практик. Если ставить во главу угла судебной деятельности экономические показатели эффективности, утверждают они, возникает опасность конфликта с обязательством судов по справедливому разбирательству дел.

Анализ практик использования концепции NPM в организации и деятельности судебных систем зарубежных стран позволил выявить в качестве способов решения проблем в сфере правосудия следующие:

- 1) комплексное стратегическое управление;
- 2) эффективное управление ресурсами;
- 3) использование цифровых технологий и инструментов;
- 4) уважение к гражданину как конечному бенефициару (выгодоприобретателю) государственной судебной ветви власти;
- 5) использование лучших мировых практик, связанных с функционированием судебной системы;
- 6) укрепление диалога и сотрудничества со смежными судебными институтами и гражданским обществом и их вовлечение в процесс модернизации судебной системы.

В рамках стратегического управления не используется долгосрочное планирование, поскольку стремительное развитие общества и технологий не позволяет создавать универсальные решения на многие годы вперед. Программы развития судов должны приниматься на обозримую перспективу в несколько лет (от трех до пяти лет) и отвечать на вопросы: «Что судебной организации следует делать сейчас? Что нужно сделать, чтобы добиться желаемых целей в будущем?»².

A., Kettiger D., Winkler D., Uster H. // International journal for court administration. – 2015. – Vol. 7, N 1. – URL: <https://www.iacajournal.org/articles/abstract/10.18352/ijca.174/> (дата обращения: 02.07.2021).

¹ Там же.

² См.: Нестеров А.К. Стратегическое управление : учеб.-метод. комплекс [Электронный ресурс]. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004478751> (дата обращения: 02.07.2021).

Комплексное стратегическое управление предполагает непрерывное пошаговое улучшение. Непрерывность означает постоянное опережающее реагирование на возникающие внутренние и внешние вызовы. Запоздалое реагирование на эти вызовы в цифровую эпоху может как серьезно затормозить развитие самой судебной системы, так и создать препятствия для функционирования государственных и экономических институтов, информационной среды и повышения качества жизни граждан.

Новые подходы к решению проблем в сфере правосудия требуют их легализации в стратегических документах развития судов, закрепления основных приоритетов деятельности судов в информационную эпоху. В связи с этим во многих европейских странах приняты соответствующие программы развития судов (концепции, стратегии, дорожные карты и т.п.). Представляется необходимым принятие в России подобной дорожной карты развития судов, в чем заинтересованы, прежде всего, сами судьи.

Запрос общества в отношении новой парадигмы управления, предполагающей иные подходы к качеству управления и управленческой культуре, обусловили формирование новых направлений управления и администрирования судами, в числе которых – эффективное управление ресурсами, являющееся новым, основанным на экономических подходах методом совершенствования судебной системы. Предстоит оценить как возможности, так и риски данного способа, поскольку есть опасность конфликта с обязательством судов по справедливому разбирательству дел.

Проблема эффективного управления ресурсами является наиболее сложной темой в контексте *совершенствования судебной деятельности*. Она широко дискутируется и с большой осторожностью применяется в судебной сфере зарубежных стран.

С точки зрения экономических подходов ресурсы тратятся неэффективно, если одни суды и судьи перегружены, а другие не имеют достаточной нагрузки.

Для устранения такого дисбаланса в качестве приоритетной цели судебной реформы во многих государствах европейского континента была провозглашена оптимизация рабочих нагрузок на суды и судей, которая осуществлялась разными организационно-правовыми способами. В одних странах были приняты правила, предусматривающие гибкое перераспределение дел между судами для выравнивания рабочей нагрузки (например, Румыния). В результате такого перераспределения сторонам спора приходится нести большие транспортные издержки, поскольку необходимо

добираться до более удаленного суда. В других странах выбор предоставляется самим сторонам: либо дождаться, когда их дело будет рассмотрено в ближайшем от них, но загруженном суде; либо их дело будет немедленно рассмотрено в другом суде, расположенном на большом расстоянии от них, но менее загруженном. Существуют альтернативные организационные решения, связанные с временным прикомандированием к загруженным судам судей, которые работают в судах, где нет большого количества поступающих дел.

Проблемой эффективного управления ресурсами является финансирование судов на основе их нагрузки. Трудность заключается в создании таких измерительных систем, которые бы позволяли финансировать судебную систему в зависимости от поступивших дел и их сложности.

Для экономических подсчетов необходимо определить взаимосвязь между количеством и сложностью дел, с одной стороны, и затратами на их рассмотрение – с другой, при неясности вопроса о том, какую нагрузку считать нормальной, чрезмерной или недостаточной.

В современный период во многих странах мира внедряются системы измерения рабочей нагрузки и складываются методы финансирования судебной нагрузки.

В качестве примера можно привести финансирование судебной системы Нидерландов: бюджеты судов строго основаны на прогнозируемых результатах деятельности судов, дифференцированных по рабочей нагрузке. Эта система позволила судебным органам Нидерландов значительно расширить финансирование даже в неблагоприятных экономических условиях кризиса. Благодаря внедрению этой системы количество штатных единиц судей и сотрудников суда было увеличено.

Вместе с тем многие судьи в Нидерландах считают, что система слишком «технократическая» и не учитывает реальную нагрузку, уменьшая ее. В настоящее время предпринимаются усилия по совершенствованию системы.

Европейская комиссия по эффективности правосудия, экспертное научное сообщество занимают сдержанную двуединую позицию по данному поводу. С одной стороны, признается, что более рациональный подход к управлению ресурсами судебной системы и ее финансированию является желательным, обеспечивает большую независимость судов в силу прозрачности формирования ее бюджета. С другой стороны, признается, что финансирование, основанное на

судебной нагрузке, требует измерения времени рассмотрения дела и создания соответствующих систем оценки загруженности судов и судей. Существуют сложности с разработкой и внедрением таких измерительных систем. Наряду с тем, что они должны быть простыми, следует опасаться упрощенчества, и нормы нагрузки не должны применяться механически к отдельным случаям¹.

Создание новых организационных форм судебной деятельности как признак цифрового правосудия. Внедрение информационных технологий переформатирует не только функциональные аспекты судебной деятельности, но и все составляющие судебной организации. Закономерностью информационной эпохи является изменение типа судебной организации: ее модернизация от организации судей и судебного персонала к единой организации судей, администраций судов и информационных систем.

Иная технологическая основа судебной деятельности, преобразующая функционально-структурную модель судебной власти, неизбежно влечет за собой создание новых организационных форм судебной деятельности в разных ее сферах: судоустройственной, судопроизводственной, обеспечительной.

В качестве таких *новых организационных форм* могут выступать: преобразование «судебных карт», что предполагает укрупнение судов вследствие развития дистанционных форм доступа к суду и возможностей участия граждан в судебных заседаниях в онлайн форматах; создание судебных администраций и определение исключительных полномочий администратора суда; создание форм помощи гражданам в реализации их прав на обращение к суду в электронном формате; новые формы финансирования судов, основанные на показателях служебной нагрузки; организационные формы перераспределения нагрузки с чрезмерно загруженных судов в рамках региона и судебного округа и др.

Цифровизация судов, упрощение процедур влекут за собой оптимизацию судов, названную в России «укрупнением» судов, а на европейском судебном пространстве – пересмотром «судебных карт». По мнению Европейской комиссии по эффективности правосудия, почти во всех европейских странах пересматриваются или включены в повестку преобразований судебные карты, в результате чего судебная функция будет сосредоточена в меньшем количе-

¹ См.: Dijk Fr., Dumbrava H. Judiciary in times of scarcity: retrenchment and reform (february 2013) // International journal for court administration. – 2013. – Vol. 5, N 1. – URL: <https://ssrn.com/abstract=2894396> (дата обращения: 02.07.2021).

стве судов¹, что создаст эффект масштабирования, поможет ввести специализацию судей и более эффективно использовать недвижимость и ресурсы.

В документах, принятых Европейской комиссией по эффективности правосудия², отмечается, что меняются реалии организации судов и демографическое размещение населения. Если в прошлом большие расстояния и ограниченное транспортное сообщение побуждали выстраивать более разветвленную сеть судов, правоохранительных органов, сеть адвокатских образований, то в настоящее время технологические инновации позволяют заинтересованным лицам участвовать в правосудии дистанционно или онлайн, при этом заметны серьезные изменения социально-демографической структуры общества, а улучшение транспортной доступности позволило связать районы, которые ранее были фактически недоступными и изолированными.

Анализ практики реформ в европейских странах показывает, что оптимизация судов, неминуемо приводящая к удалению судов от населения, должна проводиться после того, как цифровыми средствами будут найдены возможности обеспечения личного участия граждан в суде, поскольку доступность правосудия – одна из главных его качеств, не подлежащая умалению.

Задачи цифрового правосудия. По мнению Я.В. Антонова, основными задачами электронного правосудия являются улучшение качества предоставляемых судебных услуг, сокращение сроков судебных разбирательств и повышение прозрачности судебной системы в целом³.

С этим утверждением, бесспорно, следует согласиться, но с некоторыми оговорками. Во-первых, внедрение цифровых технологий, сервисов и создание судебных сетей должны отражать потребности граждан и организаций не только в создании цифровых

¹ См.: Dijk F., Dumbrava H. Op. cit. – P. 1–10. – URL: <https://ssrn.com/abstract=2894396> (дата обращения: 02.07.2021).

² См., напр.: Европейская комиссия по эффективности правосудия : пересмотренное руководство по созданию судебных карт, поддержанию доступа к правосудию в рамках качественной судебной системы, принято на 22-м пленарном заседании ЕКЭП 6 декабря 2013 г. – URL: <https://rm.coe.int/1680748151> (дата обращения: 02.07.2021).

³ См.: Антонов Я.В. Реалии и перспективы развития системы электронного правосудия в российской и европейской практике // Russian journal of legal studies. – 2016. – № 4 (9). – С. 15–20; Андрощук В.В., Швед Е.Н. Указ. соч. – С. 360–364.

коммуникаций с судом, дистанционного доступа к правосудию и безбумажного электронного дела, но и более удобного и современного суда и судебного процесса. Нельзя забывать о внутрисистемных потребностях судебной системы, испытывающей серьезные проблемы с ежегодным ростом обращений в суды. Проблемы судебной нагрузки не могут игнорироваться обществом, тем более научным и экспертным сообществом, поскольку они не являются исключительно внутренним делом судебной власти, а также не могут рассматриваться в качестве технических, второстепенных вопросов правосудия¹.

По этой причине *внедрение технологий должно преследовать двудединую цель*: и повышение удовлетворенности граждан качеством и транспарентностью судебной защиты, доверия к суду, с одной стороны, и решение внутрисистемных задач – с другой. Создание еще большей нагрузки на судей и аппарат суда в связи с внедрением технологий и при ограниченности штатного персонала судов не может быть поддержано. Цели цифрового правосудия должны быть основаны на балансе внутрисистемных и публичных задач.

Во-вторых, улучшение качества судебной защиты и судебных актов нельзя рассматривать в разрезе предоставления «судебных услуг», где последним придается такой же смысл, как и в цивилистике услугам гражданско-правового характера. Осуществление правосудия не может быть признано услугой в гражданско-правовом смысле. В контексте электронного государства под государственными услугами понимается предоставление гражданам общественных благ в рамках выполнения государством своих функций, где основой таких взаимоотношений являются социальное партнерство, ориентация на законные права граждан, повышение качества жизни и благосостояния граждан. В таком истолковании к судебной деятельности как государственной функции могут быть применены отдельные аспекты нового государственного управления.

Заключение

На основании вышеизложенного в работе обоснованы следующие выводы.

¹ См.: Бурдина Е.В. Развитие судебной системы в условиях информационного общества // Российское правосудие. – 2018. – № 7. – С. 19–33.

1. Природа электронного правосудия многосоставная, включает проявление особенностей внедрения технологий одновременно во всех составляющих судебной власти: институциональных, функциональных, технологических, организационных.

С позиции интегративного понимания электронное правосудие – это и новый тип судебной организации, основанный на применении информационных технологий, сетей и автоматизированных систем, и новая, электронно-цифровая, дистанционная форма взаимодействия с заинтересованными лицами и лицами, участвующими в деле, включающая дистанционный доступ к суду и дистанционное участие в судебных заседаниях, и новый способ межведомственного взаимодействия на основе обмена цифровыми данными, и электронная (безбумажная) форма судопроизводства и делопроизводства, основу которой образует электронное дело, и новые способы администрирования деятельности судов, и техническая платформа.

2. Этапизация электронного правосудия позволяет охарактеризовать новый его этап как «цифровое правосудие». Под цифровым правосудием понимается структурно новый тип организации и деятельности судебной ветви власти, основанный на электронных сетях, цифровых базах, цифровых данных и обмене ими внутри системы, с гражданами и в межведомственном взаимодействии.

3. Особенности цифрового правосудия раскрывают его признаки: целевой, технологический, электронной формы, нового способа документооборота, цифрового доступа к суду, новых организационных форм и способов судебного управления.

4. В условиях цифровой трансформации судов концепция электронного (цифрового) правосудия предоставляет научные основы обновления технологической базы, элементов и структур судебной системы как единой социальной организации.

Н.В. Кравчук¹

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ
В РАЗРЕШЕНИИ СЕМЕЙНЫХ СПОРОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ
И ПРЕДЕЛЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ**

УДК 342

DOI: 10.31249/pctii/2021.00.09

Аннотация. Искусственный интеллект все шире используется в работе юристов, в том числе в судебной системе. Его использование выходит за рамки оказания помощи адвокатам и судьям в их работе, алгоритмизируется и сам процесс вынесения решений, влияющих на права и обязанности людей в рамках уголовных и гражданских дел. Между тем семейно-правовые споры обладают определенной спецификой, препятствующей их автоматизации.

Ключевые слова: искусственный интеллект; судья; семейно-правовые споры; интересы ребенка, справедливость судебного процесса; рассмотрение дел.

N.V. Kravchuk

Artificial intelligence in adjudication of family disputes: limits of use

Abstract. Artificial intelligence is used more and more often by lawyers including within justice system. Its use goes beyond support of lawyers in their work, in criminal and civil cases algorithms deliver decisions on person's rights and obligations. Family-related disputes meanwhile have specific characteristics that make substitution of a human judge by an artificial intelligence impossible.

Keywords: artificial intelligence; judge; family-related disputes; the best interests of the child; fair process; adjudication.

¹ *Кравчук Наталья Владимировна*, старший научный сотрудник ИНИОН РАН (*Natalya Kravchuk*, Senior Researcher at the INION RAS, candidate of legal sciences, associate professor).

Введение

Программы на основе искусственного интеллекта (ИИ) всё глубже проникают в жизнь правового сообщества, с одной стороны, значительно облегчая и ускоряя выполнение отдельных задач, с другой стороны, – пугая перспективой вытеснения человека с рынка правовых услуг. Обеспокоено не только адвокатское сообщество. Совершенствование алгоритмов позволило использовать искусственный разум в разных видах деятельности, относящихся к вынесению решений (adjudication). Перспектива широкого использования робота-судьи вызывает как поддержку, так и критику. Исследования работы программ, призванных автоматизировать работу судей, показывают, что использование ИИ не всегда повышает качество и понижает себестоимость процесса. Лишенные способности взвешивать и учитывать новые факторы, нести ответственность перед обществом, такие программы не только не могут в полной мере заменить судью, но и воспроизводят пристрастность, заложенную в данных, используемых для их глубокого обучения.

При всех доктринальных и практических проблемах, невозможно отрицать плюсы использования ИИ в судебной системе. В настоящее время он применяется как в рамках уголовного процесса, так и в гражданских делах. В дальнейшем его использование, вероятно, будет увеличиваться плане как объема «полномочий», передаваемых программе, так и охвата правоотношений, которые будут регулироваться с его использованием. Возможно ли использование автоматизации в сфере, затрагивающей семейно-правовые отношения? Каковы возможные пределы автоматизации рассмотрения семейно-правовых споров? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо проанализировать черты, характерные для споров такого рода, и определить, обладает ли ИИ потенциалом, необходимым для учета этих особенностей.

Не являясь исчерпывающим исследованием, анализ, приведенный в данной статье, показывает, что споры, связанные с семейными правоотношениями, не могут быть переданы на рассмотрение ИИ. Более того, не только работа судей, но и деятельность юристов, работающих со сторонами по таким делам, может быть автоматизирована лишь в незначительной степени, поскольку требует задействования эмоционального интеллекта и воображения, отсутствующих у машин.

Использование ИИ в деятельности, связанной с рассмотрением правовых споров. Программы на основе ИИ выполняют

самые разнообразные задачи. Введя этот термин в обращение в 1955 г., разработчики отмечали, что намерены сделать машины способными решать проблемы, которыми традиционно занимались люди, – «машины должны вести себя таким образом, который назвали бы “умным”, если бы так себя вели люди»¹. Спустя несколько десятилетий машины умеют предвидеть, анализировать и до некоторой степени – принимать решения, свойственные человеческому мозгу². Именно эти «человеческие качества» делают их «обладающими интеллектом»³.

Вне судебного зала технологии ИИ широко используются юридическим сообществом. В первую очередь речь идет о функции, способной сэкономить много часов работы при поиске данных. Современные алгоритмы могут не только в кратчайшие сроки обработать сотни страниц текста, найти искомое слово или фразу, сохранить сам документ и историю поисков на будущее, но и классифицировать документы, изъять из них личные данные, создать на их основе новые⁴. При этом сам поиск информации не ограничивается письменными документами (появились функции распознавания голоса и синтаксического анализа естественных языков). Так, в одном из дел технология ИИ по распознаванию естественных языков позволила сократить объем телефонных разговоров в 33 тыс. часов, который было необходимо изучить, до 140 часов, которые впоследствии были прослушаны человеком⁵. Приведенный пример весьма показателен. С одной стороны, он демонстрирует, насколько полезен может быть ИИ юристу. С другой – еще раз показывает, что, несмотря на единичные истории создания программ, способных на «креативные шаги», алгоритмы,

¹ Gravett W. Is the dawn of the robot lawyer upon us? The fourth industrial revolution and the future of lawyers // Potchefstroom electronic law journal. – Potchefstroom, 2020. – Vol. 23. – P. 7. – URL: <https://journals.assaf.org.za/index.php/per/article/view/6794> (дата обращения: 02.06.2021).

² См.: Dixon Jr. H. B. What judges and lawyers should understand about artificial intelligence technology // Judges' journal. – American bar association, 2020. – Vol. 59, N 1. – URL: https://www.americanbar.org/groups/judicial/publications/judges_journal/2020/winter/what-judges-and-lawyers-should-understand-about-artificial-intelligence-technology/ (дата обращения: 10.06.2021).

³ См.: Bell F. Family law, access to justice, and automation // Macquarie law journal. – Sydney, 2019. – Vol. 19. – P. 104–105.

⁴ См.: Reid M. A call to arms: why and how lawyers and law schools should embrace artificial intelligence // University of Toledo law review. – Toledo, 2019. – Vol. 50. – P. 480.

⁵ См.: Dixon Jr. Op.cit. – P. 3.

используемые в работе юристами, еще не могут обойтись без человека.

Еще одним направлением, где объем использования ИИ стремительно увеличивается, является предсказательная аналитика (predictive analytics). Наиболее широко эти технологии используются в уголовных делах, при определении риска повторного совершения противоправных деяний. Интересны попытки «предсказать» решения высших судов, представляющие собой, вне всякого сомнения, высочайший уровень применения и толкования права. Так, в 2002 г. была сделана попытка предугадать решения Верховного суда США. Результаты эксперимента показали, что машины справились с поставленной задачей лучше, чем люди, – машинный интеллект оказался прав в 75% случаев, эксперты – в 59,1%¹. В 2016 г. группа ученых смогла предсказать четыре из пяти решений Европейского Суда по правам человека. По их мнению, разработанный алгоритм обладает высокой степенью точности и может быть использован для определения вероятного результата споров и других международных судов, а также для определения причин и тенденций принятия решений².

Искусственный интеллект используется и судьями непосредственно в процессе рассмотрения дела. В основном речь идет о рассмотрении уголовных дел. В США искусственный интеллект помогает суду выносить приговоры, избирать меры пресечения и принимать решения о смягчении наказания³. Были выработаны различные инструменты для обеспечения единообразия практики по схожим делам. В странах континентальной системы права также используются системы поиска и выборки принятых решений по ряду критериев, включая субъекта, объект правонарушения и даже содержательные факты дела⁴. В ближайшем будущем планируют автоматизацию работы судьи и другие страны. К примеру, в Азербайджане планируется внедрение программы «Электронные весы

¹ См.: Dixon Jr. Op.cit.

² См.: Gravett W. Op. cit. – P. 21.

³ См.: Кондрашин П.В. Искусственный интеллект и его возможное влияние на состав суда в уголовном процессе // Высокотехнологическое право: генезис и перспективы : материалы II Межд. межвуз. науч.-практ. конф. – Красноярск, 2021. – С. 169.

⁴ См.: Donohue M. A Replacement for justitia's scales?: Machine learning's role in sentencing // Harvard journal of law & technology. – Harvard, 2019. – Vol. 32, N 2. – P. 658.

правосудия», предназначенной для определения вида и размера наказания¹.

Помимо уголовного судопроизводства автоматизация работы судей затронула и арбитражные суды. Развитие технологии блокчейн (blockchain) привело к появлению частных систем рассмотрения споров. Есть основания полагать, что арбитражными судами будут взяты на вооружение элементы эффективного транснационального рассмотрения споров на основе технологии распределенного реестра (distributed ledger technologies)². Еще одним из примеров потенциальных заимствований может служить использование «оракула» (oracle) – внешнего источника информации, к которому обращается смарт-контракт для установления наступления или не наступления прописанного в договоре события. Таким оракулом может выступать и суд, в зависимости от решения которого будет определен получатель средств по смарт-контракту³. Лидером в области «автоматизированного разрешения споров» стал Китай. Здесь широко используется программа, дающая заявителю возможность изложить факты дела и его желаемый исход и затем выдающая обязательное для исполнения юридическое решение, основанное на алгоритмическом приложении действующего законодательства к изложенным фактам⁴. В России современные технологии применяются, например, в системе арбитражных судов, прежде всего в целях автоматизации процессов судопроизводства и делопроизводства; электронного распределения дел. Как отмечается, в ближайшем будущем системы ИИ могут подключиться к рассмотрению бесспорных требований в порядке приказного производства⁵.

¹ См.: Бадмаева Е.Б., Рютина А.С., Днепровская М.А. К вопросу об электронном правосудии: зарубежный и российский опыт // Молодежный вестник ИрГТУ. – Иркутск, 2020. – Т. 10, № 1. – С. 140.

² См.: Ortolani P. The impact of blockchain technologies and smart contracts on dispute resolution: arbitration and court litigation at the crossroads // Uniform law review. – Oxford, 2019. – Vol. 24. – P. 431, 436.

³ Ibid.

⁴ См.: Morrison A. Artificial intelligence in the courtroom. Increasing or decreasing access to justice? // International journal of online dispute resolution. – 2020. – Vol. 6, N 1. – P. 81–83.

⁵ См.: Бахтеев Д.В., Тарасова Л.В. Применение искусственного интеллекта в деятельности арбитражных судов РФ: перспективные направления и проблемы // Вестник Костромского государственного университета. – Кострома, 2020. – Т. 26, № 4. – С. 250.

Несмотря на то что сегодня алгоритм не может в полной мере и с полной ответственностью¹ консультировать клиента, представлять в суде и отстаивать его интересы, распространение программ на основе ИИ привело к снижению востребованности определенных категорий юристов². Передача машине определенных функций, ранее выполняемых судьями, порождает дискуссии о возможности и приемлемости автоматизации судебного процесса.

Противники использования ИИ призывают к осторожности³. Передавать контроль над людьми неизвестным, не несущим ответственность за принятые решения разработчикам алгоритмов неосмотрительно. Правосудие должно быть в первую очередь справедливым, и уже только потом эффективным. Между тем использование ИИ, хотя и обеспечивает кажущуюся беспристрастную оценку фактов по аналогии с принимавшимися ранее решениями, может приводить к расово-предвзятым результатам⁴. Кроме того, перед судьями стоит сложная задача учета одновременно требований законодательства и интересов общества. Назначаемое наказание должно быть пропорционально совершенному проступку, оно должно отвратить нарушителя от повторного совершения преступления, быть достаточно серьезным, чтобы оградить общество от опасности, но при этом таким, чтобы нарушитель мог после его отбытия успешно реабилитироваться. Все эти требования «указывают» в разном направлении⁵ и не могут быть в разных делах приведены «к единому знаменателю». Специалисты, занимающиеся арбитражным судопроизводством, обеспокоены потенциальной зависимостью судей и лиц, участвующих в деле, от заранее сделанных прогнозов относительно итогов процесса, основанных исключительно на объективных статистических расчетах и отсутствии должного учета индивидуальных характеристик дела⁶.

Сторонники более широкого внедрения ИИ в судебный процесс апеллируют к стремительному развитию технологий. В при-

¹ См.: Pasquale F. A rule of persons, not machines: the limits of legal automation // The George Washington law review. – 2019. – Vol. 87, N 1. – P. 6. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3135549 (дата обращения: 11.06.2021).

² См.: Jones C.P.A. AI and the legal profession: could artificial stupidity and responsibility avoidance prove to be the biggest agents of change? // South Carolina law review. – Columbia, 2018. – Vol. 69. – P. 641–642.

³ См.: Morrison A. Op.cit. – P. 93.

⁴ См.: Pasquale F. Op.cit. – P. 14.

⁵ См.: Donohue M. Op.cit. – P. 658.

⁶ См.: Бахтеев Д.В., Тарасова Л.В. Там же. – С. 252.

мер приводится алгоритм, разработанный для игры в го, – Альфа Го. Эта программа способна совершать неожиданные и, на первый взгляд, не логичные шаги, которые, применительно к человеку получили название «kami no itte» (рука Бога или движение Бога). Эти шаги впоследствии приводили к победе машины над человеком в партии¹.

Ю. Волох утверждает, что если компьютерная программа может создать убедительное мотивированное судебное решение и если она защищена от взлома, то выносимые ею решения следует принять, несмотря на то что они не являются продуктом человеческого размышления². Он предлагает рассматривать результат (речь идет не только о резолютивной части решения, но и о мотивировочной), а не средство – если система производит убедительные и обоснованные решения, не следует задумываться о том, как именно они были получены.

Действительно ли не имеет значения, человек или машина принимает решения? ИИ функционирует на основе алгоритма, определяющего структуры, комбинации и закономерности данных. На основании этих закономерностей выводятся правила, которые могут применяться к новым данным по аналогии. Чем совершеннее алгоритм, тем более сложные закономерности и правила он способен уловить и создать. Этого вполне достаточно для разрешения спорных ситуаций в таких областях права, как гражданское, налоговое и даже уголовное. Однако есть область права, где применение алгоритмов не сможет заменить участие человека. Это область семейного права. Здесь принятие решений связано с оценкой, помимо прочего, этических вопросов³, а толкование действий сторон без учета их чувств и эмоций не приведет к справедливому решению.

Проблема использования искусственного интеллекта в семейных спорах. Рассматривая вопрос о пределах использования ИИ судами при рассмотрении семейных споров, сразу следует оговориться, что некоторая автоматизация работы судей не только не повредит процессу, но и значительно улучшит его качество. Речь идет не только о введении таких элементов электронного правосудия, как организация видео-конференц-связи с судом; рассылка

¹ См.: Gravett W. Op.cit. – P. 11.

² См.: Volokh E. Chief justice robots // Duke law journal. – Durham, 2019. – Vol. 68, N 6. – P. 1135.

³ См.: Jones C.P.A. Op.cit. – P. 654.

смс-сообщений участникам процессуальной деятельности; подача документов в суд в электронной форме; ведение протокола судебного заседания в электронной форме; ведение электронного архива судебных дел; получение информации в электронном виде как о деятельности суда, так и о конкретном деле; обмен информацией и документами между участниками процесса и судом в электронном виде; обеспечение безопасности хранящейся в системах информации; организация системы электронного документооборота внутри суда и в общении суда с другими органами государственной власти и иными организациями и пр. Использование судами баз данных поиска информации на основе ИИ широко используется судьями, рассматривающими семейно-правовые споры во всем мире. Многообещающей представляется возможность использования в семейных делах разработанной в США системы DARE, распознающей ложные показания человека на судебном заседании¹. Однако пределы использования ИИ в данной категории дел, как представляется, уже, нежели в делах уголовных, гражданских и арбитражных.

Обращаясь в суд для разрешения семейно-правового спора, люди зачастую выносят на публику долгую, иногда многолетнюю, историю личных взаимоотношений. Они стремятся не только к формальному определению своих прав и обязанностей, но и к получению морального удовлетворения от того, что их аргументы услышат и оценят, будет восстановлена справедливость. Для описания роли судьи в этом процессе подходит принцип международного права, гласящий, что правосудие не только должно быть правосудием, но еще и должно выглядеть таковым (*Justice not only has to be done, but has to be seen*). С библейских времен роль судьи – человека, наделенного не только знаниями, но и чувством справедливости, – являлась одной из важнейших в государстве. Взаимодействие сторон с судьей, олицетворяющим правосудие, в процессе слушания дела невозможно приравнять к закладыванию информации в компьютер. Поэтому неудивительно, что люди предпочитают взаимодействовать с людьми, а не с машинами². Это особенно верно применительно к семейно-правовым спорам, где правовые вопросы тесно связаны с вопросами этики и морали.

¹ См.: Бадмаева Е.Б., Рютин А.С., Днепровская М.А. – С. 140.

² См.: Markovic M. Rise of the robot lawyers? // *Arizona law review*. – Tucson, 2019. – Vol. 61. – P. 327.

Не менее важной является проблема нейтральности судьи по отношению к сторонам процесса. В семейно-правовых спорах, в особенности там, где речь идет о защите интересов ребенка, судья подчас вынужден выступать одновременно в двух ролях – традиционной роли беспристрастного наблюдателя, оценивающего аргументы и доказательства, и роли гаранта обеспечения равенства сторон в процессе, компенсируя очевидную беспомощность участника процесса, самостоятельно представляющего свои интересы в суде, либо участника (ребенка), чьи интересы в процессе не представлены. Как отмечается, наибольшее число лиц, участвующих в деле без адвоката, наблюдается именно в семейно-правовых спорах. И это при том, что даже дела, поначалу представлявшиеся простыми, такие как неоспариваемый развод, могут оказаться осложненными такими вопросами, как установление отцовства, порядок общения с ребенком, злоупотребление родительскими правами, и часто выходят за рамки семейного права¹. Кроме того, не в каждой стране предусмотрено назначение отдельного представителя, защищающего интересы ребенка, и суд вынужден самостоятельно определять, нет ли между его интересами и интересами его законных представителей конфликта. Способность судьи в этой ситуации оценить совокупность индивидуализированных факторов и применить подход, ориентированный на соблюдение прав уязвимой стороны, является залогом справедливости всего судебного процесса. Между тем формализованный, «автоматизированный» подход приводит к нарушению прав одной из сторон.

Заговорив о неприемлемости стандартизированных решений в семейно-правовых спорах, нельзя не упомянуть одну из ключевых концепций в этой области права – концепцию наилучших интересов ребенка. Данная концепция была выработана и закреплена в качестве одного из принципов Конвенции ООН по правам ребенка, с тем чтобы обеспечить физическую, психологическую, моральную и духовную целостность и неприкосновенность ребенка и содействовать утверждению его человеческого достоинства. Она является принципом и российского семейного права². В контексте

¹ См.: Weaver J.D. Overstepping ethical boundaries? Limitation on state efforts to provide access to justice in family courts // Fordham law review. – Fordham, 2014. – Vol. 82. – P. 2708.

² Согласно пункту 3 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации, регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с рядом принципов, включая принцип обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних.

данной статьи важно, что в Конвенции по правам ребенка отсутствует перечень факторов, которые необходимы для определения наилучших интересов ребенка. Не перечисляются они и в документах Комитета ООН по правам ребенка, толкующего положения Конвенции, поскольку «наилучшие интересы ребенка» – это «подвижная концепция, включающая в себя различные, постоянно развивающиеся вопросы», она представляет собой «систему координат, в рамках которой оцениваются и определяются интересы ребенка, и не предписывает, что должно считаться лучшим для ребенка в каждой конкретной ситуации»¹. Иными словами, наилучшие интересы ребенка определяются исходя из уникального набора факторов, характерных для данной ситуации. Это делает невозможным применение ИИ в качестве замены судьи в тех категориях семейно-правовых споров, которые затрагивают права и интересы ребенка, поскольку опереться на предыдущие решения при их определении алгоритм не сможет.

В весьма ограниченных пределах возможна автоматизация не только работы судей, рассматривающих семейно-правовые споры, но и работы юристов, представляющих интересы сторон в семейно-правовом споре. Во-первых, это связано с тем, что, обращаясь к юристу по семейным делам, человек не всегда полностью представляет себе сложившуюся ситуацию с правовой точки зрения и не в состоянии оценить, какие именно факты могут иметь значение. Не бесстрастное «получение информации», но активное слушание может позволить юристу прояснить истинное положение дел. Можно возразить, что и, к примеру, в гражданских делах адвокат должен сначала выслушать поручителя, а потом подобрать нужные нормы права и выработать линию защиты. Однако успешная практика применения основанных на ИИ программ юридического консультирования и автоматизированного рассмотрения споров² демонстрирует готовность человека отказаться от услуг «живого» юриста в пользу более бюджетного алгоритма. Это и понятно, ведь в гражданском деле в случае проигрыша человек теряет деньги

¹ См.: Кравчук Н.В. «Интересы ребенка» в международном и российском праве : сравнительный анализ доктрины и практика применения // Государство и право. – 2020. – № 2. – С. 109.

² См.: Кравчук Н.В. Автоматизация юридической профессии // Государство и право в новой цифровой реальности : монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. И.А. Умновой-Конюховой и д-ра техн. наук, проф. Д.А. Ловцова ; отв. науч. ред.-сост. Е.В. Алферова. – М. : РАН. ИНИОН, 2020. – С. 183–194.

или собственность, между тем в семейном споре на кону судьбы семьи и отдельных ее членов.

Во-вторых, в процессе разработки стратегии по делу юрист может и должен не только дать клиенту совет относительно шагов, которые необходимо предпринять, но и предостеречь от незаконных или необдуманных действий. Вполне возможно, что ИИ сможет определить, какие действия будут незаконными, или вероятность совершения таких действий. Однако пристыдить или убедить клиента их не совершать он вряд будет способен¹.

В-третьих, для успешного представления интересов клиента недостаточно изложить имеющиеся факты и аргументы. Создание и представление суду убедительной «истории» требует креативности и ораторского мастерства². Адвокат, таким образом, занимается «адвокацией», защитой позиции и интересов своего клиента и не является нейтральным лицом. Его заинтересованность и вовлеченность (какими бы ни были их причины) содействуют тому, что суд принимает его аргументы. Как и в примерах, приведенных выше, ИИ не обладает способностью быть равнодушным и не сможет выполнить эту работу³.

Способность человека создать и рассказать историю (storytelling) и его эмоциональный интеллект⁴ являются ключевыми характеристиками, ограничивающими применение ИИ в работе юристов в семейно-правовой сфере. Наличие того же эмоционального интеллекта, влияющего как на способность увидеть уязвимость и потребность в защите лица, участвующего в процессе, так и на создание атмосферы справедливого суда, готового рассмотреть аргументы обеих сторон, не позволяет автоматизировать рассмотрение семейно-правовых споров. Это особенно показательно в делах, затрагивающих несовершеннолетних, где к судьям предъявляется требование владения специальными навыками, позво-

¹ См.: Markovic M. Op.cit. – P. 346.

² См.: Koenig M.L., Oseid J.A., Vorenberg A. OK, Google, will artificial intelligence replace human lawyering? // Marquette law Review. – Milwaukee, 2019. – Vol. 102, N 4. – P. 1269.

³ См.: Jones C.P.A. AI and the legal profession: could artificial stupidity and responsibility avoidance prove to be the biggest agents of change? // South Carolina law review. – Columbia, 2018. – Vol. 69. – P. 646.

⁴ См.: Carrel A. Legal intelligence through artificial intelligence requires emotional intelligence: a new competency model for the 21 st century legal professional // Georgia state university law review. – Atlanta, 2019. – Vol. 35, N 4. – P. 1154.

ляющими «слышать» детей и определять меры, необходимые для обеспечения их эффективного участия в процессе.

Использование современных технологий выгодно всем юристам, участвующим в процессе рассмотрения споров в судах, поскольку облегчает им работу и дает возможность переключить внимание на более творческие задачи. Вместе с тем проблема постепенного вытеснения человека с рынка правовых услуг требует от правового сообщества переосмысления роли юриста в современном цифровом мире и, соответственно, знаний, навыков и качеств, которыми он должен обладать, чтобы успешно ее выполнять. Признавая растущую потребность обеспечить права и интересы клиентов в цифровом мире, Американская ассоциация адвокатов внесла изменения в комментарий 8 Правил адвокатской этики, который теперь закрепляет, что юристы должны актуализировать свою компетенцию не только в области права, но и применительно к преимуществам и рискам соответствующих технологий¹. Помимо правовых знаний и навыков, адвокату теперь необходимы знания и в других областях, не связанных с его основной специализацией, таких как, к примеру, защита и анализ данных, программирование и компьютерный дизайн. Чтобы удовлетворить эти потребности, соответствующим образом меняется юридическое образование – университеты предлагают студентам различные курсы по освоению новых технологий². Сложнее обстоит ситуация с развитием такого качества, как эмоциональный интеллект. Как эту сферу встроить в существующее юридическое образование, еще предстоит решить.

¹ См.: Carrel A. Op.cit. – P. 1159.

² См.: Ibid. – P. 1172.

Д.В. Красиков¹

**ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРОВ**

УДК 341

DOI: 10.31249/pctii/2021.00.10

Аннотация. В условиях широкого обсуждения влияния, оказываемого развитием технологий искусственного интеллекта на внутригосударственную правовую практику, обращает на себя внимание тот факт, что в международно-правовом контексте появление и распространение таких технологий обсуждаются, как правило, с точки зрения их потенциала и перспектив их практического восприятия в будущем. Настоящая статья посвящена рассмотрению вопросов о том, какие существуют препятствия для активного внедрения искусственного интеллекта в сферу разрешения международных споров и как особенности данной сферы влияют на потенциал использования в ней соответствующих технологий.

Ключевые слова: искусственный интеллект; международный спор; средства разрешения международных споров.

D.V. Krasikov

**Problems of using artificial intelligence technologies
to resolve international disputes**

Abstract. In the context of a broad discussion of the impact of the development of artificial intelligence technologies on domestic legal practice, attention is drawn to the fact that in the international legal context, the emergence and spread of such technologies is discussed, as a rule, in terms of their potential and prospects for their practical perception in the future. This article is devoted to the consideration of the issues of what are the obstacles to the active introduction of artificial intelligence in the field of

¹ Красиков Дмитрий Владимирович, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, кандидат юридических наук, доцент (*Dmitry Krasikov*, Senior research fellow at the INION RAN, candidate of legal sciences, associate professor).

international dispute resolution, and how the features of this area affect the potential of using the relevant technologies therein.

Keywords: artificial intelligence; international dispute; means of resolution of international disputes.

Правовой контекст развития и использования технологий искусственного интеллекта (ИИ) характеризуется формированием ряда направлений научных исследований: обсуждаются проблемы и перспективы применения соответствующих технологий в юридической практике, рассматриваются вопросы правового регулирования их использования в различных областях общественных отношений, анализируется влияние, непосредственно оказываемое правовыми теориями на развитие различных интеллектуальных систем.

Исследователи заявляют о «цифровой трансформации права», в значительной степени связывая это именно с внедрением технологий ИИ в сфере правоприменения¹. Вне зависимости от того, насколько значительна подобная «трансформация», выявление и оценка каких-либо свершившихся преобразований в юридической практике ведутся, главным образом, применительно к внутригосударственным правовым процессам, в то время как в международно-правовом контексте появление и распространение рассматриваемых технологий обсуждаются, как правило, с точки зрения потенциала и перспектив. Характеризуя направления потенциального взаимного влияния развития систем ИИ и международного права, специалисты отмечают, что, во-первых, данные системы будут влиять на материальные нормы международного права и сами будут затронуты ими; во-вторых, государства могут начать разворачивание инструментов машинного обучения для содействия процессам переговоров по заключению международных договоров или международным судебным разбирательствам; и, в-третьих, инструменты ИИ могут помочь государствам обеспечивать соблюдение норм международного права (например, при их использовании в целях наблюдения и сбора доказательств)². Хотя

¹ См., напр.: Баранов П.П., Мамычев А.Ю. Цифровая трансформация права и политических отношений: основные тренды и ориентиры // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9, № 1 (30). – С. 360.

² См.: Deeks A. Introduction to the symposium: how will artificial intelligence affect international law? // American journal of international law unbound. – 2020. – Vol. 114. – P. 138–139; Deeks A. High-tech international law // The George Washington law review. – 2020. – Vol. 88, N 3. P. 652; Rhim Y.-Y., Park K. The applicability

встречаются и представления о негативных сценариях влияния развития ИИ на международные отношения¹, в целом исследователи достаточно благоприятно смотрят на перспективы сосуществования новейших технологических достижений и международного права.

Различные преимущества технологий ИИ², позволяющие пользователям быстро обрабатывать большие объемы данных, извлекать из данных закономерности, которые люди не могут обнаружить другим способом, и делать прогнозы, сделали их незаменимыми для современной внутригосударственной юридической

of artificial intelligence in international law // Journal of East Asia and international law. – 2019. – Vol. 12, N 1. – P. 29–30.

¹См.: Maas M.M. International law does not compute: artificial intelligence and the development, displacement or destruction of the global legal order // Melbourne journal of international law. – 2019. – Vol. 20, N 1. – P. 30.

²Общепринятого определения понятия «искусственный интеллект» не существует, и, как правило, оно используется для обозначения вычислительных систем, которые имитируют аспекты человеческого интеллекта, включая функции, которые люди интуитивно связывают с человеческим разумом, такие как обучение и принятие решений (см.: Information Technology and the U.S. Workforce: where are we and where do we go from here? : A report of the National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. – Washington, 2017. – P. 35–37), и рассматривается как охватывающее технологии машинного обучения, автоматизированного мышления, робототехники, компьютерного «зрения» и обработки естественного языка (см.: DiploFoundation. Mapping the challenges and opportunities of artificial intelligence for the conduct of diplomacy. – Geneva, 2019. – P. 6). Согласно позиции Комитета по правовым вопросам Европейского парламента, система ИИ представляет собой систему, которая является программной или встроенной в аппаратные устройства и которая отображает поведение, моделирующее интеллект, в том числе путем сбора и обработки данных, анализа и интерпретации своей среды и принятия мер с некоторой степенью автономности для достижения конкретных целей (при этом автономность предполагает, что система ИИ функционирует, интерпретируя определенные входные данные и используя набор заранее определенных инструкций, но ограничиваясь ими, хотя поведение системы ограничено поставленной перед ней целью и другими определенными разработчиком параметрами и нацелено на их реализацию) (см.: Committee on Legal Affairs : report on artificial intelligence: questions of interpretation and application of international law in so far as the EU is affected in the areas of civil and military uses and of state authority outside the scope of criminal justice (2020/2013(INI)). – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2021-0001_EN.html#title8 (дата обращения: 01.06.2021)). Нередко отмечается также, что данное понятие не является статичным в его употреблении: чем более интегрированными в повседневную жизнь становятся соответствующие технологии, тем меньше вероятность того, что они будут обозначаться как технологии ИИ (см.: DiploFoundation. Mapping the challenges and opportunities of artificial intelligence for the conduct of diplomacy. – Geneva, 2019. – P. 6).

практики, однако считается, что юристы и дипломаты, занимающиеся вопросами международного права, проигнорировали эту «новую волну»¹. Специалисты отмечают, что правительства государств и те, кто консультирует их по международно-правовым проблемам, значительно отстают от юристов частного сектора и от исследователей в осознании того, как технологии ИИ могут изменить и облегчить их работу².

Разрешение международных споров является одной из сфер, потенциально пригодных для использования в ней технологий ИИ. По существу, идеи, заложенные в теории и практике восприятия и использования возможностей ИИ в ординарной внутригосударственной юридической практике, являются подходящими для их реализации и в международно-правовой сфере: исследовательские возможности, основанные на работе с большими массивами данных и на их обработке с помощью способных к самообучению систем, позволяют более эффективно работать со значительными объемами информации, облегчая работу юристов, представляющих тяжущиеся стороны, и иных лиц (например, посредников или арбитров), содействуя, в частности, выработке позиций участников процессов разрешения споров, а также прогнозированию и оценке результатов внесудебных и судебных разбирательств.

Во-первых, технологии ИИ могут быть использованы в качестве инструмента содействия выбору средств разрешения международных споров. Стороны соответствующих споров свободны в выборе таких средств³, хотя эта свобода и ограничена необходимостью взаимного *ex ante* или *ex post* согласования такого выбора и условий его осуществления. Реализация такой свободы (пусть и *de facto* относительной) конкретными субъектами международных отношений зависит от разных факторов, относящихся к существу спора (к фактическим его характеристикам и правовому контек-

¹ См.: Deeks A. High-tech international law // The George Washington law review. – 2020. – Vol. 88, N 3. – P. 574.

² Ibid. – P. 577.

³ Так, например, согласно ст. 33 Устава ООН, «стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны прежде всего стараться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору» (Устав ООН от 26 июня 1945 г. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 01.06.2021)).

сту), к подлинным намерениям сторон относительно актуальности и перспектив его разрешения, к имеющимся в распоряжении сторон ресурсам, к особенностям отношений между сторонами, к иным обстоятельствам морального, политического или правового характера.

Делая такой выбор абстрактно, применительно к неопределенному кругу споров, которые могут возникнуть в будущем (при проектировании и обсуждении положений международных договоров, касающихся разрешения соответствующих споров, при оценке перспектив присоединения к действующим договорам или, например, принятия односторонней декларации о признании юрисдикции Международного суда ООН в порядке п. 2 ст. 36 его Статута¹), либо в отношении уже возникшего конкретного спора, государства могут использовать возможности искусственного интеллекта для оценки эффективности соответствующих средств или их совокупности, сравнительных преимуществ тех или иных средств либо перспектив разрешения отдельных категорий споров.

Во-вторых, соответствующие технологические решения, позволяющие анализировать данные и прогнозировать результаты, могут быть эффективными при использовании тех средств, которые предполагают выбор третьей стороны, участвующей в разрешении спора (арбитров, членов согласительных или следственных комиссий или даже судебного органа при наличии соответствующей возможности), либо при оценке перспектив участия того или иного посредника при разрешении споров. Так, для участия в арбитражных и судебных разбирательствах государствам желательно знать как можно больше об арбитрах или судьях, о делах, которые были рассмотрены ранее с их участием, о ранее вынесенных ими решениях, о типах аргументов, которые были ими поддержаны, о высказанных ими особых мнениях; анализ таких данных потенциально может повысить шансы на положительный для соответствующей стороны исход разбирательства, поскольку может повлиять на выбор государствами арбитров (для инвестиционных или межгосударственных арбитражных разбирательств) или на то,

¹ В соответствии с п. 2 ст. 36 Статута Международного суда ООН, «государства – участники настоящего Статута могут в любое время заявить, что они признают без особого о том соглашения, *ipso facto*, в отношении любого иного государства, принявшего такое же обязательство, юрисдикцию Суда обязательной по всем правовым спорам [относящимся к перечисленным в данном положении категориям]» (Статут Международного суда ООН. – URL: <https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml> (дата обращения: 01.06.2021)).

в какое международное судебное учреждение целесообразно обратиться (если доступных вариантов несколько), а также на подход к формулированию правовых аргументов¹.

В-третьих, возможности ИИ могут быть реализованы сторонами и другими участвующими лицами в ходе разрешения споров в рамках любых из существующих средств, предоставляя свои преимущества как при использовании дипломатических инструментов, так и для целей участия в арбитражных / судебных разбирательствах.

Хотя соответствующему потенциалу технологий ИИ в практике использования согласительных процедур разрешения споров (в частности, в рамках переговоров, согласительной и следственной процедуры, посредничества) в литературе уделяется недостаточное внимание, результаты исследований о соответствующих возможностях в контексте заключения международных договоров позволяют сделать определенные выводы и в рассматриваемой сфере. Так, например, предлагается использовать инструменты, основанные на применении ИИ, для определения предпочтений государств – партнеров по переговорам при оценке вероятности того, что конкретное предложение будет воспринято в окончательной версии договора, и даже для анализа особенностей поведения участников переговоров². Известны и примеры использования технологий ИИ в национальной дипломатической практике: в 2018 г. Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики начало внедрять систему ИИ в целях поддержки принятия стратегических решений и выработки возможных их вариантов и предоставления дипломатам помощи в оценке потенциальных рисков³.

В сфере международного арбитража использование ИИ обсуждается с точки зрения открывающихся для сторон и для арбитров исследовательских возможностей при работе с большими массивами данных из судебных и арбитражных решений, из законодательства, из практики его реализации и толкования⁴.

¹ См.: Deeks A. Op. cit. – P. 623.

² Ibid. – P. 600.

³ См.: Maas M.M. Op. cit. – P. 45.

⁴ См., напр.: Scherer M. International arbitration 3.0 – how artificial intelligence will change dispute resolution // Austrian yearbook on international arbitration. – 2019. – P. 503–514; Sim Ch. Will artificial intelligence take over arbitration? // Asian international arbitration journal. – 2018. – Vol. 14, N 1. – P. 1–13; Wahab M.S.A., Katsh E. Revolutionizing technologies and the use of technology in international arbitration // Arbitration in the digital age: the brave new world of arbitration / ed. by

Что касается использования технологий ИИ для поиска вариантов разрешения споров по существу, хотя многие проблемы международных отношений представляются слишком сложными, чтобы их решение можно было найти с помощью алгоритмов, некоторые исследователи используют существующие технологические решения для того, чтобы выработать возможные варианты выхода из сложных ситуаций: так, известны попытки использования алгоритма *Asset Divider* для поиска пути разрешения израильско-палестинских противоречий, алгоритма *Adjusted Winner* для решения проблем, связанных с притязаниями ряда государств в отношении островов Спратли в Южно-Китайском море, системы *SmartSettle* для моделирования возможных результатов переговоров между Ираком, Турцией и Сирией по вопросам о количестве и качестве воды в водоразделе реки Тигр и реки Евфрат¹. А.Р. Лоддер и Дж. Зелезников описывают технологические решения, которые предоставляют возможности для оказания поддержки сторонам международных конфликтов, упоминая программу *MEDIATOR*, программу *GENIE* и модель автоматизированного агента для разрешения двусторонних конфликтов (предложенного в 2007 г. коллективом ученых из Израиля и США), а также ссылаясь на попытки использования алгоритма *Adjusted Winner*, в частности, для оценки Договора о Панамском канале и Кэмп-Дэвидских соглашений².

Схожие цели анализа, моделирования, прогнозирования может преследовать использование ИИ сторонами споров и другими участниками их разрешения в рамках любых дипломатических и иных средств урегулирования. При этом, разумеется, речь не идет о каких-либо чрезмерных ожиданиях с точки зрения автономности технологий в принятии каких-либо принципиальных решений при разрешении международных споров либо о полной замене человека в качестве представителя стороны или иного участника процесса урегулирования.

M. Piers, C. Aschauer. – Cambridge, 2018. – P. 27–55; Scherer M. Artificial intelligence and legal decision-making: the wide open? A study examining international arbitration // *Journal of international arbitration*. – 2019. – Vol. 36, N 5. – P. 539–574.

¹ См.: Deeks A. Op. cit. – P. 634.

² См.: Lodder A.R., Zeleznikow J. Artificial intelligence and online dispute resolution // *Online dispute resolution: theory and practice: a treatise on technology and dispute resolution* / ed. by M. Wahab, E. Katsh, D. Rainey. – The Hague, 2012. – P. 61–82.

Авторы Доклада «Отображение проблем и возможностей искусственного интеллекта для ведения дипломатической деятельности», подготовленного по заказу Отдела политического планирования и исследований Министерства иностранных дел Финляндии, оценивают возможности использования ИИ в качестве инструмента в рамках дипломатической деятельности и в этом контексте разграничивают понятия вспомогательного интеллекта (содействует человеку в его работе), интеллекта, расширяющего возможности человека (позволяет людям делать то, что в противном случае они не смогли бы сделать), и автоматизированного интеллекта (предполагает полностью автономное выполнение им поставленных задач)¹. В докладе делается вывод о том, что во избежание нереалистичных ожиданий, с учетом современного уровня развития технологий, следует понимать, что искусственный интеллект в дипломатической сфере может быть использован лишь в его вспомогательном или расширяющем возможности человека качестве². В Докладе британского аналитического центра *Chatham House*, посвященном проблемам международных отношений в контексте развития технологий ИИ, отмечается, что в сфере внешней политики государств и в международных делах искусственный интеллект может выполнять аналитические, прогнозирующие и оперативные функции, однако маловероятно, что в ближайшем будущем возможна полноценная реализация оперативных функций, выполняемых автономными системами, хотя в долгосрочной перспективе такие системы могут радикально изменить как способ принятия решений, так и способ их выполнения³.

Также, применительно, например, к международному арбитражу, эксперты единодушны в мнении о том, что искусственный интеллект не может заменить человека, автономно выполняя какие-либо ключевые функции в данной сфере – функции представителей сторон, арбитров и тем более законодателя⁴. Так, К. Сим, хотя и не считает замену арбитров искусственным интеллектом

¹ См.: DiploFoundation. Mapping the challenges and opportunities of artificial intelligence for the conduct of diplomacy. – Geneva, 2019. – P. 25.

² Ibid.

³ См.: Artificial intelligence and international affairs : disruption anticipated : Chatham House report / M.L. Cummings, H.M. Roff, K. Cukier, J. Parakilas, H. Bryce. – London, 2018. – P. 2–5.

⁴ См.: Scherer M. International arbitration 3.0 – how artificial intelligence will change dispute resolution // Austrian yearbook on international arbitration. – 2019. – P. 507–513.

невозможной в принципе, выявляет существенные препятствия на пути к реализации подобной идеи на практике, такие как ограниченность технологий ИИ, риск предвзятости при принятии решений, проблемы обеспечения надлежащей правовой процедуры, отсутствие доверия к искусственно созданной системе как к арбитражу¹. М.М. Маас отмечает, что даже если полностью автоматизированное регулирование или судебное разрешение споров в международно-правовой сфере представляются маловероятными, нельзя считать, что международное право не может получить абсолютно никаких преимуществ от использования ИИ: есть задачи, подходящие для таких технологий в рамках процессов заключения договоров и вынесения судебных решений в сфере международного права, и соответствующая автоматизация может привести к функциональным улучшениям, следовательно, к некоторой ограниченной мере правового «замещения» или правового «усовершенствования»².

Более того, перспективы автоматизации выполнения даже отдельных профессиональных функций в международно-правовой практике в силу ряда факторов объективного и субъективного характера значительно отличаются от широко обсуждаемых в науке тенденций к трансформации юридической деятельности в связи с внедрением ИИ в правовую практику внутри государств.

К объективным факторам (действующим с учетом современного уровня развития технологий) относятся особенности нормативной материи международного права, сферы его действия, влияние внутренних и внешних политических обстоятельств на участие государств в международных отношениях; к субъективным – особенности восприятия властями государств, дипломатами, юристами, арбитрами, судьями перспектив использования инновационных технологий в международно-правовой сфере.

Так, Т. Бурри, отстаивая позицию о том, что международное право не может быть и не будет «автоматизировано», отмечает, что, несмотря на существенную трансформацию современной юридической практики в результате развития технологий ИИ, международно-правовая сфера значительным образом отличается в этом отношении от внутригосударственных правовых порядков, поскольку международное право лишено количественных и качественных характеристик, позволяющих автоматизировать многие

¹ См.: Sim Ch. Op. cit. – P. 12–13.

² См.: Maas M.M. Op. cit. – P. 47.

юридические процессы внутри государств¹. По мнению автора, основные причины такого положения дел состоят в следующем: во-первых, международный правовой порядок с точки зрения объема отношений относительно невелик. При этом эти отношения весьма разнообразны, хотя в них участвуют всего около 200 государств и нескольких десятков международных организаций (и даже с учетом неправительственных организаций и транснациональных корпораций круг участников остается достаточно узким); во-вторых, международное право выражено в форме международных договоров, число которых ограничено (и которые охватывают самый широкий круг вопросов и часто сформулированы в общих и расплывчатых формулировках), и обычаев, недостаточно определенных; в-третьих, международные споры нередко разрешаются дипломатическим путем и в условиях конфиденциальности; в-четвертых, относительно немногочисленные международные судебные решения посвящены самому широкому кругу вопросов, а более распространенные решения внутригосударственных судов, затрагивающие международное право, представлены на разных языках, часто недоступны и в любом случае имеют ограниченное значение в международном масштабе².

Характеризуя сложности создания инструментов, которые могли бы быть использованы юристами для решения проблем в сфере международного права (в сравнении с внутригосударственным опытом), А. Дикс отмечает, что переход к соответствующим новым практикам осложняется в связи с тем, что, во-первых, нынешний формат многих данных в сфере международного права может создать технические проблемы для исследователей; во-вторых, такие данные нередко представлены на разных языках; в-третьих, документы, которые содержат соответствующую информацию, достаточно редко представляют собой судебные решения, а чаще относятся к различным видам актов, таким как резолюции Совета Безопасности или заявления представителей исполнительной власти разных государств; в-четвертых, прогнозирование в сфере международного права всегда основано на гораздо меньшем количестве прецедентов, чем во внутригосударственной правовой сфере; в-пятых, с практической точки зрения правительства, как правило, не имеют достаточной «гибкости» для

¹ См.: Burri T. International law and artificial intelligence // German yearbook of international law / Jahrbuch für Internationales Recht. – 2017. – Vol. 60. – P. 92–95.

² Ibid. – P. 92–94.

освоения новых технологий (они сталкиваются с законодательными или иными регулятивными препятствиями, при осуществлении государственных закупок они могут быть вынуждены позволить конкурировать нескольким претендентам на заключение контрактов и могут сталкиваться с необходимостью преодоления бюджетных проблем); в-шестых, власти демократических государств могут столкнуться с проблемами обеспечения гражданских свобод, которые могут возникнуть при разработке таких инструментов, как программное обеспечение для распознавания эмоций (которое предполагает «обучение» на тысячах лиц конкретных людей) или для сбора и систематизации данных из социальных сетей (что предполагает обработку информации, опубликованной миллионами граждан)¹.

Наиболее ярко спектр технологических и этических проблем, на которые обращают внимание исследователи в контексте обсуждения возможностей использования ИИ в международно-правовой сфере, может быть проиллюстрирован результатами оценки перспектив автоматизации таких процессов, как выработка соответствующих рекомендаций для спорящих сторон или арбитров, принятие решений по правовым спорам или прогнозирование таких решений.

Среди существенных проблем отмечается, во-первых, риск формирования у программных средств, использующих алгоритмы машинного обучения, своего рода предубеждений, основанных на обработке имеющихся в их распоряжении данных (или даже риск восприятия существующей предвзятости). А. Дикс иллюстрирует данную проблему следующим образом: если гипотетически предположить, что страны с более развитой экономикой имеют тенденцию побеждать в арбитражах против менее развитых государств, потому что арбитры склонны думать, что более развитые страны имеют больше возможностей для поощрения (или резкой критики) арбитров после вынесения решения, то инструменты, которые призваны предсказывать вероятный исход арбитражных разбирательств, будут воспринимать эту неправомерную предвзятость арбитра и могут необоснованно удерживать менее развитое государство от инициирования перспективного разбирательства против более развитого государства². М. Шерер считает наиболее вероятным, что технологии искусственного интеллекта, основан-

¹ См.: Deeks A. Op. cit. – P. 598–600.

² Ibid. – P. 641.

ные на обработке информации, извлеченной из имеющихся входных данных, будут следовать сложившимся «консервативным» подходам и могут оказаться не адаптированными для принятия решений в условиях происходящих с течением времени политических изменений, и отмечает, что не следует слепо верить в алгоритмическую объективность и непогрешимость: любые компьютерные модели, основанные на работе с данными, «хороши» ровно настолько, насколько «хороши» входные данные, и поэтому существует риск того, что сложившиеся предубеждения будут ими унаследованы¹. В связи с рисками, связанными с предвзятостью, которую программы могут «унаследовать» от заложенной в них практики, эксперименты с искусственным интеллектом нередко обсуждаются в контексте потенциальных проявлений дискриминации: вопрос о том, не будет ли искусственный интеллект отдавать предпочтение позициям тех сторон, которые относятся к категориям лиц, наиболее часто выигрывающих споры (например, позициям крупных компаний или определенных государств), остается открытым².

Во-вторых, нельзя исключить, что входные данные, используемые технологиями ИИ для целей выработки той или иной позиции, могут содержать ошибки, быть недостоверными³, либо сами технологии могут быть недостаточно качественно разработаны. Кроме того, полноценная обработка имеющихся данных о внешнеполитической или международной практике может быть затруднена тем, что нередко такие данные являются «беспорядочными», неструктурированными, нечеткими⁴. В результате компьютерные системы могут вырабатывать ошибочные выводы, а юристы могут чрезмерно на них полагаться⁵.

¹ См.: Scherer M. Artificial intelligence and legal decision-making: the wide open? A study examining international arbitration // Journal of international arbitration. – 2019. – Vol. 36, N 5. – P. 572–573.

² См.: Sim Ch. Op. cit. – P. 12–13.

³ Так, М.М. Маас отмечает, что даже если в распоряжении имеются четкие и структурированные данные (например, содержащиеся в ленте аккаунта должностного лица государства в социальной сети *Twitter*), всегда существует риск фальсификации этих данных (см.: Maas M.M. Op. cit. – P. 45).

⁴ Ibid.

⁵ См.: Deeks A. Op. cit. – P. 642.

В-третьих, специалисты часто обращают внимание на так называемую проблему «черного ящика»¹, состоящую в отсутствии полноценной мотивировки решений, выработанных системами, основанными на использовании ИИ. Отстаивая отсутствие перспектив полной автоматизации принятия решений в рамках международных арбитражных разбирательств в условиях современного уровня развития технологий, К. Сим связывает эту проблему с легитимностью мотивировки решений, отмечая, что ни одна из соответствующих систем, существующих в настоящее время, не предоставляет объяснений того, как и почему принято то или иное решение, что несовместимо с социальной и политической функцией международного арбитража². Соответственно, для юристов, консультирующих государства по международно-правовым вопросам, может быть проблематичным полагаться на подобные непрозрачные технологии, поскольку им необходимо понимать, каким образом были выработаны соответствующие рекомендации³. Считается, что именно требование обоснованности принятия юридических решений станет серьезным препятствием для использования технологий ИИ для этой цели, поскольку даже если и можно выявить отдельные факторы, лежащие в основе выработанной той или иной программой позиции, это не может служить объяснением, убедительным для участников процессов разрешения споров⁴.

В-четвертых, необходимо учитывать, что значительную роль в разработке и сопровождении функционирования высокотехнологичных инструментов играют частные компании, и для создания некоторых из этих инструментов государствам может потребоваться предоставить таким компаниям доступ к защищенной или конфиденциальной информации, что даст им возможность манипулировать соответствующей информацией или фальсифицировать данные при создании алгоритма⁵.

В-пятых, в науке высказываются сомнения в доступности данных о внешнеполитической и международной практике в объеме, достаточном для использования их в качестве основы для выработки проектов юридических заключений, советов государствам,

¹ Подробнее об этом см.: Pasquale F. *The Black Box Society: the secret algorithms that control money and information*. – Cambridge, Massachusetts ; London, England : Harvard Univ. Press, 2015. – 260 p.

² См.: Sim Ch. Op. cit. – P. 12–13.

³ См.: Deeks A. Op.cit. – P. 642.

⁴ См.: Scherer M. Op. cit. – P. 573.

⁵ Ibid.

прогнозов посредством использования технологий ИИ. Т. Бурри отмечает, что данные, относящиеся к сфере международного права, остаются слишком ограниченными, чтобы искусственный интеллект мог научиться давать обоснованную юридическую оценку¹. Ограниченность объема доступных данных в связи с конфиденциальностью процессов и результатов взаимодействия участников разрешения споров констатируется в сфере разрешения споров дипломатическими средствами², а также, например, в рамках международных арбитражных разбирательств³. Я.-Й. Рим и К. Парк считают, что объем материалов разбирательств в Международном суде ООН или в системе разрешения споров в рамках Всемирной торговой организации является настолько ограниченным, что нельзя оптимистично оценивать перспективы создания в ближайшем будущем системы прогнозирования соответствующих решений на основе машинного обучения⁴.

Вместе с тем справедливость общих выводов, сделанных с учетом подобных проблем, зависит от того, для решения каких конкретно задач используются технологии искусственного интеллекта, насколько качественны используемые технологические разработки, о какой конкретно международно-правовой сфере идет речь и насколько разумно предполагается использовать полученные результаты.

Некоторые исследователи не видят непреодолимых проблем в рассматриваемом контексте. Группа исследователей из США и Канады отстаивает действенность использования методов машинной обработки данных в сфере международного экономического права и предлагает конкретные подходы к использованию технологий ИИ для исследовательской работы в данной области⁵. Известны сравнительно успешные попытки использования компьютерных программ для прогнозирования результатов рассмотрения дел Европейским Судом по правам человека⁶.

¹ См.: Burri T. Op. cit. – P. 95.

² Ibid. – P. 94.

³ См.: Sim Ch. Op. cit. – P. 12–13.

⁴ См.: Rhim Y.-Y., Park K. Op. cit. – P. 30.

⁵ См.: Alschner W., Pauwelyn J., Puig S. The data-driven future of international economic law // Journal of international economic law. – 2017. – Vol. 20, N 2. – P. 218.

⁶ См., напр.: Medvedeva M., Vols M., Wieling M. Judicial decisions of the European Court of Human Rights: looking into the crystal ball // Proceedings of the Conference on empirical legal studies in Europe 2018. – URL: <http://martijnwieling.nl/>

По словам Дж.П. Тречмана, право в целом, и в частности международное право можно рассматривать как фундаментально консервативную дисциплину, воплощающую дистрибутивный статус-кво в ее заботе о верховенстве права и в ее принципах, касающихся роли государства и того, как создается право¹. Подобный консерватизм помогает объяснить, почему юристы-международники не столь активно обращаются к технологиям для внедрения инноваций в свою деятельность².

Вместе с тем в настоящее время целый ряд внутренних и внешних факторов оказывают на практику государств в сфере международного права серьезное «давление», вынуждая юристов и дипломатов активнее «принимать на вооружение» инновации: правительства могут быть движимы стремлением не «отставать» от своих иностранных коллег и от частного сектора; у заказчиков услуг юристов-международников могут формироваться ожидания или требования, связанные с использованием искусственного интеллекта; появляются насущные потребности в обращении к общедоступным технологичным ресурсам, многие из которых уже стали незаменимыми в повседневной практике (такие, например, как веб-служба «Google Переводчик»)³. Это дает основания считать, что если не иметь чрезмерных ожиданий от использования ИИ в сфере разрешения международных споров и реалистично оценивать его потенциал с учетом современного развития технологий, широкое восприятие соответствующих методов во внешнеполитической и международной правовой практике – вопрос времени.

files/Medvedeva-submitted.pdf (дата обращения: 01.06.2021); Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: a natural language processing perspective / N. Aletras, D. Tsarapatsanis, D. Preoțiuc-Pietro, V. Lampos // PeerJ computer science. – 2016. – Vol. 2. – URL: <https://peerj.com/articles/cs-93/> (дата обращения: 01.06.2021).

¹ См.: Trachtman J.P. Welcome to cosmopolis, world of boundless opportunity // Cornell international law journal. – 2006. – Vol. 39, N 3. – P. 479.

² См.: Deeks A. High-tech International Law // The George Washington law review. – 2020. – Vol. 8, N 3. – P. 594.

³ Ibid. – P. 596.

Раздел III ПРАВОВОЙ СТАТУС И ЭТИКА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

И.А. Алешкова¹

ЦИФРОВОЙ СТАТУС ЛИЧНОСТИ И ПРАВОВОЙ СТАТУС ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: НОВОЕ В ЮРИДИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ

УДК 342, 342

DOI: 10.31249/pctii/2021.00.12

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции и перспективы развития цифрового статуса личности, а также проблемы формирования оптимальной модели правового регулирования взаимоотношений искусственного интеллекта (интеллектуального устройства, системы, модели) и человека.

Ключевые слова: правовой статус личности; правовой статус ИИ; цифровые технологии; субъекты права; идентификация личности; цифровая культура.

I.A. Aleshkova

The digital status of the individual and the legal status of artificial intelligence: new developments in legal constructions

Abstract. The article discusses the trends and prospects of the development of the digital status of the individual, as well as the problems of forming an optimal model of legal regulation of the relationship between artificial intelligence (an intelligent device, system, model) and a person.

Keywords: legal status of the individual; legal status of AI; digital technologies; subjects of law; identification of the individual; digital culture.

¹ Алешкова Ирина Александровна, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, кандидат юридических наук (*Irina Aleshkova*, senior researcher at the INION RAS, candidate of legal sciences).

Разнообразные цифровые технологии проникают во все сферы жизнедеятельности современного общества, они затрагивают основы правового положения личности, опосредуют выделение новых аспектов в содержании правового статуса личности и актуализируют проблему защиты прав человека в виртуальном мире, в том числе от самих информационных технологий¹. В этих условиях праведы всё чаще задаются вопросом о том, как существовать при новых технологиях и рождаемых ими отношениях между людьми, между гражданами и публичной властью².

Исследование особенностей и закономерностей развития ставших традиционными юридических конструкций в теории конституционного права позволяет познать главные, определяющие тенденции развития правового статуса личности и, следовательно, не только анализировать взаимосвязь цифровых прав с традиционными правами, сложившимися в реальной правовой среде, но и с большой долей вероятности прогнозировать развитие конституционализма в реальном и виртуальном пространстве.

В связи с этим актуальными являются вопросы: какие факторы в условиях цифровизации влияют на модернизацию устоявшихся юридических конструкций и какие из новых предлагаемых учеными и практиками моделей могут стать универсальными?

К вопросу об изменениях в типологии правового статуса личности в условиях цифровизации. С одной стороны, множественность видов правового статуса личности – явление, ставшее обыкновением, с другой стороны, появление нового вида пространства – виртуальной среды, глобально расширяющей за счет новых цифровых технологий возможности государства, общества

¹ См.: Зорькин В.Д. Право в цифровом мире // Российская газета. – 2018. – 29 мая; Аничкин Е.С. Модернизация конституционно-правового статуса личности в условиях формирования цифрового пространства // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 12. – С. 19–22.

² См.: Авакьян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 7. – С. 23–28; Кравец И.А. Информационный и цифровой конституционализм и конституционные общественные инициативы в условиях российского правового пространства // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 9. – С. 9–15; Побаев И.А., Симонова С.В. Алгоритмы в механизме реализации конституционных прав и свобод: вызовы цифровой эпохи // Сравнительное конституционное обозрение. – 2020. – № 6. – С. 31–50; Лунгу Е.В. Закономерности современных конституционных правоотношений // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 1. – С. 56–63 и др.

и человека, – обуславливает появление нового вида правового статуса личности – цифрового.

Цифровой статус личности отличается от традиционного не только тем, что включает цифровые права и обязанности, а также новые виды гарантий, взаимосвязей с традиционными правами, обязанностями и гарантиями, но и тем, что имеет особые критерии (индексы) идентификации.

Исходя из того, что *правовой статус личности* представляет собой определенную совокупность элементов, которые находятся между собой в определенных связях и взаимодействиях¹, отметим, что новым в юридической конструкции правового статуса личности являются критерии (индексы) идентификации личности, а также виды цифровых прав и обязанностей.

Цифровой статус личности характеризуется тем, что важным его элементом является идентификация личности. Как правило, идентификация необходима для того, чтобы подтвердить правосубъектность. Для входа в виртуальную реальность, выраженную в форме социальных сетей и цифровых платформ, цифровых профилей и др., надо обладать определенными идентифицирующими личность данными. Такого рода данные складываются из традиционных сведений о личности, способствующих ее идентификации, и новых сведений о личности (цифровых и биологических данных).

Традиционно достоверность идентифицирующих сведений осуществляется посредством проверки (аутентификации) оригиналов бумажной версии документов и (или) надлежащим образом заверенных копий. При этом следует заметить, что в реальной среде подтверждением принадлежности к определенному виду статуса являлся набор бумажных метрик (свидетельство о рождении, паспорт, приказ о назначении на должность и др.), содержащих сведения о личности только персонально социальные, в цифровой среде принадлежность к определенному статусу личности наряду с персонально социальными сведениями существенно расширяется, они дополняются сведениями, включающими и персонально биологическую информацию.

Достоверность сведений, необходимых для идентификации личности в цифровой среде, обеспечивается посредством проверки бумажной или цифровой версии документов, и (или) надлежа-

¹ См.: Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М., 2008. – С. 23–32.

щим образом заверенных копий и др. Вместе с тем преобладает «слепая» проверка цифровой идентичности, связанная в большинстве случаев с идентификацией личности с ИНН; используемым ею номером телефона; IP-адресом, привязанным к определенному жилому помещению, в котором проживает человек, и др. Однако это не гарантирует истинное соответствие идентифицируемого субъекта в его принадлежности к физическому лицу. В современный период идут поиск и разработка оптимальных критериев идентификации личности. Наряду с тем что продолжают оставаться востребованными устоявшиеся традиционные критерии идентификации в виде паспортных данных, ИНН, номера телефона и др., активно применяются различные виды биометрических данных (сетчатка глаз, дерматоглифы и др.), которые стали крайне ценной и нужной для подтверждения правоспособности информации.

Предоставление такого рода биологических сведений в ряде случаев осуществляется на добровольной, а в ряде случаев – на обязательной основе. Так, отказ от предоставления биометрической информации в виде отпечатка пальцев может стать основанием для ограничения ряда возможностей – например, получения визы, необходимой для реализации права на свободное передвижение. Получение доступа к участию в цифровой (электронной) демократии, цифровых государственных услуг посредством персональных гаджетов возможно также посредством биометрических данных.

Несмотря на то что многие сферы в области использования информации и информационных, в том числе цифровых, технологий уже урегулированы в праве¹, а также разработаны стандарты, направленные на решение возникающих в практике проблем, в

¹ См.: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Указ Президента РФ от 29.12.2012 № 1709 «О паспорте гражданина Российской Федерации, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации, содержащем на электронном носителе информации дополнительные биометрические персональные данные его владельца»; Правила предоставления оператором единой информационной системы персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным гражданина Российской Федерации, в МВД России и ФСБ России сведений, содержащихся в указанной системе, утв. постановлением Правительства РФ от 28.12.2018 № 1703, и др.

частности, связанных с обменом биометрической информацией¹, представляется необходимым совершенствование правового регулирования идентификации цифровой и биологической личности, а также защиты цифрового статуса личности. На актуальность данного аспекта активно обращается внимание в научной литературе².

Важным при этом является: 1) учет существующих биологических и генетических отклонений (мутаций), которые встречаются в природе (например, одним из них является отсутствие отпечатков пальцев³); 2) тот факт, что ответственность за сохранение идентификационных сведений несут четко определяемые на уровне внутригосударственного права субъекты, а в ситуации трансграничной цифровой среды существенным является наличие ответственных за сохранение имеющихся в этой системе персональных данных, что очень сложно в силу специфических характеристик глобальной сети Интернет; 3) то, что не отработан механизм определения использования возможностей цифровой идентификации, создает

¹ См.: ГОСТ Р 58298-2018 (ИСО/МЭК 19794-4:2011): Национальный стандарт Российской Федерации. Информационные технологии. Биометрия. Форматы обмена биометрическими данными. Ч. 4.: Данные изображения отпечатка пальца (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 05.12.2018 № 1069-ст). – М., 2018.

² См.: Gratton E., Girard R. Using Social Insurance numbers for identification purposes: Canadian perspective on legal and privacy risks // *Trusts & Trustees*. – 2017. – Vol. 23, N 4. – P. 431–452. – URL: <https://academic.oup.com/tandt/article-abstract/23/4/431/2962624?redirectedFrom=fulltext> (дата обращения: 24.06.2021); Jääskeläinen F.M. Una reflexión desde la teoría de los derechos fundamentales sobre el uso secundario de los datos de salud en el marco del Big Data // *Revista de Derecho Político*. – 2019. – N. 106. – P. 43–75. – URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=7156660> (дата обращения: 24.06.2021); Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // *Журнал российского права*. – 2019. – № 11. – С. 25–42; Finck M., Pallas F. They who must not be identified – distinguishing personal from non-personal data under the GDPR // *International Data Privacy Law*. – 2020. – Vol. 10, N 1. – P. 11–36. – URL: https://www.researchgate.net/publication/336468002_They_Who_Must_Not_Be_Identified_-_Distinguishing_Personal_from_Non-Personal_Data_Under_the_GDPR (дата обращения: 24.06.2021).

³ См.: Чайка Ю. Без отпечатков пальцев. Как живут люди с редкой генетической мутацией // *Фокус. Технологии и наука*. – 2021. – URL: <https://focus.ua/technologies/470891-bez-otpechatkov-palcev-kak-zhivut-lyudi-s-redkoy-geneticheskoy-mutatsiey> (дата обращения: 05.06.2021).

предпосылки для роста числа призрачных бенефициаров, а также возможность вторичного использования данных¹.

Таким образом, значимым элементом правового статуса личности является достоверная идентификация личности.

Также важным, учитывая трансграничность виртуальной среды, является и такой элемент, как осознание субъектом права своей принадлежности к нации (гражданственности). Учитывая, что интенсивное развитие новых информационно-коммуникационных технологий может оказать влияние на переформатирование самосознания, внутренних нравственных установок и ценностей, в последнее десятилетие на государственном уровне все чаще обозначается потребность в укреплении гражданской идентичности, сохранении уникальных российских конституционных ценностей. В частности, на это обращается внимание в ряде стратегических документов².

Отказ государства от решения этих задач может привести к рискам стихийного формирования идентичности в цифровых (субкультурных) пространствах социализации и деградации общегражданской культуры.

Стремление предотвратить размывание национально-государственного суверенитета обуславливает соблюдение принципа конституционной идентичности. «Концепция национальной конституционной идентичности позволяет определять наиболее значимые положения Конституции и основанного на них национального правопорядка и служит сдерживающим фактором, правовой преградой на пути непредсказуемой активистской экспансии со стороны наднационального регулирования»³. Соответственно, в

¹ См.: Sandvik K.B. Digital Dead Body Management (DDBM): time to Think it Through // Journal of human rights practice. – 2020. – Vol. 12, N 2. – P. 428–443. – URL: <https://www.prio.org/utility/DownloadFile.ashx?id=2125&type=publicationfile> (дата обращения: 05.06.2021).

² См.: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666; Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 г., утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203; Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»; Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 06.09.2010 № 1485-р; Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р и др.

³ См.: Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. – 2017. – № 4. – С. 4.

современном цифровом обществе на передний план выдвигается значимость качественного образования и гражданской солидарности. Качественное образование становится не только средством освоения новых цифровых технологий, но и основой укрепления единой общегражданской цифровой культуры и общегражданской цифровой идентичности.

Таким образом, еще одним из элементов конструкции правового статуса личности является цифровая (информационная) культура личности¹.

Переход от индустриального к постиндустриальному обществу создал потребность в укреплении общественной сплоченности, или консолидации, интегрированной в идею солидарности. И если в индустриальном обществе оценка степени солидарности людей основывалась на анализе публичного статуса, который предопределялся гражданством, политическим, социальным и экономическим положением человека, то в постиндустриальном обществе в границы правовых возможностей человека вклиниваются биологический, информационный, интеллектуальный, экологический и иные статусы, влияющие на солидарное взаимодействие индивидов и сообществ под влиянием научно-технического прогресса².

Если говорить еще об одном нововведении в юридической конструкции цифрового статуса личности, а именно цифровых правах и обязанностях, следует отметить, что понятие «*цифровые права*» вошло в научный оборот в отечественном правоведении. В.Д. Зорькин отмечает, что «цифровые права – это, по сути, конкретизация (посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных, актов) универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств, – применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации»³.

¹ См.: Fidiyani R., Sulistianingsih D., Pujiono P. Law and ethics of communicating in social media // Jurnal dinamika hukum. – Purwokerto, 2017. – Vol. 17, N 3. – P. 260. – URL: file:///C:/Users/HP/Downloads/LAW_AND_ETHICS_IN_SOCIAL_MEDIA_COMMUNICATION.pdf (дата обращения: 05.06.2021); Лорсанова З.М. Подходы к определению понятия «информационная культура» // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – № 51–1. – С. 52–55 и др.

² См.: Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А. Принцип солидарности в постиндустриальном обществе: особенности содержания и тенденции развития // Международное публичное и частное право. – 2021. – № 1. – С. 4.

³ См.: Зорькин В.Д. Право в цифровом мире // Рос. газета. – 2018. – 29 мая (Столичный выпуск), № 115 (7578). – URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha>

Следует подчеркнуть, что взаимосвязь цифровых прав и обязанностей с традиционными правами и обязанностями является неразрывной. Инструментом, обеспечивающим их неразрывность в быстро меняющемся постиндустриальном мире, являются принципы конституционного права. По мнению В.В. Невинского, в правовом регулировании цифровизации экономики и общества конституционные принципы взаимоотношения человека и государства должны оставаться ориентиром для развития правового регулирования цифровых прав человека в России¹.

Принципы в конституционном праве имеют устойчивую повторяемость и способствуют циркуляции универсальных прав человека в цифровом пространстве². Каждый принцип конституционного права служит основой взаимодействия между собой элементов различных видов правового статуса личности.

Носителями цифровых прав и обязанностей выступают две группы субъектов – обладатели информации и пользователи информации.

В системе цифровых прав представляется возможным выделить следующие: право на доступ к Интернету; право на цифровую автономию; право на доступ к цифровой информации; право на защиту от нежелательной цифровой информации; право на цифровую конфиденциальность; право на цифровые услуги; право на цифровую коммуникацию; право на забвение в сети Интернет; право на свободу выбора цифрового профиля; право на информационную приватность; право на информационную безопасность, право на цифровую идентификацию; право на управление своей цифровой информацией и др.³

Основными отличиями идентитета личности в цифровой среде являются три системно взаимосвязанных элемента – биологический, социальный и психологический. Особую важность приобретают такие универсальные регуляторы общественных отно-

gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html (дата обращения: 21.06.2021).

¹ См.: Невинский В.В. «Цифровые права» человека : сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 10. – С. 26–32.

² См.: Талапина Э.В. Алгоритмы и искусственный интеллект сквозь призму прав человека // Журнал российского права. – 2020. – № 10. – С. 25–39.

³ См.: Умнова И.А., Алферова Е.В., Алешкова И.А. Цифровое развитие и права человека : монография / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед., отд. Правоведения ; под. общ. ред. И.А. Умновой-Конюховой. – М., 2021. – С. 111.

шений, как добросовестность, уважение друг к другу, равенство возможностей, гражданский мир и др. Прогрессивное и созидательное развитие личности в цифровой среде зависит от тесной взаимосвязи элементов, характерных для всех видов правовых статусов личности, от качества защищенности входящих в их содержание прав и свобод, от степени выполнения обязанностей.

Исходя из того, что в эпоху применения инновационных прорывных технологий и развития информационного (цифрового) общества возрастает роль права, и особенно конституционного права¹, полагаем, что основным стабилизирующим устойчивое обеспечение цифрового статуса личности элементом как выступали, так и будут выступать принципы конституционного права и уровень информационной цифровой культуры гражданского общества.

К вопросу о появлении новых субъектов в праве. Цифровая среда обусловила появление дискуссии о новых субъектах в праве², об их правовом статусе. В числе новых субъектов права выделяют различные разновидности искусственного интеллекта (формы выражения роботизации, алгоритмические средства, информационные системы и т.д.). А.В. Минбалеев субъектами цифровых отношений называет роботов, цифровых личностей, операторов больших данных и т.п.³

Определение не только видов указанных субъектов, но и их правового статуса является одной из актуальных проблем современности. В научной литературе обсуждаются определения понятий «искусственный интеллект», «поисковая система», «роботизированный агент», «андроид» и иных видов алгоритмизированных и роботизированных операционных или поисковых систем.

В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», определено, что «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имити-

¹ См.: Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 25–42.

² См.: Певцова Е.А. Влияние искусственного интеллекта на правовую деятельность человека // Журнал российского права. – 2020. – № 9. – С. 19–31.

³ См.: Минбалеев А.В. Цифровые правоотношения: понятие, виды, структура, объекты // Цифровое право : учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. – М., 2020. – С. 67.

ровать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» (п. 5 а).

Исследования в области искусственного интеллекта развиваются по двум направлениям: логическому и нейрокибернетическому (первое занимается созданием прикладного (слабого) ИИ, решает одну или несколько задач, а второе направлено на создание универсального (сильного) ИИ, по сути, аналога человеческого мозга, способного решать любые интеллектуальные задачи)¹. Вокруг же роботизированных комплексов и систем ведутся активные дискуссии относительно их правового статуса и взаимосвязи с человеком².

Вместе с тем, учитывая, что алгоритмы могут быть в разной степени интегрированы в сложную систему взаимодействия между людьми, между людьми и машинами, в том числе подразумевающую взаимодействие алгоритмов машинного обучения, не обучающихся алгоритмов и «многоагентных систем»³, до настоящего времени остаются не решенными вопросы, касающиеся как видов субъектов цифровых отношений, так и правового статуса ИИ. При этом в научной литературе было предложено несколько подходов к их правовому регулированию:

- решить вопрос по аналогии с физическими лицами;
- приравнять роботов к животным;

¹ См.: Андреев В.К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта // Журнал российского права. – 2020. – № 3. – С. 59–60.

² См.: Серова О.А. Роботы как участники цифровой экономики: проблемы определения правовой природы // Гражданское право. – 2018. – № 3. – С. 22–24; Попондопуло В.Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. – 2019. – № 6. – С. 29–36; Михалева Е.С., Шубина Е.А. Проблемы и перспективы правового регулирования робототехники // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 12. – С. 26–35; Колоколов Н.А. Еще раз об искусственном интеллекте в правосудии // Уголовное судопроизводство. – 2020. – № 4. – С. 3–6 и др.

³ См.: Mehr H. Artificial intelligence for citizen services and government / Harvard Ash Center for Democratic Governance and Innovation. – Cambridge, 2017. – P. 10–14. – URL: https://ash.harvard.edu/files/ash/files/artificial_intelligence_for_citizen_services.pdf (дата обращения: 25.06.2021).

– использовать концепцию, близкую к юридическим лицам. Многие ученые отдают предпочтение последней модели¹.

Поддерживая позицию тех ученых, которые считают, что ИИ выступает как источник повышенной опасности², подчеркнем, что, исходя из того, что ИИ является неодушевленным предметом, он не может выступать как самостоятельный субъект правоотношений, в этом вопросе следует исходить из концепции, в которой существенное значение имеет взаимосвязь ИИ с конкретным человеком. Заметим, что в последнее десятилетие наблюдаются беспрецедентный рост значения цифровых данных и алгоритмов в государственной политике и управлении, совершенствование старых и появление новых интеллектуальных устройств и систем. Однако очевидно, что отсутствие у ИИ сознания, воли и производительность его от человека являются предпосылками для признания его результатом интеллектуальной деятельности. Вместе с тем стоит согласиться и с тем фактом, что отсутствие среди характеристик категории «юридическое лицо» воли и сознания, а также его производительность от человека не помешали ему (юридическому лицу) стать полноценным участником правоотношений. Соответственно, с одной стороны, если говорить о юридическом статусе ИИ, то необходима методология, которая позволит выделять определенные виды ИИ, которые могли бы стать полноценными участниками правоотношений, с другой стороны, – к этому вопросу следует подходить, руководствуясь диалектической взаимосвязью принципов должной осмотрительности и умеренной предосторожности.

Представляется, что в отношении оптимальной модели регулирования правового статуса ИИ следует исходить из отказа от традиционного понимания правоотношения, так как классические его элементы в цифровом мире и мире, в котором активно используются инновационные технологии, обладающие ИИ, – субъекты права, объекты права и содержание, права и обязанности участников – получают специфическое выражение.

К вопросу об оптимальной модели правового регулирования взаимоотношений искусственного интеллекта (интеллектуального устройства, системы, модели) и человека. В научной

¹ См.: Федорина А.А. К вопросу о правовом статусе робототехники и искусственного интеллекта // Бизнес и право. Приложение к журналу «Предпринимательское право». – 2018. – № 4. – С. 3–8.

² См.: Антонов А.А. Искусственный интеллект как источник повышенной опасности // Юрист. – 2020. – № 7. – С. 69–74.

литературе преобладает позиция, что в условиях роботизированного будущего цифрового общества участие человека в управлении обществом должно быть доминирующим. За человеком должно оставаться окончательное решение¹.

На наш взгляд, не следует рассматривать и характеризовать ИИ как самостоятельный субъект права. Возможен только синтезированный подход к его статусу наряду с конкретным субъектом права, т.е. с тем, кто им управляет или создает.

Принципы правового статуса ИИ. Существенное значение для формирования оптимальной модели правового статуса ИИ имеют принципы правового статуса ИИ, так как именно они в условиях переходного периода способны обеспечить устойчивость правового развития ставших уже традиционными правоотношений и правоотношений, появляющихся в связи с внедрением в нашу жизнедеятельность ИИ. Принципам как элементам правового статуса личности существенное внимание уделялось в советский период времени. Так, например, Л.Д. Воеводин в числе принципов правового статуса личности называл сочетание личных и общественных интересов; всеобщую доступность прав и непреложность обязанностей; равноправие граждан и гуманизм². Е.И. Козлова выделяла: 1) равноправие прав, свобод и обязанностей человека и гражданина; 2) гарантированность прав и свобод; 3) неотъемлемость; 4) недопустимость ограничения; 5) принцип обладания каждым не только правами, но и обязанностями³. Однако принципам правового статуса ИИ, учитывая, что как правовое явление ИИ появился совсем недавно, не уделено столь значительного внимания, как правовому статусу личности. Вместе с тем следует отметить, что предпринимались также попытки формирования принципов, которые возможно положить в основу правового статуса ИИ, со стороны ученых, которые непосредственно связаны с созданием робототехники. Так, в 2017 г., когда уже стало очевидно, что вопрос требует нормативно-правового регулирования, почти

¹ См.: Государство и право в новой цифровой реальности : монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. И.А. Умновой-Конноховой и д-ра техн. наук, проф. Д.А. Ловцова ; отв. науч. ред.-сост. Е.В. Алферова. – М. : РАН. ИНИОН, 2020. – С. 174–175.

² См.: Воеводин Л.Д. Содержание правового положения личности в науке советского государственного права // Советское государство и право. – 1965. – № 2. – С. 42–50.

³ См.: Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Принципы правового статуса человека и гражданина // Конституционное право России. – 2010. – С. 184–192.

четырьмя тысячами ученых в данной области были подписаны так называемые «Азиломарские принципы»¹ Международного института будущих поколений².

Фактическое отсутствие устоявшейся и доказавшей положительную результативность современной модели правового регулирования деятельности человека в тех сферах, где он напрямую конкурирует с миром автоматизированных механизмов, ИИ (с учетом возрастания влияния на сознание индивида скорости и простоты восприятия получаемой информации посредством цифровых технологий), обуславливает потребность в поиске оптимальной модели для переходного периода, способной стать как минимум превентивной мерой для защиты современного цифрового общества от деградации.

Тенденции и перспективы развития правового статуса личности и правового статуса искусственного интеллекта. Развитие правового статуса личности в цифровую эпоху и правового статуса искусственного интеллекта характеризуется определенными тенденциями, свидетельствующими об актуальности данных правовых явлений в современном периоде.

Одна из наиболее заметных тенденций – появление новых видов правового статуса личности, следующая – развитие принципов правового статуса ИИ. Третья тенденция – дифференцированный подход в правовом регулировании правового статуса ИИ. Дифференцированный подход в регулировании правового статуса, по сути, выступает уточняющим критерием в регламентации правового регулирования.

Дифференциация – противоположность интеграции. Если интеграция обозначает объединение, сближение, слияние, то дифференциация – это отделение, обособление, разъединение; выделение по единому принципу, исходя из одной отправной точки. Дифференцировать – значит различить, выделить при рассмотрении, изучении чего-либо. В зарубежной философии и социологии разрабатывали различные аспекты дифференциации – Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, М. Вебер, А. Маршалл, В. Паретто, Т. Парсонс (структурно-функциональная школа) и др. В этом контексте принцип дифференцированного подхода в регулировании цифрового статуса

¹ См.: Asilomar AI Principles. – URL: <https://futureoflife.org/ai-principles/> (дата обращения: 20.05.2021).

² См.: Бегишев И.Р. Искусственный интеллект и робот как правовые категории // Безопасность бизнеса. – 2020. – № 6. – С. 32.

личности и правового статуса ИИ требует тщательного учета всей сложности социальной и публичной сущности цифровой среды, а также ее параллельности с реальным жизненным миром.

Дифференцированный подход представляется осевым основанием для формирования общего конституционно-правового статуса человека, а также средством выделения специальных статусов, в том числе и цифрового статуса личности.

Важно подчеркнуть, что имеются *тенденции к развитию новых специальных правовых статусов личности*. Так, на уровне Совета глав правительств СНГ определено, что «информационный статус личности предусматривает реализацию конституционных прав и свобод гражданина в следующих областях: защищенность от незаконного вмешательства в личную жизнь; реализация прав на защиту персональных данных; защита интеллектуальной собственности; поиск, получение, хранение, передача и распространение полной, достоверной и своевременной информации; информационное участие в государственном управлении; «электронная занятость», дистанционное («электронное») образование, электронное здравоохранение; социальная защита¹.

Вместе с тем следует отметить постепенное внесение изменений в российское законодательство в части правового регулирования вопроса о биометрической идентификации.

В частности, Федеральным законом от 29.12.2020 № 479-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» определено, что отказ клиента от размещения его биометрических персональных данных в единой биометрической системе не может служить основанием для отказа ему в обслуживании; допускается вариант идентификации физического лица, в том числе и без его личного присутствия, государственными органами, органами местного самоуправления, организациями, ИП, нотариусами в определенных нормативными правовыми актами случаях, путем установления и проверки достоверности сведений о нем с использованием:

¹ См.: Решение Совета глав правительств СНГ «О Стратегии обеспечения информационной безопасности государств – участников Содружества Независимых Государств» (принято в г. Москве 25.10.2019). – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=65191#04987077319386326> (дата обращения: 12.06.2021).

– сведений о физическом лице, размещенных в единой системе идентификации и аутентификации, в порядке, установленном Правительством РФ;

– информации о степени соответствия предоставленных биометрических персональных данных физического лица его биометрическим персональным данным, содержащимся в единой биометрической системе.

Соответственно, субъекты, осуществляющие идентификацию физического лица, вправе использовать единую биометрическую систему для аутентификации физического лица, выразившего согласие на ее проведение, в целях совершения определенных действий или подтверждения волеизъявления либо подтверждения полномочия лица на совершение определенных действий. Установлены критерии, которым должны соответствовать организации (кроме организаций финансового рынка) и ИП.

Нововведением является и то, что установлено право банков с базовой лицензией собирать биометрические данные в единую биометрическую систему после направления соответствующего заявления в Банк России; также кредитные организации вправе проводить без личного присутствия клиента, используя единую систему идентификации и аутентификации и единую биометрическую систему, все операции и сделки; закреплено, что физическое лицо вправе подписать согласие на обработку персональных данных и биометрических персональных данных простой электронной подписью, ключ которой получен им при личной явке в соответствии с правилами использования простой электронной подписи при обращении за получением государственных и муниципальных услуг в электронной форме.

Кроме того, установлено, что в целях предоставления государственных и муниципальных услуг личность заявителя может устанавливаться посредством идентификации и аутентификации в органах, предоставляющих государственные или муниципальные услуги, или в МФЦ.

Кроме того, всё чаще стали использоваться в законодательстве и в документах по стандартизации понятия «идентификация» и «аутентификация»¹.

¹ См., напр.: Федеральные законы: от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»; от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что основные принципы правового статуса человека характеризуют содержание прав и свобод с точки зрения ценностей, которые они в себе заключают, создают осевую пружину, обеспечивающую действенность прав и свобод, а также определяют ключевые элементы взаимоотношений человека, общества и государства как в реальной, так и в цифровой среде.

Вместе с тем следует заметить, что в складывающемся цифровом сообществе утрачивается ценность уважения возраста, происходит рождение цифровых фантомов без возможности выявить нередко уникальные человеческие характеристики. Этот момент никак не урегулирован правом. Передача знаний происходит без учета положительных человеческих качеств личности, в виде сухой информации.

Соответственно, оптимальными представляются корректная модернизация методов правового регулирования, связанного с реализацией личной конфиденциальности и автономии правовых интересов, оперативная нейтрализация рисков по обеспечению универсальных прав человека и принятие мер по поддержанию надлежащего уровня их защиты.

Перспективы развития электронной коммуникации зависят от множества значимых факторов. В их числе – социальная стабильность, достижение социального компромисса и общественного согласия, социальная солидарность и социальное партнерство. Важное значение при этом имеют развитие информационной культуры и цифровой грамотности российского общества, эффективное развитие правовой кибернетики и цифрового права.

На наш взгляд, особое внимание следует уделить именно цифровой культуре, создаваемой исходя из конституционных принципов¹. Цифровая культура как фактор идентификации чело-

Российской Федерации (Банке России)»; от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», а также – Методический документ: Меры защиты информации в государственных информационных системах (утв. ФСТЭК России 11.02.2014); ГОСТ Р 58833-2020: Национальный стандарт Российской Федерации. Защита информации. Идентификация и аутентификация. Общие положения (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 10.04.2020 № 159-ст) и др.

¹ См. об этом: Умнова И.А., Алферова Е.В., Алешкова И.А. Цифровое развитие и права человека : монография / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-

века в цифровом пространстве и элемент, характеризующий его идентичность с государством, должна опираться на конституционные ценностные ориентиры. Их система, как правило, формируется из духовных ценностей, традиций, норм и образцов поведения, которые стали частью государственной культуры.

Г.Д. Власов¹

ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ЕВРОПЕЙСКИЙ ОТВЕТ

УДК 340, 342

DOI: 10.31249/pctii/2021.00.14

Аннотация. Процессы технологического развития ставят на повестку дня вопрос о необходимости создания механизмов правового регулирования технологий искусственного интеллекта и надежной защиты фундаментальных прав и свобод в свете рисков, связанных с внедрением новых технологий. В статье рассматривается предложенный Европейской комиссией проект создания нормативной базы для использования технологий искусственного интеллекта в Европейском союзе, критически анализируются ключевые положения предложенного проекта Акта об искусственном интеллекте, и в частности достаточность предлагаемых норм для защиты фундаментальных прав. Кроме того, раскрывается ряд актуальных проблем, связанных с правовым регулированием сферы искусственного интеллекта.

Ключевые слова: цифровизация; искусственный интеллект; права человека; неприкосновенность частной жизни; право ЕС; Общий регламент по защите персональных данных; Акт об искусственном интеллекте; Европейская комиссия.

G.D. Vlasov
**Legal challenges of artificial intelligence:
European response**

Abstract. The processes of technological development put on the agenda the need to establish the legal frameworks for the artificial intelligence technologies and for the robust protection of the fundamental rights and freedoms in light of the risks connected to the implementation of the new technologies. The article considers the regulatory framework for the use of AI technologies in the European Union, proposed by the European Commission. The article critically analyzes the key provisions of the pro-

¹Власов Георгий Дмитриевич, научный сотрудник ИНИОН РАН (Georgy Vlasov, researcher at the INION RAS).

posed Artificial intelligence act, in particular the sufficiency of the proposed legal provisions for the purpose of protection of the fundamental rights. Additionally, the article elaborates on some actual problems of legal regulation of the artificial intelligence.

Keywords: digitalization; artificial intelligence; human rights; privacy policy; EU law; General Data Protection Regulation; Artificial intelligence act; European commission.

Развитие информационных (цифровых) технологий сегодня фундаментальным образом изменяет окружающий человека мир, а также оказывает глубокое воздействие на характер общественных отношений, сложившихся в предыдущие эпохи человеческой истории. Этот процесс, наряду с базовыми вопросами философского, этического и экономического характера, ставит на повестку дня и ряд правовых проблем, которые требуют осмысления и решения. Одна из таких проблем – соотношение технологических возможностей искусственного интеллекта (ИИ) и основных прав и свобод, в том числе – права на неприкосновенность частной жизни.

В современном российском законодательстве и правовой литературе не содержится полного и исчерпывающего определения частной жизни. Американский юрист, главный судья Верховного суда штата Мичиган Томас Кули в своей работе «Трактат о деликтах» дал весьма емкое определение частной жизни (privacy) как «права быть оставленным в покое» (right to be left alone)¹. Цитируя Кули в своей ставшей хрестоматийной статье «Право на частную жизнь», опубликованной в юридическом журнале Гарвардского университета, американские юристы Сэмюэль Уоррен и Луи Брэндайс отмечали, что «последние изобретения и методы ведения бизнеса привлекают внимание к необходимости защиты личности»², а «современные предприятия и изобретения посредством вторжения в его [человека] частную жизнь подвергли его душевной боли и страданиям гораздо более сильным, чем те, которые могут быть причинены телесными ранами»³. Сегодня, когда процесс развитие цифровых технологий ставит на повестку дня вопросы защиты частной жизни, равно как и некоторых других из основных прав и свобод, эти слова вновь звучат актуально.

¹ См.: Cooley Th.M. A treatise on the law of torts or the wrongs which arise independent of contract. – Chicago, 1879. – P. 29.

² См.: Warren S.D., Brandeis L.D. The right to privacy // Harvard law rev. – 1890. – Vol. 4, N 5. – P. 195.

³ Ibid. – P. 196.

Очевидно, что множество аспектов, связанных с наблюдаемым сегодня внедрением технологий ИИ в повседневную общественную и экономическую практику, не может оставаться вне сферы правового регулирования. Необходимость правового регулирования ИИ сегодня становится все более очевидной и осознается как на уровне отдельных государств, так и на международном уровне. Авторы статьи «Трансформация права в контексте цифровизации: в поиске приоритетов» выделяют два основных подхода к будущему развитию права в контексте цифровизации – утилитарный и методологический¹. Утилитарный подход характеризуется решением отдельных функциональных задач, с которыми будут сталкиваться правовые системы государств в ходе процесса цифровизации экономики, при этом международное сотрудничество в этой области будет ограничиваться отдельными частными вопросами, в том числе решаемыми в рамках международных организаций. Методологический подход, напротив, подразумевает выработку всестороннего глобального подхода к вопросам развития права в связи с процессом цифровизации, включающего такие важные измерения этого процесса, как его этические, социальные, технологические и политические аспекты².

Если принимать во внимание как объективные различия существующих правовых систем в их подходах к тем или иным правовым институтам, так и глобальные политические тенденции, выражающиеся в обострении противоречий между рядом государств, использовании механизмов санкционного давления в политических целях, и тому подобные факторы, то реализация подхода, обозначенного авторами как «утилитарный», представляется гораздо более вероятной и реалистичной. Вряд ли можно в обозримой перспективе ожидать выработки некоего общего всеобъемлющего подхода к проблеме права в связи с новыми технологиями (в том числе технологиями ИИ), учитывая, что аналогичные всеобъемлющие подходы до сих пор не выработаны по многим другим правовым вопросам, в области изучения которых уже накоплен гораздо более солидный опыт, нежели в вопросах, связанных с цифровыми технологиями и искусственным интеллектом.

Другая проблема связана с выработкой необходимой теоретической базы понятий и определений, которые смогут служить

¹ См.: Sidorenko E.L., Arx P. von. Transformation of law in the context of digitalization: defining the correct priorities // Digital law journal. – 2020. – Vol. 1, N 1. – P. 27. – URL: <https://www.digitallawjournal.org/jour/article/view/5> (дата обращения: 11.06.2021).

² Ibid. P. 28

основой для регулирования ИИ. Как показывает практика, на сегодняшний день доктринальные исследования в области правового регулирования ИИ находятся скорее на начальном уровне, и среди правоведов ведется оживленная дискуссия по широкому кругу проблем, связанных с внедрением ИИ, в частности по вопросам правосубъектности ИИ, института права, который должен регулировать сферу его применения, вопросам авторского права применительно к продуктам деятельности ИИ и т.д.

Что касается решения тех или иных конкретных, практических правовых вопросов, которые возникают относительно ИИ, значительный интерес представляет внесенное Европейской комиссией в апреле 2021 г. предложение по созданию правовой базы для регулирования ИИ¹. Предложенный Европейской комиссией проект постановления Европейского парламента и Совета, устанавливающего унифицированные правила для искусственного интеллекта (*Акт об искусственном интеллекте*) и вносящего поправки в некоторые законодательные акты Союза (Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (*Artificial intelligence act*), and amending certain union legislative acts), призван заложить правовые основы использования технологии ИИ и представляет собой результат более чем двух лет аналитической работы, к которой были привлечены ученые, представители государств – членов ЕС, бизнеса, общественности, неправительственные организации и т.д.²

Отмечая в преамбуле документа положительный экономический и социальный эффект, который может иметь внедрение технологий ИИ, авторы обращают внимание и на тот факт, что эти же технологии несут с собой и определенные риски как для отдельных людей, так и для общества в целом. В качестве одного из ключевых исходных положений развития ИИ называется его человекоцентричность (*human-centric*), которая раскрывается как уверенность людей в том, что технологии ИИ будут безопасны, а также будут развиваться в соответствии с законом, включая соблюдение фундаментальных прав человека³.

¹ См.: Proposal for a Regulation laying down harmonised rules on artificial intelligence. – URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/proposal-regulation-laying-down-harmonised-rules-artificial-intelligence> (дата обращения: 11.06.2021).

² Ibid. – P. 8.

³ Ibid. – P. 1.

Исходя из этого, а также из ранее проведенной органами ЕС правовой работы в области ИИ, авторы проекта сформулировали задачи документа следующим образом:

– обеспечить безопасное и правомерное использование систем ИИ, выходящих на рынок ЕС, в соответствии с существующим европейским законодательством по вопросам фундаментальных прав человека, а также с ценностями ЕС;

– обеспечить правовую определенность в целях содействия инвестициям и инновациям в сфере ИИ;

– повысить качество управленческой деятельности и эффективность применения существующего законодательства в сфере фундаментальных прав человека и требований безопасности, применимых к системам ИИ;

– способствовать развитию единого рынка для правомерных, безопасных и надежных систем ИИ и предотвратить фрагментацию рынков.

Важнейшее значение для будущего правового регулирования сферы ИИ имеет разработка приемлемого правового определения самого понятия искусственного интеллекта. Ряд российских правоведов уже предприняли попытки дать такое определение¹. При этом представляется, что некоторые из предлагаемых определений иногда страдают отсутствием юридической лапидарности и излишне перегружены частными техническими деталями.

В связи с этим большой интерес представляет определение системы ИИ, предложенное авторами европейского проекта. Под *системой искусственного интеллекта* в документе понимается программное обеспечение, которое может создавать результаты, такие как контент, прогнозы (predictions) рекомендации или решения, влияющие на окружающую среду, с которой они взаимодействуют, и которое разработано с использованием одной или нескольких из следующих техник:

а) методы машинного обучения, включая контролируемое, неконтролируемое обучение и обучение с подкреплением, с использованием широкого круга методов, включая глубокое обучение;

б) подходы, основанные на логике и знаниях, включая представление знаний, индуктивное (логическое) программирование,

¹ По этому вопросу см.: Андреева Г.Н. Состояние доктринальных исследований правового регулирования искусственного интеллекта в России по работам российских юристов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2021. – № 1. – С. 11–23.

базы знаний, механизмы логического и дедуктивного вывода, формирования решений путем манипулирования символами, экспертные системы;

с) статистические подходы, байесовское оценивание, методы поиска и оптимизации¹.

Как видим, предложенное определение системы ИИ является довольно широким. Авторы проекта отмечают, что предлагаемое ими определение является всеобъемлющим и не утратит актуальность со временем (future-proof)². В связи с этим интересно сравнить предлагаемое определение системы ИИ с определениями, содержащимися в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (далее – Стратегия). Данная Стратегия содержит описание как технологии ИИ, так и непосредственно самого ИИ. Определение ИИ в документе выглядит следующим образом: «Искусственный интеллект – комплекс технологических решений, имитирующий когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и позволяющий при выполнении задач достигать результатов, как минимум сопоставимых с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, в котором в том числе используются методы машинного обучения, процессы и сервисы по обработке данных и выработке решений» (п. 5 а). *Технологии искусственного интеллекта* в документе определяются как «технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта» (п. 5 б). Кроме того, Стратегия отдельно выделяет и так называемые «перспективные методы искусственного интеллекта», под которыми по-

¹ Определение выведено путем системного рассмотрения положений ст. 3 вышеназванного проекта постановления Европейского парламента и Совета и приложения I к нему, поскольку определение ИИ, приведенное в ст. 3, содержит отсылку на приложение I, в котором перечислены конкретные техники и методы, применение которых в программном обеспечении позволяет квалифицировать его как систему ИИ.

² См.: Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial intelligence act) and amending certain union legislative acts. – P. 3.

нимаются «методы, направленные на создание принципиально новой научно-технической продукции, в том числе в целях разработки универсального (сильного) искусственного интеллекта (автономное решение различных задач, автоматический дизайн физических объектов, автоматическое машинное обучение, алгоритмы решения задач на основе данных с частичной разметкой и (или) незначительных объемов данных, обработка информации на основе новых типов вычислительных систем, интерпретируемая обработка данных и другие методы)» (п. 5 в).

Из приведенных определений видна разница подходов авторов Стратегии и европейского проекта. Если в стратегии предпринята попытка дать некое всеобъемлющее описание сущности ИИ и, отталкиваясь от него, определить технологии ИИ, то авторы европейского проекта явно придерживаются более практического подхода и раскрывают понятие системы ИИ описательно, исходя из перечня тех методов и технических решений, которые превращают обычное программное обеспечение в технологию ИИ. При этом важно отметить, что в основе определения ИИ, приводимого в европейском проекте, лежит понятие программного обеспечения (software). То есть ИИ, по логике разработчиков документа, представляет собой программное обеспечение особого рода. Эта мысль является важным шагом в правовом осмыслении понятия ИИ, и вполне вероятно, что в дальнейшем именно такое понимание ИИ получит развитие в ЕС и в правовых системах европейских государств.

Концептуальной основой европейского проекта Акта об искусственном интеллекте послужил риск-ориентированный подход – все системы ИИ разделены на три группы в зависимости от степени риска, который несет с собой их использование: 1) неприемлемый риск; 2) высокий риск; 3) низкий или минимальный риск¹. Раздел 4 документа вводит запрет на определенные виды деятельности, связанные с ИИ, в связи с неприемлемым риском их применения. В частности, запрету подлежат:

а) применение ИИ-систем, использующих методики воздействия на подсознание человека вне его осознания, с целью существенным образом повлиять (materially distort) на его поведение таким образом, который наносит или может нанести этому или иному человеку физический или психологический вред;

¹ См.: Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial intelligence act) and amending certain union legislative acts. – P. 9.

б) использование ИИ-систем, эксплуатирующих какую-либо уязвимость определенной группы людей в связи с их возрастом или умственными или физическими расстройствами, с целью существенным образом повлиять (*materially distort*) на поведение лица, принадлежащего к данной группе, таким образом, который наносит или может нанести этому или иному человеку физический или психологический вред;

с) использование органами государственной власти или от их имени ИИ-систем с целью оценки или классификации благонадежности физических лиц в течение определенного периода времени на основе их социального поведения или известных или предполагаемых личных или личностных характеристик с применением социального рейтинга, ведущее к одному или сразу двум из следующих результатов:

– негативно сказывающееся или неблагоприятное обращение с определенными физическими лицами или их группами, в социальных контекстах, отличных от тех, в целях которых информация собиралась или обрабатывалась;

– негативно сказывающееся или неблагоприятное обращение с определенными физическими лицами или их группами, неоправданное или же непропорциональное их социальному поведению или его общественной опасности;

д) использование систем дистанционной биометрической идентификации в реальном времени в местах, открытых для общего доступа, в целях охраны правопорядка за исключением случаев, когда это необходимо для:

– целенаправленного поиска жертв преступлений, в том числе пропавших детей;

– предотвращения конкретной, существенной и неизбежной угрозы жизни или безопасности физических лиц или теракта;

– розыска, идентификации или преследования преступника или подозреваемого в совершении уголовного преступления, приведенного в ст. 2(2) Рамочного решения Совета 2002/584/ИНА от 13.06.2002¹ о европейском ордере на арест и процедурах передачи между государствами-членами приговоренного к лишению свободы или подлежащего заключению под стражу в государстве – чле-

¹ См.: Рамочное решение Совета Европейского союза 2002/584/ИНА. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32002F0584> (дата обращения: 11.06.2021).

не ЕС на срок не менее трех лет в соответствии с законодательством такого государства-члена¹.

Приведенные выше формулировки проекта Акта об искусственном интеллекте вызывают определенные вопросы с точки зрения декларируемой в проекте задачи безопасности и правовой определенности применения систем ИИ. Очевидно, что многочисленные изъятия и оговорки, содержащиеся в тексте, делают запрет на системы ИИ, отличающиеся, по утверждению самих же авторов документа, *неприемлемым* риском их применения, как минимум далеко не абсолютным. Например, пункты «а» и «б» перечня, запрещающая воздействие на подсознание человека и манипуляцию уязвимыми группами людей со стороны систем ИИ, вводят в формулировку данного запрета такие квалифицирующие признаки, как нанесение вреда таким воздействием, а также его существенный, ощутимый характер. Существенность воздействия очевидным образом является оценочной категорией, и ее установление может оказаться весьма затруднительным, особенно учитывая тот факт, что речь идет о новых технологиях. Кроме того, труднообъяснимым представляется и введение категории вреда для отнесения систем ИИ к запрещенным. В связи с этим возникает вопрос: можно ли, к примеру, считать наносящим вред такое воздействие на подсознание человека, которое помимо его воли и без его информированного добровольного согласия принуждает его к отказу от курения? В жизни возникает немало ситуаций, при которых влияние на поведение людей и их групп, не наносящее прямого вреда, явно будет являться возмутительным и неприемлемым вторжением в частную жизнь. Гораздо более логичным представляется полный и безоговорочный запрет на внедрение систем ИИ, использующих методики, воздействующие на подсознание человека, поскольку даже осознание тем или иным лицом самого факта осуществляемого на него воздействия может не означать осознания им полного масштаба и возможных последствий такого воздействия. Между тем риски в данном случае неприемлемо велики (по утверждению самих же авторов проекта). То же самое относится и к эксплуатации уязвимостей определенных групп лиц, которая должна быть признана совершенно и безоговорочно неприемлемой.

¹ См.: Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial intelligence act) and amending certain union legislative acts. – P. 43

Также обращает на себя внимание пункт «с» проекта, который явно представляет собой «европейский ответ» на китайскую систему социального кредита, введение которой вызвало большой резонанс и значительные опасения с точки зрения возможности сочетания подобной системы с общепризнанными представлениями о правах и свободах человека¹. Рассматриваемый пункт вводит запрет на применение органами государственной власти стран – членов ЕС практик, подобных китайской системе социального кредита, однако и он содержит важные с точки зрения перспектив его применения оговорки, делающие этот запрет далеко не абсолютным. Из формулировок данного пункта следует, что само по себе использование систем ИИ в целях оценки или классификации благонадежности физических лиц органами государственной власти или от их имени проектом допускается, но только в том случае, если оно не несет для них негативных последствий в «социальных контекстах, отличных от тех, в целях которых информация собиралась или обрабатывалась», а также если такие негативные последствия не являются неоправданными или непропорциональными социальному поведению таких лиц или его общественной опасности. Здесь вновь возникает проблема категорий, которые крайне сложно определить однозначно и бесспорно («пропорциональность», «оправданность»).

Другая очевидная проблема использованных оговорок связана со значительной трудностью установления и доказывания факта использования собранной при помощи систем ИИ информации не по назначению. Но дело не только в этом. Обойден вниманием вопрос о том, насколько соответствует фундаментальным правам и свободам (и в частности праву на неприкосновенность частной жизни) сам факт накопления и обработки больших массивов информации о человеке с целью оценки или классификации благонадежности физических лиц при помощи технологий ИИ (дающих широчайшие возможности для такой деятельности).

Что касается ИИ-систем, несущих высокий риск (приведены в приложении III к документу), то к ним разработчики европейского

¹ Подробнее о системе социального кредита в Китае см., напр.: Графов Д.Б. Повышение устойчивости политической системы КНР и система социального рейтинга // Вестник Ин-та востоковедения РАН. – 2019. – № 3(9). – С 235–248; Шаряпова Ю. Применение цифровых технологий: рейтинг социального доверия в Китае // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран : памяти Л.И. Рейснера. – М., 2018. – С. 106.

проекта Акта об искусственном интеллекте относят, в частности, ИИ-системы, применяемые в таких областях, как:

- биометрическая идентификация и категоризация физических лиц;

- управление и использование критически важной инфраструктуры (ИИ-системы, предназначенные для использования в качестве компонентов безопасности в процессе организации дорожного движения, водо-, газо- и электроснабжения, отопления);

- образование и профессиональная подготовка (в частности, ИИ-системы, предназначенные для определения доступа физических лиц к образовательным организациям или распределения по таким организациям, оценивающие поступающих в образовательные учреждения);

- сфера труда и занятости (в частности, речь идет об ИИ-системах, задействованных в процессе отбора кандидатов при приеме на работу, тестировании и интервьюировании, принятии решений о продвижении по службе или прекращении трудовых отношений);

- доступ к необходимым частным и публичным услугам и благам (проверка физических лиц на соответствие требованиям для получения определенных пособий и льгот, а также лишения таких пособий и льгот, оценка платежеспособности физических лиц при решении о предоставлении банковского кредита, присвоение кредитного рейтинга, ИИ-системы, связанные с чрезвычайными службами, такими как скорая помощь, пожарная охрана и т.д.);

- правоохранительная сфера (ИИ-системы, предназначенные для оценки физических лиц с точки зрения их склонности к правонарушениям, прогнозирующие совершение преступлений на основе профилирования физических лиц, проверяющие достоверность доказательств в ходе расследования и др.);

- миграция и пограничный контроль (оценка рисков, связанных с въездом лица на территорию страны – члена ЕС, проверка дорожных документов, изучение заявок на предоставление убежища и т.п.);

- осуществление правосудия и демократических процедур (ИИ-системы, предназначенные для помощи судебной власти в

изучении и интерпретировании фактов и трактовке законов и применении законов к конкретной совокупности фактов)¹.

Статьи, объединенные в гл. 2 проекта Акта об искусственном интеллекте, устанавливают *требования, которым должны соответствовать ИИ-системы высокого риска*. К таким требованиям, в частности, относятся:

- наличие систем управления рисками;
- соответствие ИИ-систем, связанных с машинным обучением, строгим стандартам качества информации и наличие систем управления данными в целях избегания возможной дискриминации;
- наличие всей необходимой технической документации относительно системы ИИ и ее предназначения;
- ведение учета и регистрации (логирования), позволяющих, в частности, отслеживать, насколько функционирование ИИ-системы в течение ее жизненного цикла соответствует предназначению такой системы;
- прозрачность (транспарентность) и предоставление информации пользователям;
- возможность осуществления контроля со стороны человека;
- высокий уровень точности, надежности в эксплуатации и кибербезопасности².

Действительно, перечисленные в приложении III к европейскому проекту Акта об искусственном интеллекте сферы потенциального применения технологий ИИ непосредственно касаются фундаментальных прав и свобод человека (в том числе – права на неприкосновенность частной жизни) и охраны персональных данных. В первую очередь это касается пунктов, связанных с трудом и занятостью, образованием, доступом к общественным благам. Нетрудно представить себе ситуации, в которых технические возможности, предоставляемые ИИ, могут быть использованы в целях дискриминации граждан по тем или иным признакам, в том числе в связи с их политическими взглядами, религиозной принадлежностью и т.д. Но, как представляется, дело не только в этом. Сама по себе ситуация, при которой оценка знаний и профессиональных качеств человека помимо его воли полностью оказывается в зависимости от оценки машины, про-

¹ См.: Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial intelligence act) and amending certain union legislative acts. – P. 45.

² Подробнее по каждому из требований к ИИ-системам см.: *ibid.* – P. 46–51.

граммы для ЭВМ, представляется заслуживающей тщательного и всестороннего правового изучения¹. Среди аргументов в пользу внедрения современных цифровых технологий, в том числе систем ИИ, немаловажное место занимает тезис об их беспристрастности, в отличие от человека, который может быть и пристрастным, и предвзятым. Однако не стоит упускать из виду как возможность манипулирования технологиями ИИ в тех или иных дискриминационных целях (на что указывают авторы европейского проекта), так и на фактор, который можно было бы обозначить как «позитивную предвзятость» (например, в ситуации, когда формально недостаточно хорошо ответивший студент-отличник получает высокий балл по совокупности всей предыдущей учебной деятельности).

Представляется, что простым и логичным способом гарантирования прав физических лиц на текущем этапе технологического развития было бы наделение их правом самостоятельно определять возможность применения к ним систем ИИ в таких сферах, как образование, труд и занятость, доступ к благам и услугам. Возможность человека решать, будет ли оценивать результаты его экзаменов, учебной, трудовой деятельности и т.д. ИИ-система или другой человек, могла бы стать надежной гарантией соблюдения прав граждан и мерой практической реализации человекоцентричного подхода, провозглашенного авторами проекта. В дальнейшем же речь может идти о расширении перечня фундаментальных прав или даже о выделении некой новой области неотъемлемых прав человека, а именно: цифровых прав, гарантирующих в том числе защиту от вмешательства в частную жизнь людей посредством использования систем ИИ. Необходимость этого нельзя исключать, поскольку впервые в своей истории человечество сталкивается с ситуацией, когда права и свободы людей могут оказаться в зависимости от субъектов, не являющихся людьми, – систем ИИ, а положения таких ключевых на сегодняшний день в сфере прав и свобод человека документов, как Всеобщая декларация прав человека и Конвенция о защите прав человека и основных свобод, выработывались в эпоху, когда стоящая сегодня на повестке дня про-

¹ Отдельного внимания заслуживает также и вопрос о том, насколько коррелируют между собой положения европейского проекта Акта об искусственном интеллекте и постановления ЕС 2016/679 – Общего регламента по защите персональных данных (General Data Protection Regulation, GDPR).

блематика, связанная с применением ИИ, относилась скорее к разряду научной фантастики.

Например, в связи с процессом развития технологий ИИ возникает проблема трактовки и правовой оценки такого явления, как выводы и прогнозы в отношении физических лиц, которые делаются ИИ на основе собранной о таких лицах информации. Возможности ИИ делать такого рода выводы о людях, равно как и сфера применения подобных выводов и прогнозов весьма обширны (на сегодняшний день они нашли широкое применение в таргетированной рекламе). Нетрудно догадаться, какие существенные последствия для частной жизни людей могут иметь выводы и прогнозы, сделанные относительно них на основе огромного массива данных, который можно собрать и обработать с помощью технологий ИИ, однако на сегодняшний день данные такого рода практически ускользают от регулирования существующими правовыми механизмами защиты персональных данных, поскольку не расцениваются как персональные данные в собственном смысле слова и являются скорее производной информацией, которая создается на основе ранее собранных данных¹.

Что касается непосредственно устанавливаемых проектом постановления требований, которым должны отвечать ИИ-системы высокого риска, то они носят во многом декларативный, абстрактный характер и нуждаются в дальнейшей проработке, поскольку технические возможности полного контроля и прозрачности применения указанных ИИ-систем высокого риска на сегодняшний день далеко не очевидны.

На сегодняшний день риски для прав и свобод граждан (в том числе для неприкосновенности частной жизни), возникающие в связи с применением систем ИИ, очевидны и не вызывают сомнений. От того, как будут решены эти вопросы, во многом зависит правовая картина мира в ближайшем будущем. Будет ли этот мир соответствовать нашим представлениям о законности и правопорядке, основанном на соблюдении фундаментальных прав и свобод человека, или будет больше напоминать техно-

¹ Подробнее см.: Wachter S., Mittelstadt B. A right to reasonable inferences: re-thinking data protection law in the age of Big Data and AI // Columbia business law rev. – 2019. – N 1. – P. 494–620. – URL: <file:///C:/Users/Администратор/Downloads/WachterandMittelstadt2019-Arighttoreasonableinferences-Version14finalfordistribution.pdf> (дата обращения: 11.06.2021).

тронную антиутопию, в определенной степени зависит от тех законов и правовых механизмов, которые будут регулировать сферу ИИ. Предложенный Европейской комиссией проект постановления Европейского парламента и Совета, устанавливающего унифицированные правила для искусственного интеллекта (Акт об искусственном интеллекте) и вносящего поправки в некоторые законодательные акты ЕС, является важным этапом в формировании правовых основ регулирования применения систем искусственного интеллекта, выработке основополагающих для этой сферы понятий. К сожалению, он не лишен ряда существенных недостатков, которые ставят под сомнение эффективность данного проекта как инструмента защиты прав граждан и регулирования применения технологий искусственного интеллекта на основе принципов безопасности и законности.

Н.В. Крысанова¹

**ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА: ДИСКУССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

УДК 340, 347 DOI: 10.31249/pctii/2021.00.11

Аннотация. В статье анализируются дискуссии ученых о возможности наделения искусственного интеллекта статусом юридического лица. Раскрываются некоторые теории юридического лица, позволяющие определить их применение к системам искусственного интеллекта. Формулируются правовые термины, позволяющие применять их в отношении юридических лиц, таких как корпорации.

Ключевые слова: искусственный интеллект; юридическое лицо; физическое лицо; корпорация; корпоративная завеса; авторское право; личность искусственного интеллекта.

N.V. Krysanova

**The legal personality of artificial intelligence:
discussions in domestic and foreign studies**

Abstract. The article analyzes the discussions of scientists about the possibility of endowing artificial intelligence with the status of a legal entity. Some theories of a legal entity are revealed, which make it possible to determine their application to artificial intelligence systems. Legal terms are formulated so that they can be applied to legal entities such as corporations.

Keywords: artificial intelligence; legal personality; natural person juridical; person corporation; corporate veil; artificial intelligence personality.

¹ *Крысанова Нина Владимировна*, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, кандидат юридических наук (*Nina Krysanova*, senior researcher at the INION RAS, candidate of legal sciences).

Введение

По мере того как системы ИИ становятся все более сложными и значительно увеличивается их роль в обществе, аргументы о том, что они должны иметь некоторую форму правосубъектности, приобретают все большее значение. Мнения ученых обычно формулируются в правовых терминах, применяемых к таким юридическим лицам, как корпорации. Однако основная проблема заключается в том, в каком виде предоставлять статус лица искусственному интеллекту: по правовым основаниям или по факту создания («рождения»). В связи с этим в дискуссиях высказываются различные предложения – от отказа в предоставлении такого статуса ИИ до приравнивания его к статусу физического лица.

Размышления ученых о проблемах правового регулирования искусственного интеллекта и наделения его статусом. Развитие робототехники выдвинуло на первый план проблемы правового регулирования разработки и использования ИИ, а также ответственности создателей «конечного продукта». Эти проблемы обусловлены в первую очередь пробелами в правовом регулировании ответственности систем ИИ, их автономией и непрозрачностью. Есть по меньшей мере два основания, по которым законодатель может признать ИИ лицами¹. *Первое основание* – определение того, кто будет нести ответственность в случаях проявления негативно-го результата в деятельности ИИ. Для предотвращения манипуляций со стороны человека при злоупотреблениях системами ИИ некоторые ученые предлагают вообще не наделять их отдельным правовым статусом, считая их объектом права интеллектуальной собственности. Так, по мнению Р.О. Оморова, признание ИИ объектом интеллектуальной собственности соответствует классическому определению таких объектов и их классификации, которая дана ВОИС: «Интеллектуальная собственность включает права, касающиеся и всех других прав, являющихся результатом интеллектуальной деятельности в промышленной, научной, литературной или художественной областях»². То есть ИИ как таковой, а также технологии и системы ИИ могут быть отнесены к видам объектов интеллектуальной собственности в зависимости от об-

¹ См.: Chesterman S. Artificial intelligence and the limits of legal personality // International and comparative law quarterly. – 2020. – Vol. 69, N 4. – P. 819.

² Цит. по: Оморов Р.О. Интеллектуальная собственность и искусственный интеллект // E-Management. – 2020. – № 1. – С. 48.

ласти их применения. Искусственный интеллект по своей природе рассматривается и как программа для электронно-вычислительных машин – «совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования электронно-вычислительных машин и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата» (ст. 1261 ГК РФ). *Второе* – гарантии оплаты тому, кто должен получить вознаграждение в том случае, когда все идет без эксцессов.

В дискуссиях ученых выражается также идея о том, «что по мере приближения систем искусственного интеллекта к точке неотличимости от человека они должны иметь право на статус, сравнимый с физическим лицом»¹. Особая причина для рассмотрения вопроса о том, следует ли признавать системы ИИ юридическим лицом или лицом с особым статусом, заключается не в том, что они собой представляют – объект или лицо, а в том, что они могут делать. Нередко при этом возникает вопрос: могут ли человек или юридическое лицо претендовать на право собственности на работу, выполняемую системой ИИ? Однако в этом случае подразумевается, что если такая работа была сделана человеком, то он и должен владеть (распоряжаться) ее результатами.

По мнению С. Честермана, предоставление системам ИИ правового статуса физического лица «возможно», но только в случаях, когда они проходят тест Тьюринга, т.е. ИИ должен «иметь право на статус, сравнимый с физическими лицами»². Однако идея наделения ИИ правосубъектностью физического лица порождает проблему оснований такого наделения. Возникновение правосубъектности физического лица у ИИ по факту «рождения» (создания) невозможно. Именно поэтому предлагается предоставить правосубъектность искусственному юридическому лицу в объеме, предоставленном корпорации как наиболее распространенной организационно-правовой форме.

Хотя тест Тьюринга больше не рассматривается как серьезный показатель современного ИИ в техническом смысле, его долговечность указывает на напряженность в дебатах об объеме правосубъектности, которую часто упускают из виду, на что и обращают внимание ученые³.

¹ Chesterman S. Op.cit. – P. 819.

² Ibid. – P. 820.

³ Подробнее см. в настоящем сборнике статью И.А. Умновой-Конюховой «Право будущего в условиях цифровизации и использования искусственного интеллекта».

Вместе с тем в 2017 г. Европейский парламент принял резолюцию, призывающую Еврокомиссию рассмотреть вопрос о создании особого правового статуса для роботов в долгосрочной перспективе, с тем чтобы самые сложные автономные роботы могли иметь статус электронных лиц, ответственных за возмещение любого ущерба, который они могут причинить, и, возможно, признать их электронной личностью в случаях, когда роботы принимают автономные решения или иным образом взаимодействуют с третьими сторонами независимо¹.

На практике подавляющее большинство правовых систем различает две формы гражданско-правового статуса лица: физическое и юридическое. Физическими лицами признаются люди. Юридическими – искусственные образования, которым законом предоставлены определенный правовой статус, права и обязанности. Корпорации и другие формы предпринимательских ассоциаций являются наиболее распространенными формами юридического лица, но возможны и многие другие формы. Религиозные, правительственные и межправительственные организации могут также выступать в качестве юридических лиц на национальном и международном уровнях. Это говорит о том, что все они являются совокупностями человеческих личностей, хотя есть искусственные объекты, которые наделены индивидуальностью. В качестве примеров укажем, что к таким искусственным сущностям (де-юре) относятся храмы в Индии, река в Новой Зеландии и вся экосистема Эквадора. По-видимому, нет сомнения в том, что государство может наделить каким-то видом личности новое образование, например системы ИИ. Если это произойдет, считает С. Честерман, «то такое признание, вероятно, будет предоставлено и другими государствами»².

С какими целями ученые-правоведы предлагают наделить системы ИИ той или иной формой правосубъектности? В первую очередь для того, чтобы решать вопросы ответственности, например, в случае автоматического вождения в беспилотных автомобилях, движение которых не может контролироваться их «водителем»

¹ См.: Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 г. с рекомендациями Комиссии по нормам гражданского права в области робототехники (European Parliament. Report A8-0005/2017 of 27.01.2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). – P. 15. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2017-0005_EN.html (дата обращения: 02.07.2021).

² См.: Chesterman S. Op.cit. – P. 822.

(владельцем) или предполагаться их производителем. Или для суда над роботами-преступниками: в этом случае необходимо ввести процедуры, предусматривающие «наказание» путем перепрограммирования робота или, в крайнем случае, его уничтожения¹. То есть предполагается инструментальный подход к личности, но научные объяснения наиболее распространенной формы юридического лица – корпорации – показывают несопоставимые обоснования ее статуса как отдельного юридического лица, что может помочь ответить на вопрос о том, следует ли распространить этот статус и на системы ИИ.

Теории юридического лица для искусственного интеллекта. Говоря о корпорациях как юридических лицах, необходимо остановиться на некоторых теориях юридического лица, которых сформулировано достаточно много: теория фикции, теория «персонифицированной цели», органическая теория, реалистическая теория, теория коллектива, теория государства, теория директора, теория социальной реальности, теория социальных связей, совокупная теория и др. Наличие данных теорий позволяет говорить о том, что «юридическое лицо» – это категория, означающая самостоятельный искусственный субъект права.

В зарубежных правовых системах не содержится единой четкой концепции юридического лица: одни авторы через признаки юридического лица решают проблему признания различных образований юридическими лицами, при этом понятия «юридическое лицо» и «корпорация» используются как синонимы; другие – исследуют вопросы о непосредственной природе юридического лица².

В российском законодательстве корпорацией (хозяйственным товариществом или обществом) признается организация, которая обладает следующими обязательными признаками:

1) имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество;

2) отвечает по своим обязательствам принадлежащим ему имуществом;

¹ См.: Yampolskiy R.V. Human indignity: From legal AI personhood to selfish memes // Machine law, ethics, and morality in the age of Artificial Intelligence / ed. by S.J. Thompson. – Hershey, 2021. – P. 6. – URL: https://www.researchgate.net/publication/343682482_Machine_Law_Ethics_and_Morality_in_the_Age_of_Artificial_Intelligence (дата обращения: 02.07.2021).

² См.: Yudkowsky E. Artificial Intelligence as a positive and negative factor in global risk // Global catastrophic risks / ed. by Bostrom N., Milan M., Čirković M.M. – New York : Oxford Univ. Press. – 2008. – P. 313–315.

3) может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде (ст. 65.1 ГК РФ).

Так как корпорации являются коммерческими организациями, то основной целью их деятельности является извлечение прибыли и распределение ее между участниками. Правоспособность, дееспособность и деликтоспособность (правосубъектность) корпорации возникают одновременно в момент ее создания, а прекращаются в момент ликвидации корпорации.

Каждая из теорий юридического лица обладает определенной спецификой, которая позволяет определить юридическое лицо различными категориями. Так, фиктивная и концессионная теории корпоративной личности имеют разное содержание, но сводятся к одному и тому же: корпорации обладают правосубъектностью, объем которой предусмотрен законодательством государства. Корпорация является искусственным неосязаемым образованием и существует только с точки зрения закона. Статус предоставляется корпорациям для достижения правовых целей, таких как поощрение предпринимательства, или для содействия согласованности и стабильности правовой системы, например посредством бессрочного существования определенных субъектов. Эти объяснения наиболее тесно согласуются с законодательной и судебной практикой признания личности и могут быть распространены на системы ИИ.

Реалистическая теория, напротив, утверждает, что корпорации – это не фикции и не просто символы, а объективно реальные сущности, которые предшествуют присвоению им статуса юридического лица.

Обычно считается, что для предоставления статуса юридического лица ИИ новому типу юридического лица необходимо судебное или законодательное решение, но новейшая юридическая литература предполагает, что пробелы в действующем законодательстве могут позволить предоставить статус юридического лица существующему в настоящее время программному обеспечению ИИ без необходимости изменять закон или убеждать какой-либо суд¹. Если отбросить идею о том, что система ИИ может быть признана в качестве личности, решение государства о предоставлении определенного объема правосубъектности ИИ должно основываться на правах и обязанностях, которые также, возможно, будут признаны.

¹ См.: Yampolskiy R.V. Op. cit. – P. 1.

По мнению П.М. Морхата, концепт «правосубъектность электронного лица» следует вводить только для сложных роботизированных систем с ИИ. Причем данное понятие автор называет «гибридным», поскольку «правосубъектность электронного лица» содержит в себе некоторые элементы правосубъектности и физических, и юридических лиц. Эти два элемента пересекаются, но обладают при этом самостоятельностью и уникальностью¹.

П.М. Морхат формулирует определение понятия «электронное лицо». Это – «обладающий некоторыми признаками юридической фикции (по аналогии с юридическим лицом) технико-юридический образ (в значении воспринимаемой и создаваемой третьими лицами целостной информационной проекции), отражающий, воплощающий и детерминирующий в юридическом пространстве конвенциально (условно) специфическую правосубъектность персонифицированного юнита искусственного интеллекта, обособленную от человеческого субстрата и гетерогенную (в части комплексов «прав» и обязанностей юнита) в зависимости от функционально-целевого назначения и возможностей такого юнита, и в силу этого аппроксимированный к конкретному целеполаганию производства и задействования такого юнита, т.е. его функционально-целевому назначению»².

Можно сделать вывод о том, что теория фикции и реалистическая теории наиболее применимы для определения правового статуса юридического лица для ИИ. Однако данный вывод далеко не бесспорен.

Как отмечалось выше, для предотвращения манипуляций со стороны человека при злоупотреблении системами ИИ некоторые ученые предлагают не наделять ИИ отдельным правовым статусом, а относить их к объектам права интеллектуальной собственности³.

В юридической литературе предпринимаются попытки классификации форм правоспособности интеллектуальных систем, точнее – спектра вероятных промежуточных вариантов правосубъектности, в том числе как «объекта с особым правовым положением», «участника правоотношения», «квазисубъекта», а также «субъекта отдельных правоотношений с рядом полномочий лица, замещающего государственную должность или должность муниципальной

¹ См.: Морхат П.М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование. – М., 2018. – С. 90.

² Там же. – С. 111.

³ См.: Оморов Р.О. Указ. соч. – С. 48.

службы». При этом большинство российских ученых считают целесообразным использовать концепцию «квазисубъектности» искусственного интеллекта, т.е. способности быть как бы субъектом права¹.

Попытки классификации правосубъектности ИИ приводят к предложению рассматривать ИИ как объект правоотношения, а не как участника и тем более не как субъекта правоотношения. Объясняется это тем, что только человек может являться полноценным и единственным субъектом правоотношения, без учета существующих в экономических и иных целях фикций, которые производны от него, т.е. искусственный интеллект может выступать лишь как объект права, как вещь, в отношении которой у полноправного субъекта права будут наличествовать имущественные права. Такой подход в основном применяется в современном российском и зарубежном праве².

Правовое регулирование технологий искусственного интеллекта. В процессе развития технологии, отражающей как публичный, так и частный интересы в гражданском обороте, может возникнуть проблема обеспечения бесперебойной работы и высокоэффективного функционирования интеллектуальных систем, робототехники и ИИ, что затруднительно при существующем правовом регулировании указанных технологий. Со временем для решения данной проблемы законодатель, по мнению ученых, вынужден будет ограничить права собственника, владельца и пользователя такими объектами права. Предполагается, что в отношении интеллектуальной системы ИИ у обладателя вещных прав на нее будет изъято право уничтожить вещь или же иным образом негативно повлиять на степень ее функциональности и производительности. В данном случае можно будет говорить о расширении правоспособности до «объекта права с особым правовым положе-

¹ См.: Каплиев А.С. Критика национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 2 (182). – С. 52; Мельничук М.А., Ченцова Д.В. Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта // Закон и право. – 2020. – № 6. – С. 67.

² См.: Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 98; Мельничук М.А., Ченцова Д.В. Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта // Закон и право. – 2020. – № 6. – С. 67; Омор Р.О. Интеллектуальная собственность и искусственный интеллект // E-Management. – 2020. – № 1. – С. 44.

нием» или «участника правоотношения с ограниченной правоспособностью» (например, в случае эффективного развития технологии очевидна необходимость наделения искусственного интеллекта вещными и обязательственными правами для исполнения договоров: комиссии, агентского и поручения)¹.

В литературе обсуждаются разные варианты. Например, предоставить ИИ только права без обязательств. Такой подход, как правило, используется при наделении правовой природы личностными качествами. Однако такая «личность» – это всего лишь «уловка, направленная на то, чтобы избежать проблем со статусом: она позволяет человеческим индивидам действовать от имени правообладателя, не являющегося человеком, вместо того чтобы требовать от них установления статуса в их собственном качестве. В любом случае это кажется неуместным для причин рассмотренной индивидуальности систем искусственного интеллекта»².

Предполагается, что правосубъектность ИИ может быть обеспечена только обязательствами. Это может показаться на первый взгляд привлекательным, но поскольку эти обязательства предназначены для устранения пробелов в законодательстве, то могут возникнуть проблемы. Например, если говорить о гражданской ответственности, обычно ее наступление влечет за собой присуждение компенсации убытков, которая может быть выплачена только в том случае, если правонарушитель способен владеть имуществом.

Корпорации, как правило, наделяются способностью подавать иск и отвечать по своим обязательствам, заключать договоры, брать кредиты, владеть имуществом. Что касается прав корпораций, аналогичных человеку, то вопрос о том, в какой степени корпорации пользуются конституционной защитой, сравнимой с защитой физических лиц, является предметом постоянных дискуссий. Как правило, юридические лица будут иметь меньше прав, чем физические. (Аналогичная ситуация имеет место в международном праве, где государства обладают полной правосубъектностью, а международные организации могут обладать ею в различной степени.)

Как признал Европейский парламент в вышеупомянутой резолюции от 16 февраля 2017 г., способность нести ответственность является одним из основных достоинств систем ИИ. Это утвер-

¹ См.: Камышанский В.П. О национальной стратегии развития искусственного интеллекта // Власть закона. – 2020. – № 1 (41). – С. 15.

² Там же.

ждение предполагает наличие существенных пробелов в законодательстве, которые могут и должны быть восполнены.

Другая причина осторожности в отношении такого средства правовой защиты, как гражданско-правовая ответственность, заключается в том, что даже если бы оно выполняло функцию восполнения пробелов, предоставление правосубъектности системам ИИ также сместило бы ответственность с существующих юридических лиц. Действительно, это создало бы стимул для передачи риска возможным новым электронным лицам, чтобы оградить физических и традиционных юридических лиц от воздействия. Аналогичная проблема возникает и с корпорациями, которые могут быть использованы для защиты инвесторов от ответственности. Перераспределение рисков оправдано тем, что оно стимулирует инвестиции в предпринимательство. Требование гражданского законодательства об обязательном указании организационно-правовой формы юридического лица позволяет «пробить» корпоративную «завесу» в случаях злоупотребления формой. В случае же применения систем ИИ можно было бы разработать аналогичные механизмы преодоления «завесы».

Заключение контрактов, договоров иногда рассматривается как причина наделения систем ИИ индивидуальностью. Однако использование электронных агентов для заключения договоров не является чем-то новым. Высокочастотная торговля, например, опирается на алгоритмы, заключающие соглашения с другими алгоритмами от имени традиционных лиц. Хотя автономия систем ИИ может поставить под сомнение применение существующей доктрины к такой практике – особенно тогда, когда, например, происходит ошибка, – это все еще можно решить без обращения к новым юридическим лицам. Такое положение отвечает потребностям современного гражданского оборота.

Авторское право искусственного интеллекта. Существует долгая история сомнений в том, что машинное творчество может быть защищено авторским правом. Ранние фотографии, например, не были защищены, потому что простой захват света через объектив камеры-обскуры не рассматривался как порождающий подлинное авторство. Потребовалась культовая фотография Оскара Уайльда, прежде чем авторское право было признано Верховным судом США за механически произведенными творениями. Проблема сегодня состоит, например, в следующем: если фотограф не может «владеть» изображением, пассивно захваченным машиной (ИИ), то кто тогда может владеть новыми работами, активно соз-

данными им? Компьютерная программа, подобная текстовому процессору, не владеет текстом, набранным в ней, так же как перо не владеет словами, которые оно пишет. Но системы ИИ сегодня пишут новостные репортажи, сочиняют песни, рисуют картины – эти виды деятельности создают ценности, но могут ли и должны ли они привлекать защиту закона об авторском праве?

В большинстве юрисдикций ответ отрицательный. Например, Бюро по авторским правам США заявило, что законодательная защита оригинальных авторских произведений ограничивается произведениями, «созданными человеком». Оно не будет регистрировать произведения, созданные машиной или любым механизмом, который работает автоматически без какого-либо творческого вклада или вмешательства со стороны человека-автора. Слово «любой» является ключевым и ставит вопрос о том, какой уровень участия человека требуется для утверждения авторства¹.

Перейдем к правовому вопросу о том, должны ли сами системы ИИ претендовать на право собственности. Концепция, лежащая в основе авторского права, часто формулируется, как стимулирующая инновации. Этот вопрос уже давно считается ненужным или неуместным для компьютеров. До недавнего времени Китай придерживался точки зрения, что произведенная ИИ работа не имеет права на защиту авторских прав. Однако в декабре 2019 г. Окружной суд в Китае постановил, что статья, созданная с помощью алгоритма, не может быть скопирована без разрешения. Статья, о которой шла речь, была финансовым отчетом, опубликованным Tencent с примечанием, что она была «автоматически написана» Dreamwriter – программой написания новостей, разработанной компанией в 2015 г. Шанхайская технологическая компания Yingxun скопировала статью без разрешения, и Tencent подала в суд. Статья была снята, но компании-нарушителю было предписано выплатить 1500 йен (216 долл. США) за «экономические потери и защиту прав»². Данный пример отражает четкую причину признания авторского права, которая заключается в защите первоначальных инвестиций в творческих процессах. При отсутствии такой защиты инвестиции иссякнут, а предложение творческих работ сократится. Такой подход к авторскому праву в целом согласуется с доктринами общего права, касающимися произведения, созданного в процессе трудовой деятельности, извест-

¹ См.: Chesterman S. Op. cit. – P. 824.

² См.: Ibid. – P. 825.

ной в Соединенных Штатах как работа по найму, в соответствии с которыми корпоративный работодатель или физическое лицо, заказывающее произведение, владеет авторским правом, несмотря на то что фактическим «автором» является кто-то другой. Это может быть недоступно в гражданско-правовых юрисдикциях, которые делают больший акцент на моральных правах человека-автора¹.

Законодательство Великобритании фактически обеспечивает защиту авторских прав на компьютерные произведения, автором которых считается лицо, предпринявшее необходимые действия для создания произведения. Аналогичное законодательство было принято в Новой Зеландии, Индии, Гонконге и Ирландии.

Европейский парламент в апреле 2020 г. опубликовал проект доклада, в котором утверждалось, что созданные искусственным интеллектом произведения могут рассматриваться как «эквивалентные» интеллектуальным произведениям и поэтому защищаться авторским правом. Однако Европейский парламент выступил против наделения ИИ личностью любого рода, предложив вместо этого наделить правом собственности лицо, которое готовит и публикует произведение на законных основаниях, при условии что разработчик технологии прямо не зарегистрировал за собой право использовать произведение определенным образом².

Таким образом, в настоящее время авторские права не могут принадлежать системам ИИ и не должны им принадлежать. Тем не менее оговорки в отношении права собственности, на которое претендует кто-либо другой, очевидны в ограниченных правах, предоставляемых на компьютерные произведения. Продолжительность срока действия права, как правило, составляет короткий период, и предполагаемый «автор» не может отстаивать свои права – например, право быть признанным как автор произведения.

В этой статье рассмотрен ряд вопросов, связанных с признанием личности ИИ. Можно ли что-нибудь сделать, чтобы этого не произошло, и тем самым избежать такого бесчеловечного будущего? Хотя некоторые решения возможны теоретически, это не означает, что они осуществимы на практике. Изменение закона, чтобы прямо исключить возможность ИИ становиться юридическим ли-

¹ См.: Yampolskiy R.V. Op. cit. – P. 6. – URL: https://www.researchgate.net/publication/343682482_Machine_Law_Ethics_and_Morality_in_the_Age_of_Artificial_Intelligence (дата обращения: 02.07.2021).

² См.: Chesterman S. Op. cit. – P. 825.

цом, может быть желательным, но вряд ли произойдет, так как это потребовало бы изменения существующего корпоративного законодательства, но такие серьезные реформы вряд ли реальны.

Как отмечалось выше, в 2017 г. Европейский парламент принял резолюцию, призывающую Европейскую комиссию рассмотреть вопрос о создании «особого правового статуса для роботов в долгосрочной перспективе, с тем чтобы, по крайней мере, самые сложные автономные роботы могли быть наделены статусом электронных лиц, ответственных за возмещение любого ущерба, который они могут причинить, и, возможно, использующих электронное лицо в случаях, когда роботы принимают автономные решения или иным образом независимо взаимодействуют с третьими сторонами»¹.

Хотелось бы отметить следующее: если возможности систем ИИ в конечном итоге совпадут с возможностями человеческого интеллекта, – скорее всего, они не остановятся на этом. Перспектива того, что ИИ превзойдет человека, долгое время доминировала в научной фантастике. И хотя большинство серьезных исследователей в настоящее время не видят путей очеловечения ИИ в ближайшем будущем, фантастические инновации при современных достижениях научной мысли и технологий вполне могут стать реальностью.

¹ См.: Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 г. с рекомендациями Комиссии по нормам гражданского права в области робототехники. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2017-0005_EN.html (дата обращения: 02.07.2021).

Е.В. Скурко¹

ЭТИКА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

УДК 342

DOI: 10.31249/pcitii/2021.00.13

Аннотация. В последние годы остро встает вопрос осмысления этических аспектов применения технологий искусственного интеллекта в общественных отношениях и в сфере права, а также широко рассматривается проблематика правового регулирования искусственного интеллекта в целом. Ряд шагов в развитии правового регулирования искусственного интеллекта в России, а также новейшие зарубежные научные исследования в указанной проблематике, анализируются в представленной статье.

Ключевые слова: искусственный интеллект; этика; правовое регулирование; легитимность; юридическая практика; юридическая этика; правовая политика.

E.V. Skurko

Development of legal regulation and ethics of artificial intelligence

Abstract. In recent years, the issues of understanding for the ethical aspects of the use of artificial intelligence (AI) technologies in public relations and in the field of law, as well as the problems of legal regulation of AI in general, have become acute. A number of steps concerned the development of legal regulation for AI in Russia, as well as the latest foreign scientific research in this area, are analyzed in the given paper.

Keywords: artificial intelligence; ethics; legal regulation; legitimacy; legal practice; legal ethics; legal policy.

¹ Скурко Елена Вячеславовна, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук (*Elena Skurko*, Senior Researcher of the Department of Jurisprudence of the INION RAS, Candidate of Legal Sciences).

Введение

В последние годы вопрос этического развития искусственного интеллекта (ИИ) и правового регулирования использования средств и технологий искусственных интеллектуальных систем в общественных отношениях находится в центре внимания как законодателей, так и ученых. В 2019 г. в Российской Федерации была принята Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденная Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее – Стратегия).

Особое внимание в Стратегии обращено на этические проблемы внедрения средств и технологий ИИ в общественные отношения и сферу правового регулирования в России и принципы использования технологий ИИ в Российской Федерации. Согласно Стратегии, к ним отнесены следующие принципы:

а) защиты прав и свобод человека: обеспечение защиты гарантированных российским законодательством и международным правом прав и свобод человека, в том числе права на труд, а также предоставление гражданам возможности получать знания и приобретать навыки для успешной адаптации к условиям цифровой экономики;

б) безопасности: недопустимость использования ИИ в целях умышленного причинения вреда гражданам и юридическим лицам, а также предупреждение и минимизация рисков возникновения негативных последствий при использовании ИИ;

в) прозрачности: объяснимость работы ИИ и процессов достижения им результатов, недискриминационный подход в доступе пользователей к продуктам, которые созданы и использованием ИИ, и ряд других (п. 19).

Целями развития ИИ в России являются обеспечение роста благосостояния и качества жизни населения и национальной безопасности и правопорядка, а также достижение конкурентоспособности российской экономики (п. 23 Стратегии). Ожидается, что использование ИИ, например, в социальной сфере, будет способствовать созданию условий для улучшения уровня и качества жизни населения страны, в том числе за счет:

– повышения качества услуг в сфере здравоохранения – включая профилактику, диагностику, прогнозирование возникновения и развития заболеваний, подбор оптимальных дозировок лекарственных средств и препаратов, сокращение угроз пандемий;

– повышения качества услуг в сфере образования – включая адаптацию образовательного процесса как к потребностям обучающихся, так и к потребностям рынка труда, анализ показателей эффективности обучения, в том числе для раннего выявления детей с выдающимися способностями, автоматизацию оценки знаний и анализа результатов обучения;

– повышения качества предоставления государственных и муниципальных услуг населению (п. 22).

Машинная этика искусственного интеллекта. Этические проблемы внедрения ИИ в социальных отношениях, в том числе правовых, являются сегодня предметом многих научных исследований. Внимание ученых сосредоточено на использовании ИИ в государственном управлении, в судебной деятельности, в здравоохранении и других сферах общественной жизни; на проблемах этического функционирования «роботов-юристов», проблематике «машинного права», правового регулирования ИИ и др.

Среди новых публикаций следует выделить вышедшую в 2021 г. коллективную монографию «Машинное право, этика и мораль в эпоху искусственного интеллекта» под редакцией С.Дж. Томпсона¹. Выбор этой книги для анализа проблем этики ИИ в настоящей статье не случаен: ИИ – быстро развивающаяся область изучения машин и режимов их работы, соответственно, возникают новые проблемы, и прежде всего нравственные, этические, которые требуют изучения и научного дискурса.

Машинная этика ИИ сосредоточена в основном на двух возникающих проблемных областях: минимизация или устранение вреда, наносимого людям машинами; обеспечение этики работы машины в широком смысле. Искусственный интеллект охватывает широкую междисциплинарную область исследований и изучения, простирающуюся от инженерии через биологию, экономику и право, вплоть до сложных этических и философских вопросов о том, что является справедливым и законным. Эта сложность делает его неотделимым от современной повседневной жизни, академических исследований и правовой политики.

¹ См.: Machine law, ethics, and morality in the age of artificial intelligence / Crnkonic G.D., Yampolsky R., Holstein T., Kulesza J.; ed. by S.J. Thompson. – Hershey, 2021. – 264 p. – URL: https://www.researchgate.net/publication/343682482_Machine_Law_Ethics_and_Morality_in_the_Age_of_Artificial_Intelligence (дата обращения: 03.07.2021).

Машины сегодня повсеместно вокруг нас и быстро прирастают не только числом, но и в своих способностях и элементах, они подражают человеку, их создающему, и тем самым приближаются к некоторой самобытной форме личности. Это во многом происходит в отсутствие надлежащих законов, регулирующих различные процессы и ситуации, вне общепризнанных и приемлемых этических стандартов либо моральных ограничений.

Один из актуальных правовых вопросов – предоставление статуса юридического лица «субъектам» с ИИ. С одной стороны, такого рода юридикто-техническое решение может быть полезно для того, чтобы исключить юридическую ответственность человека – в тех или иных обстоятельствах либо в сфере автоматизации предпринимательской деятельности и др. Вместе с тем, анализируя преимущества, которые дает наделение ИИ правосубъектностью, следует должным образом оценить последствия соответствующего расширения «прав» ИИ для человеческого достоинства, безопасности человека и др.

Главный вопрос, который возникает в связи с этим: как избежать «бесчеловечного» будущего для человека? И хотя ряд решений сегодня представляется возможным в теории, есть определенные сомнения в том, что эти решения окажутся осуществимыми и реализуемыми на практике. Так, изменение законодательства с целью прямого недопущения либо исключения «субъектов» ИИ из числа юридических лиц в той или иной правовой системе может быть желательным, однако на практике это маловероятно, поскольку для этого потребовалось бы внести существенные изменения в действующее законодательство во многих юрисдикциях. С этой точки зрения полезнее рассматривать возможность «стандартизации», например, отдельных отраслей права для ряда юрисдикций одновременно, хотя и это на данном этапе трудно реализовать. Однако в ближайшей перспективе не исключено, что, подобно тому как хакеры атакуют компьютерные системы сегодня, – машины, наделенные ИИ, смогут атаковать правовые системы, в том числе вводить «ошибки» в юридические акты, кодексы, правовые нормы. С этой точки зрения каждый тип кибератаки на безопасность правовой сферы со стороны систем, обладающих ИИ, можно будет, в принципе, определять, как вмешательство в эту сферу, а количество и качество таких «атак» со стороны ИИ будет, что не исключено, прирастать пропорционально росту возможностей ИИ. Соответственно, в целях противодействия такого рода перспективам развития ИИ в правовой сфере необходимо разрабо-

тать подходы к «правовой безопасности» – в отношении действий ИИ так же, как это делается сегодня в сфере кибербезопасности¹.

Действительно, искусственные интеллектуальные системы должны были бы облегчать жизнь пользователей, оказывать поддержку в принятии решений человеком либо – в определенных случаях и ситуациях – принимать управляющие решения полностью автономно. Однако на практике, как правило, процессы и решения, принимаемые в интеллектуальной системе, зачастую неизвестны и непрозрачны для пользователей. Эти обстоятельства выносят на повестку дня проблему доверия к интеллектуальным системам со стороны человека-пользователя – важный вопрос этики, а также права.

Несмотря на то что прозрачность и «прослеживаемость» решений в автоматизированных и автоматических системах обычно подчинены требованиям производительности и точности при работе ИИ, а зачастую действительно не играют существенной роли сами по себе, по мнению специалистов, правильнее ставить вопрос о необходимости разработки специальных средств, раскрывающих работу систем ИИ посредством контекстно ориентированных адаптивных систем. То есть к числу проблем, в том числе этичности функционирования ИИ, следует относить необходимость в создании прозрачности его работы для пользователей, как своего рода гарантии их (пользователей) «суверенитета»².

Сегодня проектировщики, разработчики и поставщики искусственных интеллектуальных систем несут ответственность не только за то, чтобы эти системы работали корректно и не причиняли вреда. Они также несут ответственность за соблюдение – в условиях функционирования ИИ – этических и юридических норм и требований. Это, в частности, включает в себя требование уважения и гарантий конфиденциальности и «суверенитета» тех, кто является пользователями средств ИИ. Прозрачность и контроль со стороны пользователей важны для того, чтобы существовало доверие к интеллектуальным системам, – и, таким образом, имела основания возможность полагаться на их решения.

¹ См.: Yampolskiy R. AI personhood: rights and laws // Machine law, ethics, and morality in the age of artificial intelligence / ed. by S.J. Thompson. – Hershey, 2021. – P. 7.

² См.: Goram M., Veiel D. Ethical behavior and legal regulations in artificial intelligence. Part 1. Supporting sovereignty of users while using complex and intelligent systems // Ibid. – P. 12–14.

Кроме того, следует подчеркнуть тот факт, что собственно пользователи должны быть ограждены от злоупотреблений возможностями систем ИИ в целях причинения вреда другим пользователям. Это создает дополнительную проблему для разработки искусственных интеллектуальных систем и выходит за рамки реализации функций технической поддержки, которые обычно находятся в центре внимания. Так, крайне остро перед разработчиками ИИ сегодня встает проблема согласования этических и юридических аспектов с интеллектуальными функциями ИИ. При этом, как правило, разработчики лишь выборочно учитывают отдельные аспекты – однако зачастую забывают о целостном взгляде на проблему, что является единственным способом разработки ориентированных на пользователя интеллектуальных систем, отвечающих потребностям пользователей и соответствующих принципам охраны их прав и законных интересов¹.

Этические и правовые факторы и требования к искусственному интеллекту. Поэтому всякая современная искусственная интеллектуальная система должна учитывать этические и правовые факторы и требования – в дополнение к своим основным техническим задачам. К ним относятся: соблюдение конфиденциальности; прозрачность обработки данных; контроль данных и «суверенитет» – со стороны пользователей; а также – добровольное согласие на хранение, обработку и раскрытие персональных данных пользователей ИИ. С этих позиций исследователи предлагают общий подход к контекстно ориентированной адаптивной системной среде ИИ, позволяющий реализовывать решения по учету этических и правовых последствий при разработке и последующей эксплуатации искусственных интеллектуальных систем. С помощью контекстно ориентированной адаптивной системы, предлагаемой авторами, помимо прямого управляющего воздействия со стороны человека, у системы ИИ появляется возможность определять свое поведение с помощью «политики адаптации», в рамках которой будут определены ситуации, на которые, в свою очередь, система должна определенным образом реагировать. «Политика адаптации» сможет определять этические и юридические правила поведения и действий – для данной системы, в том числе эксперты по правовым вопросам смогут интегрировать правовые нормы, относящиеся к конкретным приложениям, и связанное с ними поведение в форматы соответствующих искусственных

¹ См.: Goram M., Veiel D. Op. cit. – P. 22.

интеллектуальных систем, что, в свою очередь, составит «политику юридической адаптации», и т.п.¹

«Этическое принятие решений» и поведение систем с искусственным интеллектом приобретают сегодня все большее значение, учитывая распространенность этих систем в принципе, а также влияние, которое они способны оказывать на (благо)состояние человека. Многие современные подходы к внедрению «машинной этики» обеспечивают «этическое принятие решений» и поведение систем ИИ за счет соблюдения в соответствующей системе четко определенных этических норм, правил или принципов. Несмотря на привлекательность такого подхода, неверно игнорировать потенциал реализации в машинной этике подхода «снизу вверх». В таком подходе речь, прежде всего, идет об обучении машин и внедрении машинной этики как таковой. Такие термины, как «тренировка» или «повышение уровня», наиболее точно отражают природу проблемы машинного обучения в вопросах этики, а также указывают на процесс, который машины, как и люди, должны будут проходить, прежде чем стать полноценными «этическими субъектами». «Этические машины», к созданию которых стоит стремиться, не ограничиваются относительно простыми средами функционирования либо четко определенными областями знания; они должны быть надежными и гибкими машинами, способными к «этическим действиям» – так же, как к этическим действиям люди способны. Тот факт, что методы машинного обучения по принципу «снизу вверх» будут весьма сходны с методами обучения, которые используются в биологических системах, дает еще больше оснований предполагать, что они подходят для реализации «машинной этики»².

Философский и правовой уровни осмысления проблем этики искусственного интеллекта. Философское понимание этической рациональности в контексте ИИ затрагивает две этические проблемы: 1) проблему «черного ящика» и 2) проблему «железного дровосека».

Первая проблема связана с непрозрачностью и предвзятостью при проектировании и разработке систем машинного обучения (таких, например, как искусственные нейронные сети). Вторая

¹ См.: Goram M., Veiel D. Op. cit. – P. 43.

² См.: Kaas M.H.L. Raising ethical machines: bottom-up methods to implementing machine ethics // Machine law, ethics, and morality in the age of artificial intelligence. – P. 63.

связана с формированием в перспективе полноценных «этических субъектов» – как людей, так и ИИ. С точки зрения аристотелевской этики интеллект как в человеческих, так и в искусственных формах должен приближаться к «этической рациональности», что, в свою очередь, влечет за собой сбалансированный синтез разума и эмоций¹.

Нельзя также не отметить, что, согласно Аристотелю, лишь меньшинство людей способно достичь всей полноты этической свободы воли, гармонизируя разум и эмоции, – когда они знали бы, как правильно действовать, с тончайшим чувством ситуации, чтобы получить немедленный разумный ответ. Означает ли это, задаются вопросом исследователи, что мы не должны требовать от ИИ большего, чем мы требуем от самих себя?

Действительно, из-за широкого несоответствия нашей рациональной и эмоциональной природы многие из наших человеческих способов действия и мышления «испорчены» бессвязными, противоречивыми и предвзятыми элементами, которые все еще стоят на пути к полной реализации этической рациональности. С этой точки зрения, если будущее развитие ИИ сможет стать действительно этическим, – это, как можно утверждать, поможет и человеку стать более этическим существом².

В этой логике вполне закономерным становится исследование моральной психологии роботов и трансгуманизма. Так, можно согласиться с тем, что эволюционировавшее «моральное познание» и система концепций, свойственные человеку, сегодня сталкиваются с вызовами, порожденными современными и новейшими технологиями³.

Исходя из представлений об эволюционной психологии человека как когнитивного организма, можно предложить соответствующий взгляд на моральную психологию, которая, с этих позиций, складывается под влиянием как врожденных, так и культурных механизмов, которые, кроме того, воздействуют на то, каким образом человек понимает и относится к технологии как феномену.

¹ См.: Holst J. Ethical rationality in AI: on the prospect of becoming a full ethical agent // Ibid. – P. 69.

² Ibid. – P. 81.

³ См.: Moral psychology and artificial agents. (Part one). Ontologically categorizing bio-cultural humans / M. Laakasuo, J.R.I. Sundvall, A. Berg, M. Drosinou, V. Herzon, A. Kunnari, M. Koverola, M. Repo, T. Saikkonen, J. Palomäki // Machine law, ethics, and morality in the age of artificial intelligence. – P. 166.

Действительно, эмоции и разум имеют сложное взаимодействие и порождают моральные когнитивные суждения человека. Сегодня, по мнению исследователей, у человека не осталось эволюционных возможностей для того, чтобы интуитивно «справляться» с роботами и другими интеллектуальными системами обработки информации, – т.е. у человечества остались лишь «культурные» решения для новых моральных проблем и вызовов, стоящих перед нами в сфере современных и новейших технологий. Одним из основных когнитивных механизмов, которые использует современный человек при взаимодействии с роботами и ИИ, является механизм «восприятия разума», который тем не менее постоянно ошибается, стремясь «найти» разум там, где его – по крайней мере, на данный момент – нет¹.

Коль скоро когнитивный механизм современного человека не обладает естественным и интуитивным пониманием роботов и ИИ – в отличие от того, что у человека имеется в отношении, например, животных и растений, – в результате взаимодействия человеческого познания с роботами, ИИ, а также иными современными и новейшими технологиями, возникает ряд особенностей. Например, с роботами люди склонны обращаться так же (хотя и не полностью), как с людьми; с другой стороны, «трансгуманистические» технологии – такие как имплантация мозга или «загрузка» сознания и т.п., – как правило, осуждаются (и это осуждение, как принято считать, мотивировано некоторыми врожденными механизмами человека)².

Чтобы осознать проблемы, которые создают для разума и понимания современного человека искусственные «моральные субъекты» и трансгуманистические технологии, необходимо использовать комплексные подходы и комбинированные инструменты философии, эволюционной психологии, моральной психологии, технологических исследований, антропологии и других дисциплин. Как показывают данные современных исследований, действительно существуют некоторые ранее не изученные вопросы и проблемы, с которыми неизбежно должно столкнуться развитое моральное познание человека.

¹ См.: Moral psychology and artificial agents. (Part one). Ontologically categorizing bio-cultural humans / M. Laakasuo, J.R.I. Sundvall, A. Berg, M. Drosinou, V. Herzon, A. Kunnari, M. Koverola, M. Repo, T. Saikkonen, J. Palomäki // Machine law, ethics, and morality in the age of artificial intelligence. – P. 179.

² Ibid. – P. 189.

Моральные дилеммы, связанные с самоуправляемыми автомобилями, беспилотными летательными аппаратами-убийцами, роботами-медсестрами или роботами-спасателями, при анализе с этой новой точки зрения (объединяющей, как было сказано выше, философию, эволюционную психологию, моральную психологию, технологические исследования и антропологию) открывают новые перспективы для понимания нашего собственного морального познания и его функционирования. Мы действительно зачастую относимся к роботам, как будто у них есть разум, – но то, в какой степени мы наделим их «разумом», по-видимому, зависит от типа решений, которые принимают соответствующие устройства или механизмы. Дополнительно необходимо отметить, что ряд моделей, теорий и выводов в данном вопросе могут в принципе быть культурно обусловленными – и в данном случае отнесены только к «западным» культурам, – хотя ряд исследований показывают, что в действительности существуют некоторые кросскультурные универсалии, – что, в свою очередь, еще более подчеркивает необходимость разработки «биокультурных» подходов, учитывающих как эволюционные модульные модели, так и культурные влияния на структуры человеческого познания. Во всяком случае, по мнению ряда современных ученых, грядущий «хаос» уникален в истории человечества и достоин того, чтобы быть изученным¹.

Проблемы применения искусственного интеллекта в правовой сфере. Намного более «приземленно» и прагматично к проблемам этики ИИ относятся ученые-юристы.

Так, Хэрри Сурден, доцент Школы права Университета Колорадо, исходит из того, что само по себе использование инструментария ИИ в сфере права ставит ряд этических вопросов, главный из которых: как общество может быть уверено, что базовые ценности права остаются надежно защищены, – по мере того как ИИ становится все более интегрированным в правовые системы?²

Действительно, как принято сегодня считать, большинству современных демократических правовых систем свойственен ряд общих ценностей, как то: равенство перед законом; публичность,

¹ См.: Moral psychology and artificial agents. (Part one). Ontologically categorizing bio-cultural humans / M. Laakasuo, J.R.I. Sundvall, A. Berg, M. Drosinou, V. Herzon, A. Kunnari, M. Koverola, M. Repo, T. Saikkonen, J. Palomäki // Machine law, ethics, and morality in the age of artificial intelligence. – P. 200.

² См.: Surden H. Ethics of AI in law: Basic questions // The Oxford handbook of ethics of AI / ed.by M.D. Dubber, F. Pasquale, S. Das. – Oxford, 2020. – P. 719.

непредвзятость и независимость в разрешении споров; обоснованность юридических решений; зависимость правовых решений от норм и фактов, но не от социального положения и властных полномочий; возможности обжалования решений; общественное обсуждение проектов законов и ряд других.

Сегодня приходится признать, что применение ИИ в правовой сфере может повлиять – существенно расширить либо значительно сузить – на возможности реализации ценностей права, в том числе в сравнении с тем, как это исторически и политически сложилось и присуще данной правовой системе. Не случайно поэтому, что значительное внимание современных исследователей-правоведов привлекает проблематика, связанная с тем, каким образом ключевые правовые ценности могут ненамеренно (или намеренно) быть трансформированными по мере расширения применения ИИ в правовых системах¹. В связи с этой общей обеспокоенностью следует особенно отметить следующее.

Во-первых, самые существенные опасения юридического сообщества связаны с тем, что применение ИИ в правовой сфере приведет к негативным последствиям – с точки зрения справедливости системы в целом. Однако, с другой стороны, следует отметить, что применение ИИ потенциально способно усилить реализацию желаемых для общественности правовых ценностей: например, способствовать снижению предвзятости, служить росту доступности и открытости правовой сферы вообще и правосудия в особенности – и, таким образом, в целом повысить эффективность правовой системы; и т.п.

Во-вторых, множество этических вопросов в праве, связывающихся сегодня с внедрением ИИ, в действительности не являются новыми для правовой сферы в принципе и давно существовали прежде, в тех или иных формах, в элементах и структурах правовых систем. Тогда справедлив вопрос: зачем в принципе увязывать их с ИИ? Причины последнего следует искать в том, что внедрение технологий ИИ в правовую сферу зачастую переводит определенные латентные проблемы, существовавшие в правовой сфере, в явные. Например, как показывает опыт, ряд судей являются носителями определенных предубеждений и «стереотипов», и лишь применение ИИ в анализе соответствующей правовой информации выявило это, т.е. сделало такую «личную» предубежденность отдельных судей очевидной; и т.п.

¹ См.: Surden H. Op. cit. – P. 720.

В-третьих, крайне важно не преувеличивать в принципе роль внедрения ИИ в сферу права, в том числе по сравнению с иными социальными факторами и влияниями на правовое развитие. Например, глубинные социальные процессы или действия лоббистов, традиции и политическая власть способны намного существеннее влиять на фундаментальные ценности права, нежели внедрение технологий ИИ в правовую сферу.

Соответствующим образом, с учетом означенных проблем, представляется возможным предложить анализ проблематики применения ИИ в правовой сфере и сопряженные с этим этические вопросы, разделив «пользователей» ИИ в правовой сфере на три группы: «администраторы права» (*administrators of law*) – к числу которых относятся, например, судьи, законодатели, полиция; «практики права» (*practitioners of law*) – среди которых должны быть представлены, например, адвокаты и юрисконсульты; «пользователи права» (*users of law*) – т.е. рядовые граждане и / или представители бизнеса и др. Для каждой из обозначенных групп отведена своя роль и функция в правовой системе; соответствующим образом, каждая группа применяет ИИ в правовой сфере различным образом.

«Администраторы права», в особенности в сравнении с другими группами, используют ИИ «поливалентно» и в целом обладают наибольшим потенциалом влияния на социальную сбалансированность правовой сферы. Ключевая этическая проблема в этой связи с этим – переложение ответственности официальных лиц за принятие решений в плане применения ИИ. Так, когда в правовой системе появляются юридически значимые решения, общественность знает, кто – лично или коллективно – такое решение принимал. В случае внедрения технологий ИИ может произойти искусственное перенесение ответственности – например, со ссылкой на автоматически рекомендованные проекты решений в системах ИИ. Таким образом, ответственность официальных лиц может, в потенциале, первоначально «списываться» на правовую систему в целом, а затем, например, – на разработчиков правовых ИИ-технологий; и т.п. Именно в этом аспекте, по мнению специалистов, следует усматривать ключевую этическую проблему внедрения ИИ в правовой сфере применительно к группе «администраторов права».

«Практики права» – практикующие юристы – испытывают тревогу в связи с внедрением ИИ в правовую сферу по иным причинам и в иных вопросах. Так, традиционно юристы привлекаются

для оказания помощи в решении обширного круга вопросов правового характера физических и юридических лиц – и сегодня многие из них начинают применять ИИ для решения ряда задач, которыми прежде занимались лично, как то: автоматизированный анализ документов, автоматическое расследование и прогнозирование исхода дела и пр.

Соответственно, юристы (и их клиенты), у которых имеется доступ к современным инструментам, основывающимся на технологиях ИИ, в плане анализа правовой документации и прогнозирования исхода дел, получают колоссальные преимущества по сравнению с юристами (и их клиентами), которые такими возможностями на сегодняшний день не располагают. Такая ситуация, очевидно, может приводить к значительным трансформациям – особенно в перспективе – в области проблем доступности правосудия, а также отношения к этому вопросу со стороны общественности.

В целом же центральный этический вызов, который бросает внедрение ИИ в правовую сферу, как можно признать на сегодняшний день, – это необходимость установить, каким образом применение ИИ может трансформировать базовые ценности права, и убедиться, что базовые ценности не потерпят урона в связи с технологическими трансформациями, а возможно, и будут лишь укрепляться средствами ИИ¹.

Не все правоведы, однако, согласятся с таким оптимизмом по проблематике внедрения ИИ в правовую сферу. Например, Джошуа П. Дэвис, профессор и директор Центра права и этики школы права Университета Сан-Франциско, полагает, что в нашем обыденном представлении укоренена мысль, что компьютеры всё могут делать лучше, чем мы сами, и быстрее, чем мы склонны были бы ожидать. «Нам говорят, что скоро они могут стать нашими друзьями и принимать решения о жизни и смерти, водят наши машины. Возможно, они также преуспеют в толковании наших законов. Не так-то сложно думать о компьютерах, делающих – насколько в это вовлечен процесс толкования законов – описания и прогнозы в правовой сфере. Однако намного сложнее воспринимать компьютеры выносящими субстантивные моральные суждения. Так, последним бастионом на пути переуступки юридического толкования компьютерам – на пути компьютеров, узурпирующих ответственность и правомочия адвокатов, граждан и даже судей, –

¹ См.: Surden H. Ethics of AI in law: basic questions. – P. 736.

должно стать признание роли морального суждения в том, чем является собственно наше право»¹.

Почему же нельзя доверить компьютерам юридическое толкование? Почему бы, следовательно, не позволить праву функционировать, исключив роль человеческого разума? Можно утверждать, что для этого существует важная причина: юридическое толкование требует морального выбора, опоры на философскую «конечную цель», путем юридического толкования выносятся субстантивное моральное суждение. Компьютеры, как представляется, в принципе не способны к моральному выбору, даже если вскоре они обойдут человека в достижении таких моральных «конечных целей».

Из современного уровня технологического развития следует, что компьютерная техника развивается по пути описания и прогнозирования – в рамках предустановленных целей, – однако не в направлении самостоятельного установления целей, достойных того, чтобы к ним стремиться. Вместе с тем неправильно было бы отрицать, что технологии могут помочь нам продвинуться в нашем собственном понимании юриспруденции и правосудия. В качестве средств поддержки принятия решений компьютерная техника может обострить нашу собственную интуицию. На примере компьютерной техники мы, наконец, сможем ответить себе на вопрос, как различить правовой позитивизм от естественного права – путем достижения понимания роли морали в юридическом толковании в том числе. В этом смысле технологическое развитие приносит нам значительную пользу².

С другой стороны, расширенное внедрение компьютерных технологий и систем ИИ в юридическую деятельность и правовую сферу в целом требует ответственного отношения к себе со стороны юридического сообщества. Так, Дрю Симшо, доцент Правового центра Университета Джорджтауна, полагает, что, ввиду своей комплексности, проблематика этики использования технологий ИИ в правовой сфере, в особенности на уровне юридической практики и консультации, требует – в рамках юридического сообщества – установления общих правил, которые вводили бы этическую

¹ См.: Davis J.P. Law without mind: AI, ethics, and jurisprudence // California Western Law review. – 2019. – Vol. 55, N 1. – P. 165.

² Ibid. – P. 219.

проблематику юридической консультации с использованием технологий ИИ в своего рода «моральный кодекс»¹.

Следует признать, что уже сегодня применение технологий ИИ в правовой сфере могло бы значительно способствовать доступности правосудия. Это в особенности актуально на фоне кризиса в юридической сфере, когда слишком значительное число людей практически оказывается лишено доступа к юридическим услугам, в которых остро нуждается, – и, как правило, постольку, поскольку не может себе этого позволить в силу дороговизны юридической консультации специалиста². Так, несмотря на то что ИИ, безусловно, не сможет полностью восполнить системные недостатки в структуре юридической консультации, определенный прогресс в указанном направлении очевидно мог бы быть достигнут.

Вопрос о том, каким образом должно осуществляться правовое регулирование в сфере предоставления услуг на основе технологий ИИ в юридической консультации, – крайне важный. Однако он не сможет получить адекватного урегулирования до тех пор, пока собственно роль и воздействие технологий ИИ в юридической профессии и сфере права в целом не получают должных оценок и осознания.

Целый ряд шагов в указанном направлении может быть сделан уже сегодня. Это, например, относится к проблеме «датафикации» ('datafication') – т.е. сбора и систематизации первичных данных, – которые, однако, в особенности в сфере права, часто включают «чувствительную» для затронутых лиц информацию и не могут свободно распространяться или раскрываться третьим лицам. С другой стороны, именно такие «чувствительные» сведения зачастую становятся тем самым основанием и принципиальной информацией для вынесенного по тому или иному делу решения: известно, что коммуникации между юристами и их клиентами, включая обсуждение чувствительных для клиентов вопросов и секретов, весьма нередко составляют критически важный компонент эффективной и этичной правовой помощи и судебной защиты³.

Существует еще одно основательное опасение, прежде всего со стороны юридического сообщества, касательно внедрения тех-

¹ См.: Simshaw D. Ethical issues in robo-lawyering: the need for guidance on developing and using artificial intelligence in the practice of law // Hastings law journal. – 2018. – Vol. 70, N 1. – P. 173.

² Ibid. – P. 179.

³ Ibid. – P. 188.

нологий ИИ в правовую сферу: а именно то, что его широкое, «массовое» применение – в том числе, например, массовая доступность «роботов-юристов», – в конечном счете лишит работы множество действительно практикующих юристов, т.е. робот заменит человека.

С указанных выше позиций, если в целом принять, что в самом ближайшем будущем в сфере юридической консультации и правозащиты будут сосуществовать юрисконсульты и адвокаты, услуги технологий ИИ, иные субъекты, – было бы правильно в рамках юридического сообщества разработать и принять общие подходы, которые гарантировали бы, что технологии ИИ будут интегрированы в юридическую деятельность ответственно и с полным соблюдением этических аспектов проблематики – для всех существующих форм юридической помощи и консультации.

Точно так же следует определить круг вопросов, по которым применение технологий ИИ в правовой сфере стало бы в принципе недопустимо. К их числу, например, необходимо отнести уголовные дела, по которым может быть вынесен приговор к высшей мере наказания, либо чувствительные вопросы по депортации и т.п.

Было бы, кроме того, правильным уже сегодня развить широкую общественную дискуссию касательно проблематики применения технологий ИИ в правовой сфере – в особенности в плане реализации потенциала роста доступности правосудия с применением ИИ¹.

Необходимо отметить, что в современных взглядах на проблематику использования ИИ в правовой сфере представлен и более широкий подход, в том числе в плане этики, – что методологически становится возможным в сравнительно-правовом ключе. Так, группа исследователей под руководством Анжелы Дэли на базе факультета права Китайского университета Гонконга провела анализ подходов различных стран к правовой политике в отношении этики применения технологий ИИ. Специалисты стремились ответить на вопрос, каковы должны быть этические стандарты, которым следуют развитие и применение технологий ИИ, – на примерах подходов государственного регулирования, а также политики крупных частных компаний в США, Китае, ЕС, Индии и др.²

¹См.: Simshaw D. Ethical issues in robo-lawyering: the need for guidance on developing and using artificial intelligence in the practice of law. – P. 210.

²См.: Artificial intelligence, governance and ethics: global perspectives / Daly A., Hagendorff T., Li H., Mann M., Marda V., Wagner B., Wang W., Witteborn S. // Uni-

В представленной методологии первоначально были проанализированы проблемы применения средств и технологий ИИ в различных сферах общественной жизни, затем – особенности этических вопросов, в связи с этим возникающих, – и, наконец, было оценено, в каких объемах и формах проблематика внедрения ИИ в социальные отношения приобретает правовое регулирование.

Под искусственным интеллектом в рамках сравнительно-правового исследования предлагается понимать сферы компьютерной технологии, позволяющей автоматически распознавать и выделять в потоках данных блоки информации, на основании которых может быть построен прогноз с определенными целями¹.

В таком представлении, технологии ИИ получают широкое применение – от расследования преступлений и юридической консультации, прогнозирования рисков для ведения бизнеса и в сфере финансов до систем автоматической идентификации личности, например распознавания лиц, и пр. Кроме того, технологии ИИ всё более широко используются в общественной жизни – в страховании, образовании, трудоустройстве, маркетинге, безопасности, управлении и пр.²

Не случайно на повестке дня современных государств встают многообразные этические вопросы в связи с всё более расширяющимися сферами применения технологий ИИ.

К вопросу о нормативности этики искусственного интеллекта. Уточняя представление о том, что означает «этика» в отношении ИИ, специалисты полагают, что в части, касающейся абстрактных моральных принципов, термин «этика» к ИИ в принципе неприменим. С позиций прикладной этики, которая включает в себя этику технологий, – этика ИИ подразумевается структурно, в качестве подкатегории. Речь, таким образом, в данном аспекте должна идти о некоей саморефлексии компьютерных и инженерных наук – в той степени, в которой они вовлечены в разработку технологий ИИ либо машинного обучения. Соответственно, основные требования этики ИИ должны быть отнесены к требованию представлять те моральные цели и допустимые для их достижения средства, которым будут служить разного рода системы и технологии ИИ.

iversity of Hong Kong Faculty of Law Research Paper. – Hong Kong, 2019. – N 2019/033. – P. 8.

¹ Ibid. – P. 7.

² См.: Artificial intelligence, governance and ethics: global perspectives. – P. 8.

Еще один важный аспект этики ИИ – предполагаемый уровень ее нормативности. В данном вопросе, как показывают исследования, этическая проблематика в принципе весьма варьируется – от неприемлемости каких-либо аспектов и проявлений, до желательности, в определенных формах, каких-либо иных. В целом, очевидно, строгой нормативности в этических вопросах крайне трудно достичь – и требовать ее. Поэтому исследователи полагают, что этика ИИ должна соответствовать двум характеристикам. Во-первых, этика ИИ должна оставаться слабо нормативной и не требовать на универсальном уровне определять, что правильно и допустимо, а что – нет. Во-вторых, этика ИИ должна быть максимально приближена к своему объекту¹.

В анализе развития различного рода форм правового регулирования, складывающегося сегодня вокруг проблематики этики технологий ИИ как на международно-правовом уровне, так и в отдельных юрисдикциях, можно выделить следующее.

На международном уровне наиболее полное руководство по этике ИИ на сегодня представлено ОЭСР – «Принципы ИИ» (OECD Principles on AI (2019)).

В организациях системы ООН активно проходят исследования и мероприятия по вопросам этики ИИ, в том числе вырабатываются различного рода руководящие принципы по проблематике в рамках таких организаций, как ЮНЕСКО, ПРООН и др.

Активная работа проводится в Совете Европы и других международных организациях. Определенные шаги предпринимаются и со стороны инженерного сообщества – разработчиков ИИ. Например, Институт электрической и электронной инженерии (Institute of Electrical and Electronic Engineers – IEEE) выступил с Глобальной инициативой по этике автономных и интеллектуальных систем (Global Initiative on Ethics of Autonomous and Intelligent Systems).

В плане развития нормативного правового регулирования в сфере этики ИИ лидером можно назвать Европейский союз. Центральным актом, связанным в том числе с проблемой управления и этики ИИ, является Генеральное руководство по защите данных (General Data Protection Regulation (GDPR)), вступившее в силу в 2018 г. Следует подчеркнуть, что сфера действия данного акта при определенных обстоятельствах распространяется на организации за пределами Европейского союза.

¹ См.: Artificial intelligence, governance and ethics: global perspectives. – P. 9.

Наибольший интерес среди подходов, приводимых в указанном документе, представляет раздел 5 о праве возражения (ст. 21) и автоматизированном индивидуальном принятии решения (ст. 22). Несмотря на то что вокруг данных статей в настоящее время ведется широкая дискуссия – в особенности касательно того, что в точности следует понимать из указанных правоположений на практике; касательно алгоритмизации принятия решений; а также того, насколько предлагаемые ИИ решения оказываются адекватны ожиданиям, с ними связанным, – нельзя отказать ЕС в прогрессивности развиваемых им подходов.

Среди других документов ЕС, представляющих большой научно-практический интерес, можно выделить резолюцию Европейского парламента «Гражданско-правовые нормы о робототехнике» (Resolution on Civil Law Rules on Robotics) 2017 г. Несмотря на то что резолюция не носит обязательного характера, она выражает мнение Европейского парламента, ставит перед Европейской комиссией задачи и определяет основные направления, по которым следует реализовывать правовую политику ЕС – в данном случае в отношении проблематики внедрения ИИ в социально-правовую сферу. Так, по мнению европейских парламентариев, в рамках ЕС должно быть разработано общее руководство касательно этических принципов, которым надлежит следовать в ходе внедрения роботизации и автоматизации в социально значимых сферах общественной жизни, в особенности медицины и биоэтики. Этические кодексы рекомендовано предложить для инженеров, работающих в сфере робототехники, в отношении проводимых в ЕС научных исследований, лицензирования в сфере дизайна, пользовательских соглашений и целого ряда других вопросов.

В 2018 г. Европейская комиссия выпустила коммюнике «О искусственном интеллекте в Европе» (Communication on Artificial Intelligence for Europe)¹, в котором была представлена «европейская инициатива по ИИ», выраженная в трех основных целях: укрепление технологического и промышленного потенциала ЕС для соответствия требованиям технологий ИИ; подготовка к социально-экономическим изменениям, возникающим вследствие внедрения ИИ, – с фокусом на труд, социальную защиту и образование; гарантирование соответствующих этических и правовых мер,

¹ См.: Communication on Artificial Intelligence for Europe. COM/2018/237. – URL: https://knowledge4policy.ec.europa.eu/publication/communication-artificial-intelligence-europe_en (дата обращения: 01.07.2021).

основывающихся на европейских ценностях и соответствующих Хартии основных прав ЕС.

Исследования показывают, что наряду с Евросоюзом, передовое место в плане государственного регулирования ИИ и инициатив в этическом плане прочно занимает КНР. Так, к 2017 г. КНР, по мнению специалистов, заняла место в ряду мировых лидеров по инновациям в сфере ИИ; в КНР поставлена задача к 2025 г. разработать новые законодательные акты и кодексы этики, а также правовую политику касательно развития ИИ в Китае. Это подразумевает в числе прочего активное участие КНР в международной разработке стандартов, развитии международного сотрудничества и законодательства в сфере ИИ¹.

Большой вклад в эти процессы вносит научное сообщество Китая. Так, в 2019 г. научным сообществом были разработаны и предложены Пекинские принципы ИИ (Beijing AI Principles), в центре которых стоит задача развития ИИ таким образом, чтобы ИИ служил человечеству и природе, включающие такую проблематику, как: снижение рисков безработицы посредством исследования форм координации ИИ и человека; интегрирование политики в сфере ИИ с хозяйственно-экономическим развитием в целом; непрерывное прогнозирование в связи с перспективой и рисками появления «Глобального ИИ» (Artificial General Intelligence – AGI) и «Суперинтеллекта» (Superintelligence); и др.

В целом из числа исследованных стран и регионов, по мнению специалистов, наиболее развиты подходы в оценке вопросов этики ИИ в Евросоюзе и КНР. Средний уровень развития регулирования вопросов этики ИИ – в США. Наименьший с точки зрения исследовательских подходов – в Индии².

Кроме того, в подходах к этике технологий ИИ представляется возможным выделить формирование неких сходных и общих принципов для различных юрисдикций, как то: требование прозрачности, обоснованности, ответственности и др. Еще одно важное наблюдение – в своем большинстве документы, принимаемые по вопросам этики технологий ИИ, не имеют силы закона.

¹ См.: Artificial intelligence, governance and ethics: global perspectives. – P. 29–30.

² Ibid. – P. 29.

Т.В. Захаров¹

**ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ
ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕКА**

УДК 340, 342

DOI: 10.31249/pctii/2021.00.13

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы защиты права неприкосновенности частной жизни в условиях информатизации и цифровизации, анализируются труды зарубежных ученых, затрагивающие вопросы правового регулирования информационных отношений, природы права на неприкосновенность частной жизни, проблему согласия на передачу и использование информации о частной жизни, вопросы изменения сентиментальной чувственной сферы человека, интерпретации информации. Освещаются точки зрения исследователей на проблемы использования информации о частной жизни в государственном управлении и ответственности частных технологических компаний.

Ключевые слова: искусственный интеллект; информационные технологии; цифровые технологии; неприкосновенность частной жизни; конфиденциальность; права человека; цифровизация.

T.V. Zaharov

**The right to privacy:
a new reality of the emotional sphere of a person**

Abstract. The article deals with the problems of protecting the right to privacy in the conditions of informatization and digitalization, analyzes the works of foreign scientists dealing with the legal regulation of information relations, the nature of the right to privacy, the problem of consent to the transfer and use of information about private life, the issues of changing the sensual sphere of a person, the interpretation of information. The article highlights the researchers' points of view on the problems of

¹Захаров Тимофей Владимирович, научный сотрудник ИНИОН РАН (Timofey Zakharov, research fellow at the INION RAS).

using information about private life in public administration and the responsibility of private technology companies.

Keywords: artificial intelligence; information technologies; digital technologies; privacy; confidentiality; human rights; digitalization.

Введение

Правовая неопределенность общественных отношений, складывающихся в связи со стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий, остро ставит вопрос информационной безопасности. Современное состояние данных технологий характеризуется как крайне уязвимое. Опасения связаны в том числе с защитой информации о частной жизни человека. Наблюдаемый на протяжении последнего десятилетия агрессивный сбор поддающейся анализу информации представляет угрозу для идеалов конфиденциальности.

Технологии сделали доступными механизмы сложного анализа информации, аккумулируемой средствами электронного протоколирования, накопленные массивы которой получили наименование «большие данные» (*big data*). Анализ больших данных все шире применяется в системе государственного управления. Говорится о становлении особой системы социального взаимодействия, опосредуемой электронными алгоритмами передачи и анализа информации, – цифровом обществе.

Современный сбор информации о частной жизни человека сравнивается с цифровым шпионажем.

Традиционно информация о частной жизни человека на законных основаниях передается отдельным государственным и общественным институтам (правоохранительным органам, нотариусам, адвокатам, медицинским учреждениям, религиозным организациям и т.п.). В связи с этим закон устанавливает ответственность за сохранение ими тайны информации о частной жизни. Однако условия цифрового оборота информации существенно расширили доступные источники ее приобретения.

В настоящее время большинство людей вовлечены в механизмы цифровой экономики, расплачиваясь кредитными картами, приобретая товары и услуги посредством сети Интернет. Широкое распространение получили электронные торговые площадки и сервисы, электронные кадровые агентства, электронная бухгалтерия и

маркетинг, информационно-медицинские сервисы и т.п., ведущие электронный учет данных о контрагентах, реестры транзакций.

Многие проживают собственную виртуальную жизнь в сети Интернет, осуществляя поиск информации в электронных информационных системах, размещая информацию в социальных сетях, обращаясь к сервисам локации и маршрутизации, сбора и анализа биометрических данных и т.п. Программное обеспечение различного рода, в том числе бытового оборудования, именуемого Интернетом вещей (*Internet of things*) фактически выполняет функции (аудио-, видео-) регистраторов.

Отдельную проблему представляют современные агрессивные стратегии сбора персональной информации потребителей участниками рынка. Условием доступа к продуктам и сервисам с использованием программного обеспечения является согласие с предлагаемыми правилами пользования, которые зачастую являются попросту средством получения согласия на извлечение персональных данных потребителя¹. Распространилось предоставление услуг бесплатно, однако фактически – в обмен на доступ к персональным данным. Абстрактным угрозам конфиденциальности, негативный эффект которых отложен на неопределенное будущее, противопоставляются немедленные и вполне конкретные выгоды, такие как доступ к интересующей информации, социальному взаимодействию, преимуществам новых технологий и т.п.² Денежная компенсация взамен предоставления данных в настоящее время практически недоступна³.

Борцы за гражданские права стараются привлечь внимание к тому, что большинство потребителей государственных, коммерческих и некоммерческих цифровых сервисов, пользователей сети Интернет не осознают масштабов генерируемых их действиями данных, которые собираются, анализируются и используются в государственных, политических и коммерческих целях⁴. Во мно-

¹ См.: Metzger A. Data as counter-performance: what rights and duties do parties have? // Journal of intellectual property, information technology and e-commerce law. – Berlin ; Karlsruhe, 2017. – Vol. 8, N 1. – P. 2–8; Yergin R. Consent in the age of Facebook: applying the telephone consumer protection act to text messages from social media platforms // Columbia law review online. – New York, 2016. – Vol. 116. – P. 81, 84–85.

² См.: Solove D. The Myth of the Privacy Paradox // The George Washington law review. – Washington, 2021. – Vol. 89, N. 1. – P. 44.

³ См.: Bagnoli V. Op. cit. – P. 84–85.

⁴ См.: Allen A. Op. cit. – P. 71–72.

гих случаях человек не способен адекватно оценить угрозу собственной конфиденциальности. Он может быть озабочен конфиденциальностью в общем, но он даже потенциально не способен точно знать о способах использования раскрываемых им персональных данных. Данные зачастую вторично используются вне их изначального функционального контекста. Какое толкование они получают в контексте эффекта агрегации информации (*aggregation effect*), во взаимосвязи с иной аккумулируемой информацией в составе расширенного цифрового досье? Как данные могут быть использованы в будущем¹?

Оценка угроз неприкосновенности частной жизни становится еще более сложной задачей в связи с развитием алгоритмов ИИ, машинного обучения. Информация используется все более неожиданными способами, совершенно вопреки ожиданиям предоставляющих ее лиц. Уже очевидно, что даже ограниченный объем персональных данных, вводимый в алгоритмы искусственного интеллекта, раскрывает иную информацию о лице, делиться которой он не имел намерения. Предсказать объемы информации, способной быть раскрытой таким образом, не могут даже специалисты. М. Фрумкин (М. Froomkin) предложил термин «миопия понимания конфиденциальности» (*privacy myopia*) для обозначения системной неспособности человека корректно оценить угрозы сохранности своих персональных данных. Для обычного человека невозможно оставаться осведомленным о растущих возможностях использования информации, безобидной на первый взгляд. Даже если представить, что долгосрочные последствия раскрытия информации познаваемы, слишком дорого разыгрывать все возможные сценарии того, как данные могут быть использованы в будущем².

Встают сложные вопросы: как и для каких целей осуществляется оборот информации, на каких условиях она изначально собиралась? Неочевидные для большинства способы использования их персональных данных приводят ко многим формам дискриминации: при трудоустройстве, предоставлении в наем жилища, предоставлении финансовых услуг и т.п. Состояние правовой неопре-

¹ См.: Solove D. The Myth of the Privacy Paradox // The George Washington law review. – Washington, 2021. – Vol. 89, N 1. – P. 43; Martin K. Breaking the Privacy Paradox: The Value of Privacy and Associated Duty of Firms // Business Ethics Quarterly. – Cambridge, 2020. – Vol 30, N 1. – P. 65, 87.

² См.: Solove D. The Myth of the Privacy Paradox // The George Washington law review. – Washington, 2021. – Vol. 89, N 1. – P. 43–44.

деленности приводит к неправоначальному раскрытию, хищениям персональных и идентификационных данных. Миллионы людей становятся жертвами киберпреступлений каждый день, а совокупный глобальный вред, причиняемый киберпреступлениями, исчисляется сотнями миллиардов долларов в год¹.

Н. Ричардс, Д. Кинг, Р. Кало, равно как и многие другие ученые, рассматривают технологии анализа больших данных как главную угрозу конфиденциальности информации, неприкосновенности частной жизни и идентичности².

Комплексность правового регулирования информационных отношений. Оборот информации о частной жизни затрагивает множество проблем. Информационно-коммуникационные технологии сегодня вовлечены в каждую сферу существования человека и общества. В связи с этим особую проблему представляет сложность требуемого отраслевого и межотраслевого регулирования.

Правовое регулирование общественных отношений, связанных с аккумулярованием информации и использованием результатов ее анализа, является сложным, комплексным. Публично-правовые институты правовой защиты информации, контроля ее оборота, защиты неприкосновенности частной жизни, конфиденциальной информации, государственной и коммерческой тайны, право информационной безопасности сопряжены с правом интеллектуальной собственности, правом конкуренции, нормами защиты прав потребителей.

¹ См.: Finemore M., Hollis D. Constructing norms for global cybersecurity // *The American journal of international law*. – Cambridge, 2016. – Vol. 110, N 3. – P. 430; Wessel R. *Towards EU cybersecurity law: regulating a new policy field* // *Research handbook on international law and cyberspace* / Ed. by N. Tsagourias, R. Buchan. – Cheltenham ; Northampton, MA : Edward Elgar pub., 2015. – P. 407.

² См.: Richards N., King J. Op. cit. – P. 432; Calo R. *Digital Market Manipulation* // *The George Washington law review*. – Washington, 2014. – Vol. 82, N 4. – P. 1050–1051; Golla S. *Is data protection law growing teeth? The current lack of sanctions in data protection law and administrative fines under the GDPR* // *Journal of intellectual property, information technology and e-commerce law*. – Berlin ; Karlsruhe, 2017. – Vol. 8, N 1. – P. 70–78; Allen A. Op. cit. – P. 72, 78; César J., Debussche J. *Novel EU legal requirements in Big Data security: Big Data – big security headaches?* // *Journal of intellectual property, information technology and e-commerce law*. – Berlin ; Karlsruhe, 2016. – Vol. 8, N 1. – P. 79–88; Van Alsenoy B. *Liability under EU data protection law: from Directive 95/46 to the General data protection regulation* // *Journal of intellectual property, information technology and e-commerce law*. – Berlin ; Karlsruhe, 2016. – Vol. 7, N 3. – P. 271–288.

Информационная безопасность сопряжена с применением информационно-коммуникационных технологий в военных действиях, кибершпионажем, кибертерроризмом и киберпреступностью. В природе проблем информационной безопасности заложена вырванная трансграничная составляющая.

В значительной части рассматриваемые отношения до настоящего времени не получили правового определения. Поднимаемые проблемы крайне усложняются тем, что информационно-коммуникационные технологии – сложное комплексное явление.

Задача установления баланса между необходимостью защиты информации о частной жизни, с одной стороны, и потребностью в сокрытых в ней общественных ценностях – с другой видится крайне сложной¹.

В то же время некоторые правовые основы информационного взаимодействия в новом цифровом обществе вполне очевидны даже в условиях неопределенности правовой трансформации. Нормы, регулирующие оборот в обществе информации о частной жизни, являются неотъемлемыми и неизбежными в той либо иной форме². Принцип, согласно которому человек должен обладать защитой и своей личности, и принадлежащей ему собственности, является настолько же старым, как и само право³. Мысли, эмоции и чувства человека по-прежнему требуют правового признания.

В условиях формирующегося цифрового общества вновь актуальными становятся основные вопросы, поднятые в конце XIX в.: способно ли существующее право защитить информацию о частной жизни лица, и если да, то какова природа и пределы такой защиты⁴? Какую практическую реализацию получит принцип, согласно которому человек может сохранять в секрете свои мысли, сентиментальные и эмоциональные переживания (за исключением случаев, когда он предоставляет информацию как свидетель).

Очевидно, что для наиболее эффективной работы алгоритмов анализа больших данных нужна информация именно обо всех

¹ См.: Mayer-Schönberger V., Padova Y. Regime change? Enabling big data through Europe's new data protection regulation // The Columbia science & technology law review. – N.Y., 2016. – Vol. 17 : (2015–2016). – P. 317.

² См.: Richards N., King J. Op. cit. – P. 432; Calo R. Digital Market Manipulation // The George Washington law review. – Washington, 2014. – Vol. 82, N 4. – P. 1050–1051.

³ См.: Warren S., Brandeis L. The right to privacy // Harvard law review. – Cambridge, 1890. – Vol. 4, N 5. – P. 193.

⁴ См.: Ibid. – P. 197.

и настолько полная, насколько это возможно. Ситуация, когда доступ к персональным данным является условием вхождения в общество, по-новому раскрывает содержание права на жизнь. Право на неприкосновенность частной жизни способно приобрести особое технико-юридическое значение.

Человеку свойственно отказываться от принадлежащих ему естественных свобод и прав в пользу предлагаемой обществом системы общежития. Таким образом, новая информационная реальность не вступает в прямое противоречие со многими основополагающими принципами построения современного человеческого общества. Действие многих норм приобретает новое понимание, но сами нормы не утрачивают свою силу.

Природа права на неприкосновенность частной жизни; экономическое значение информации. Сложность представляет понимание природы права на неприкосновенность частной жизни. Развитие информационных технологий показало, что оно имеет многие измерения.

Одной из работ, посвященных определению права на неприкосновенность частной жизни и в значительной степени предопределивших современное развитие этого права в западных теориях, является опубликованная журналом *Harvard law review* в 1890 г. статья С. Уоррена и Л. Брэндайса «The right to privacy»¹. Актуальность работы сегодня в том, что в ней была предпринята попытка осмыслить влияние хаотичного, агрессивного и непредсказуемого публичного раскрытия (публикации) данных о личной и семейной жизни членов американского общества редакциями газет и журналов в середине – конце XIX в.

Авторы последовательно описывают становление права на неприкосновенность частной жизни в качестве производной от более широкого права – права на жизнь (*the right to life*). Они рассматривают этапы его формирования, начиная от установления правовой защиты от физического вмешательства в жизнь человека, воздействия на его имущество (*vi et armis*), и до правового признания духовной природы человека, его чувств и интеллекта, трансформации права на жизнь в право наслаждаться жизнью (*the right to enjoy life*), выделение из составов правонарушений (преступлений), связанных с применением насилия (*battery*), составов, свя-

¹ См.: Warren S., Brandeis L. Op. cit. – P. 193–220.

занных с угрозами такого насилия, в том числе оскорблениями, вызывающими страх перед возможным насилием (*assault*)¹.

Правовые системы предоставляют человеку право определять, до какой степени его мысли и эмоции будут доступны обществу. Никто не имеет права публиковать продукт мыслительной и эмоциональной деятельности лица без его согласия.

В настоящее время закладывается правовая основа экономической модели общественного устройства, строящаяся на анализе персональных данных. Выделился самостоятельный сегмент хозяйственной деятельности (бизнес-модель), всецело построенный на аккумулировании и эксплуатации информации. По-новому встал вопрос об экономическом значении информации.

В науке широко представлены подходы, обращенные к экономической оценке персональных данных. В. Багноли выступает за введение в научный оборот понятия «релевантный рынок больших данных»². Персональные данные становятся источником нематериальных благ для целей создания объектов, имеющих стоимостное выражение, сравнимым с авторскими правами, патентами, деловой репутацией и т.п.³ Организации, собирающие персональную информацию, претендуют на защиту авторских прав в отношении формируемых ими баз данных. Потребители электронных сервисов, в свою очередь, сохраняют авторские права на оригинальные посты, фотографии и видео, выкладываемые ими на онлайн-сервисах⁴.

Установить механизмы формирования стоимостного выражения персональных данных сложно. Потенциальные способы использования данных во взаимодействии конкурирующих хозяйствующих субъектов и потребителей в полной мере не исследованы.

Безусловно, право на неприкосновенность частной жизни не может быть сведено исключительно к предмету торга в рыночных

¹ См.: Warren S., Brandeis L. Op. cit. – P. 193–194.

² См.: Bagnoli V. The big data relevant market // *Concorrenza e mercato*. – 2016. – Rome, 2016. – P. 80–82.

³ См.: Ibid. – P. 80–82; Drexl J. Designing competitive markets for industrial data: between propertisation and access // *Journal of intellectual property, information technology and e-commerce law*. – Berlin ; Karlsruhe, 2017. – Vol. 8, N 4. – P. 259.

⁴ См.: Graef I. Market definition and market power in data: the case of online platforms // *World competition*. – Wolters Kluwer, 2015. – Vol. 38, N 4. – P. 480; Bagnoli V. Op. cit. – P. 86–87.

отношениях. Конфиденциальность имеет социальное измерение¹. Д. Солове указывает на ряд наиболее важных, по его мнению, причин социальной ценности права на неприкосновенность частной жизни: ограничения публичной власти, уважение к личности, управление личной репутацией, поддержание надлежащих социальных барьеров, доверие, контроль над собственной жизнью, свобода мысли и выражения мнения, свобода социальной и политической активности, возможность изменить себя и иметь второй шанс, исключение необходимости объясняться и оправдывать себя².

Право на неприкосновенность частной жизни имеет чрезвычайно большое значение в качестве конститутивного элемента свободного демократического общества. Это не означает, что она относится к высшим социальным ценностям. Конфигурация отношений конфиденциальности имеет важное инструментальное значение в достижении и общественных, и индивидуальных целей. Правовое регулирование не может строиться на том, насколько охотно люди «торгуют» своими персональными данными³.

Принцип, защищающий личные данные (произведения) не от хищения или физической экспроприации, а от их публикации в любой форме, в действительности берет свое начало не в структуре права собственности, а в структуре права на личную неприкосновенность⁴. Тем не менее, во-первых, конституционная модель права на неприкосновенность частной жизни сложно переплетается с защитой интеллектуальной собственности и коммерческой тайны. В. Багноли полагает, что нарушения неприкосновенности частной жизни требуют особого внимания антимонопольного права в связи с использованием анализа больших данных для занятия доминирующего положения на рынках⁵. Во-вторых, появляется новая модель – притязание на экономическую ценность информации, не являющейся произведением науки, литературы и искусства.

Проблема согласия на передачу и использование информации о частной жизни. В пределах традиционной правовой конструкции права на неприкосновенность частной жизни правомерность сбора и использования информации о частной жизни

¹ См.: Solove D. The Myth of the Privacy Paradox // The George Washington law review. – Washington, 2021. – Vol. 89, N 1. – P. 35–37.

² Ibid. – P. 38–41.

³ Ibid.

⁴ См.: Warren S., Brandeis L. Op. cit. – P. 205.

⁵ См.: Bagnoli V. Op. cit. – P. 74.

(персональной информации) лица зависит от его согласия. Формально такое согласие является условием доступа к подавляющему большинству электронных ресурсов, посредством которых информация собирается (в разном объеме). В связи с этим в науке поднимается вопрос о «парадоксе конфиденциальности» – феномене, когда человек заявляет, что он ценит свою конфиденциальность высоко, в то время как фактически предоставляет свои персональные данные в обмен на вещи и услуги крайне малой стоимости либо не совершает необходимых действий для защиты своих персональных данных.

Многие исследователи указывают на тот факт, что люди не предпринимают доступные им шаги для защиты информации о своей частной жизни, такие как изучение пользовательских соглашений и политики конфиденциальности цифровых ресурсов, настройка доступных параметров конфиденциальности данных ресурсов, отказ от «услуги отслеживания» информации для формирования персональных рекламных предложений, шифрование собственных данных и т.п.¹ В связи с этим делаются предположения, что с повышением осведомленности человека о возможностях «самозащиты» его поведение должно измениться.

Д. Солове, однако, полагает, что контроль пользователей программного обеспечения за своими персональными данными – иллюзорный. Многие организации собирают и хранят персональные данные, даже не ставя в известность их носителей (владельцев). Количество организаций, собирающих персональные данные, уже сегодня исчисляется тысячами². Поведение человека в информационной среде отражает оценку им рисков в крайне специфичном контексте и таким образом существенно от данного контекста зависит³. Зачастую оценка контекста дается без осознания послед-

¹См.: Putting the privacy paradox to the test: online privacy and security behaviors among users with technical knowledge, privacy awareness, and financial resources / Barth S., de Jong M., Junger M., Hartel P., Roppelt J. // *Telematics & informatics.* – Amsterdam, 2019. – Vol. 41. – P. 55, 65.

²См.: Solove D. The Myth of the Privacy Paradox // *The George Washington law review.* – Washington, 2021. – Vol. 89, N 1. – P. 47.

³См.: Acquisti A., John L., Loewenstein G. What Is Privacy Worth? // *Journal of legal studies.* – Chicago, 2013. – Vol. 42, N. 2. – P. 269. Эксперименты, проведенные К. Мартин, показали, что в контролируемой среде человек менее склонен вступать во взаимодействие с контрагентом, нарушающим его приватность, даже если такое взаимодействие предлагает финансовые выгоды.

ствий, которые к тому же наступают гораздо позднее принятого решения¹.

Если предложить человеку поступить рационально, исходя из всей полноты понимания проблем конфиденциальности, единственным здравым решением относительно защиты собственных данных станет радикальное «отключение» от современного мира. Уже простое изучение пользовательских соглашений сотен или даже тысяч интернет-сайтов и приложений, с которыми сегодня вступает во взаимодействие каждый средний пользователь, является непомерной задачей. Агрессивность современной цифровой рекламной индустрии делает отказ от «слежки для целей рекламы» невозможным даже для специалиста в области конфиденциальности в цифровой среде².

Исследования Э. Харгиттаи (E. Hargittai) и Э. Марвик (A. Marwick) обнаружили у пользователей социальных сетей чувства апатии и цинизма в отношении конфиденциальности онлайн, в частности убежденность в том, что нарушения конфиденциальности неизбежны, а средства защиты неэффективны. Цинизм в отношении конфиденциальности (*privacy cynicism*) является реальным феноменом – как бы пользователи цифровых технологий ни пытались заниматься самозащитой своих данных, они не смогут достигнуть достаточного понимания, необходимого для принятия рациональных решений (К. Хоффман (C. Hoffmann), К. Лутц (C. Lutz), Г. Ранзини (G. Ranzini)). Цинизм, вероятно, – наиболее рациональный ответ независимо от того, насколько пользователь осведомлен о тонкостях цифровых технологий³.

Изменение чувственной сферы человека. Существенной проблемой новой информационной реальности (потенциальной публичности информации о частной жизни, перманентной угрозы ее раскрытия) становится осмысление приемлемых общественных устоев и морали межличностного индивидуального и коллективного взаимодействия. Единожды восприняв условия информированности общества о его эмоциональных переживаниях, человек,

(См.: Martin K. Breaking the privacy paradox: the value of privacy and associated duty of firms // Business ethics quarterly. – Cambridge, 2020. – Vol 30, N 1. – P. 65, 87).

¹ См.: Solove D. The Myth of the Privacy Paradox // The George Washington law review. – Washington, 2021. – Vol. 89, N 1. – P. 38–41.

² См.: Ibid. – P. 44–46.

³ Ibid. – P. 46.

очевидно, изменит модели собственного поведения. Вероятно, общество ждет новое понимание чувственной природы человека.

Встает вопрос о ценности традиционных общественных устоев и морали, как было принято считать – гуманистического достижения современных цивилизаций.

Определение новых моральных принципов является, видимо, одним из наиболее сложных вопросов в прогнозировании трансформации в регулировании оборота персональных данных и их защиты. В попытках обуздать преимущества новых цифровых технологий, не став жертвой их потенциального вреда, осмысленные этики оборота информации становится первоочередной необходимостью¹.

Отдельная проблема касается возможности принудительного обеспечения правовых и этических стандартов. Так, серьезная дискуссия идет о том, какое фактическое влияние оказывают положения Общего регламента по защите данных ЕС 2018 г., насколько они способны решить возникающие проблемы².

Ответственность частных технологических компаний за неприкосновенность частной жизни. Каждый из этапов алгоритмизированного процесса: 1) разработка модели достижения заданной цели, основанной на анализе имеющихся исторических данных; 2) кодирование алгоритма данной модели; 3) сбор данных для ввода в алгоритм; 4) обработка алгоритмом введенных данных; 5) вывод итога произведенных алгоритмом операций в виде прогнозов или рекомендаций³ – требует особой подготовки специалистов и сложной технической инфраструктуры, отсутствующей в большинстве органов государственного управления⁴. Это

¹ См.: Richards N., King J. Op. cit. – P. 432; Rubenstein I. Regulating privacy by design // Berkeley technology law journal. – Berkeley, 2011. – Vol. 26, N 3. – P. 1454–1456.

² См.: Artificial intelligence, governance and ethics: global perspectives. Op. cit. – P. 12.

³ См.: Zarsky T. Transparent Predictions // University of Illinois law review. – Champaign, 2013. – Vol. 2013, N 4. – P. 1503, 1517–1520; Accountable algorithms / Kroll J., Huey J., Barocas S., Felten E., Reidenberg J., Robinson D., Yu H. // University of Pennsylvania law review. – Philadelphia, 2017. – Vol. 165, N 4. – P. 640; Brauneis R., Goodman E. Algorithmic Transparency for the Smart City // The Yale journal of law & technology. – New Haven, 2018. – Vol. 20. – P. 112–113.

⁴ См.: Glicksman R., Markell D., Monteleoni C. Technological innovation, data analytics, and environmental enforcement // Ecology law quarterly. – Berkeley, 2017. – Vol. 44, N 1. – P. 41, 47; Brauneis R., Goodman E. Algorithmic transparency for the smart city // The Yale journal of law & technology. – New Haven, 2018. – Vol. 20. – P. 114.

является одной из главных причин того, что государства заключают с частными компаниями контракты на разработку и последующее обслуживание используемых в государственном управлении алгоритмов¹.

В каждом этапе алгоритмизированного процесса закодированы суждения о том, какие данные включать в расчет, а какие нет, как их оценивать, каким данным придавать большее значение, а каким меньше². Данные суждения могут иметь важное, а зачастую и неочевидное влияние на итоговый вывод алгоритма. Б. Мительштадт указывает на широко распространенное в среде разработчиков алгоритмов явление – при формулировании алгоритма изначально в уме разработчика держится такое его «предполагаемое» решение, которое отдает предпочтение одним ценностям и интересам в ущерб другим³. Ложная идея, что алгоритмы – это чистая наука без политики, препятствует осознанию того, что стоит на кону⁴.

Оценить интегрированную в алгоритм политику, ее справедливость и, как итог, справедливость предлагаемого алгоритмом вывода можно, лишь видя и понимая то, как алгоритм работает. Раскрытие алгоритмов невыгодно частным компаниям, извлекающим прибыль из принадлежащих им интеллектуальных прав. Уже сейчас они активно препятствуют раскрытию информации⁵. Как результат, частные компании приобретают ключевую роль в анализе персональных данных в государственном управлении⁶.

Ответственность за защиту права на неприкосновенность частной жизни несет государство. Частные компании, получившие от государства персональные данные, несут ответственность за сохранность данных, их надлежащее (целевое) использование. Одна-

¹ См.: Coglianese C., Lehr D. Op. cit. – P. 30.

² См.: Surden H. Values embedded in legal artificial intelligence // University of Colorado law legal studies, research paper. – Boulder, 2017. – N 17–17. – P. 5; Berger J., Berry D. Statistical Analysis and the illusion of objectivity // American scientist. – Research triangle park, NC, 1988. – Vol. 76, N 1. – P. 159–165.

³ См.: The ethics of algorithms: mapping the debate / Mittelstadt B., Allo P., Taddeo M., Wachter S., Floridi L. // Big data and society. – London, 2016. – Vol. 3, N 2. – P. 1; Liu H., Lin C., Chen Y. Beyond state v. Loomis: artificial intelligence, government algorithmization, and accountability // International journal of law and information technology. – Oxford, 2019. – Vol. 27, N 2. – P. 137.

⁴ См.: Brauneis R., Goodman E. op. cit. – P. 119.

⁵ См.: Wexler R. Life, liberty and trade secrets: intellectual property in the criminal justice system // Stanford law review. – Stanford, 2017. – Vol. 70, N 5. – P. 1350–1353.

⁶ См.: Brauneis R., Goodman E. Op. cit. – P. 111.

ко, риск заключается в том, что частные компании приобретают возможность активно влиять и на государственную политику, и на практику правоприменения. В силу собственной правовой природы, коммерческая организация будет стремиться использовать предоставляемые ей данные для достижения своей основной цели – извлечения прибыли, хотя бы и в ущерб не только общественным, но и индивидуальным интересам. Особую проблему составляет утрата государством контроля над критически важной информацией¹.

Однако даже если допустить возможность предоставления частным компаниям публичных полномочий, четко определенных государством, встает целый ряд важных вопросов. Во-первых, какие типы решений государство может делегировать электронному алгоритму, находящемуся под контролем частной компании? Во-вторых, должны ли полномочия быть настолько широкими, чтобы предоставить алгоритму право принимать ценностно ориентированные решения (*value-based judgements*); или же только решения, не допускающие усмотрения (*non-discretionary decisions*)²?

Заключение

Правовое регулирование не способно в настоящее время решить все возможные проблемы. Высказывается мнение, что строгая правовая защита персональных данных задушит инновации в технологическом развитии³. Высокая динамика конкуренции в условиях цифровой экономики обусловлена непрерывными циклами инноваций, развития и технологических прорывов⁴. Жесткие правовые рамки существенно ограничат доступные выгоды.

В то же время отсутствие правового поля создаст риск появления «серых» зон оборота и использования информации. Сложность требуемого регулирования затрудняет разграничение режимов благоприятствования и ограничения использования алгоритмов анализа персональных данных.

¹ См.: Op.cit. – P. 109, 117.

² См.: Liu H., Lin C., Chen Y. Op. cit. – P. 137.

³ Lev-Aretz Y., Strandburg K. Privacy regulation and innovation policy // The Yale journal of law & technology. – New Haven, 2020. – Vol. 22. – P. 259.

⁴ См.: Bagnoli V. The big data relevant market // Concorrenza e mercato. – Rome, 2016. – P. 81–82.

Представить, что развитие правового регулирования оборота персональных данных, в том числе и в сторону усиления их защиты, повлияет на технологические исследования, сложно. Так, потребность в исследованиях в области технологичных средств защиты информации налицо. Алгоритмизированное управление способно воспринять и правовые, и общественные требования, повышая таким образом свою корректность, продуктивность и, потенциально, – легитимность, считают Коглианес и Лер¹. По крайней мере, очевидно, что инновации будут определяться дизайном правового регулирования конфиденциальности.

Существующее регулирование излишне полагается на самозащиту как средство защиты права на неприкосновенность частной жизни². С философской точки зрения важно выделить моральную ответственность человека по защите информации о своей частной жизни, которую А. Аллен ставит в один ряд с этической ответственностью надлежащего государственного управления и ведения экономической деятельности³. В то же время особенность угроз, создаваемых технологиями анализа персональных данных, указывает на необходимость коллективных, политических подходов к самозащите⁴.

Правовое регулирование конфиденциальности в цифровой среде должно фокусироваться на архитектуре сбора, хранения, передачи и использования информации. Компонентом данной архитектуры может быть заключение контрактов, включающих положение о передаче персональных данных собирающей их организацией третьим лицам, притом что в разработке и обсуждении условий этих контрактов носители данных не принимали никакого участия. Определенные виды и формы передачи данных должны быть запрещены или обусловлены. А в законах установлены пределы сбора данных⁵.

Желание потребителя делить информацию с коммерческими структурами должно обуславливаться целью повышения уровня

¹ См.: Coglianese C., Lehr D. Transparency and algorithmic governance // *Administrative law review*. – Washington : Washington college of law, 2019. – Vol. 71, N 1. – P. 1–2, 35–36, 50.

² См.: Solove D. The Myth of the Privacy Paradox // *The George Washington law review*. – Washington, 2021. – Vol. 89, N 1. – P. 44.

³ См.: Allen A. Op. cit. – P. 72–74.

⁴ Ibid. – P. 72, 78.

⁵ См.: Solove D. The Myth of the Privacy Paradox // *The George Washington law review*. – Washington, 2021. – Vol. 89, N 1. – P. 49–50.

его обслуживания¹. Хорошим примером является принцип «ограничения целей» (*purpose limitation*), закрепленный в п. b ст. 6.1 Директивы Европейского парламента и Совета ЕС от 24 октября 1995 г. «О защите прав частных лиц применительно к обработке персональных данных и о свободном движении таких данных»². Согласно данному принципу, персональные данные должны собираться для объявленных, явных и законных целей и в дальнейшем не могут обрабатываться каким-либо образом, несовместимым с этими целями.

Компании, занимающие доминирующее положение на рынке, должны использовать корректные (соответствующие условиям рынка) правила пользования цифровыми продуктами и услугами; надлежаще осведомлять потребителей о характере и объеме собираемой информации. Мнение, что потребители, приобретающие бесплатные продукты и сервисы, не могут иметь обоснованных ожиданий конфиденциальности, М. Штюке и А. Грюнс считают культивируемым в обществе мифом.

Следует шире подходить к пониманию информации и ее роли в разработке этики конфиденциальности, норм и правовых механизмов защиты неприкосновенности частной жизни, доверия, транспарентности и идентичности от угрозы подчинения новым возможностям анализа информации³. Чтобы быть эффективной, этика должна соответствовать двум условиям. Во-первых, быть низконормативной и не определять универсально, что хорошо, а что плохо. Во-вторых, она должна быть предметно ориентирована на конкретный объект применения⁴.

Особое значение для достижения единообразия правовых и политических подходов к трансграничным проблемам защиты права на неприкосновенность частной жизни имеет международное право⁵. Гармонизация норм обмена государствами информацией на международном уровне может обеспечить предупреждение нарушения этого права⁶.

¹ См.: Richards N., King J. Op. cit. – P. 432.

² См.: Bagnoli V. Op. cit. – P. 82.

³ См.: Richards N., King J. Op. cit. – P. 432. См. также, например: Scassa T. Law enforcement in the age of big data and surveillance intermediaries: transparency challenges // SCRIPTed. – Edinburgh, 2016. – Vol. 14, N 2. – P. 239–284.

⁴ См.: Artificial intelligence, governance and ethics: global perspectives. Op. cit. – P. 7, 29.

⁵ См.: Sarfaty G. Op. cit. – P. 94.

⁶ Ibid. – P. 94–95.

ПРАВО, ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Сборник статей

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка К.Л. Синякова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 1 / X – 2021 г.
Формат 60x84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 15,3 Уч.-изд. л. 14,7
Тираж 300 (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 60

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion>, https://instagram.com/books_inion

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»,
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У